
THE LIBRARY OF CONGRESS

Zasodimskii, Pavel Vladimirovich

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

П. Засодимскій.

Grieshnitsa

ГРѢШНИЦА.

ВОЛЧИХА.

А ЕЙ ВЕСЕЛО — ОНА СМѢЕТСЯ!...

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. Ѳ. БАЗУНОВА.
30. Невскій проспектъ. 30.

1873.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 линія, № 45).

ГРѢШНИЦА.

ГРѢШНИЦА.

ПОВѢСТЬ.

—

Она родилась въ ту ночь, какъ умеръ ея отецъ.

Первый плачъ ребенка былъ для него послѣднимъ яснымъ звукомъ, услышаннымъ имъ въ минуты предсмертной агоніи. Когда онъ испустилъ послѣдній вздохъ и въ потолокъ уставились его неподвижные глаза, тогда же дитя, всхлипывая, впервые вздохнуло открытымъ воздухомъ, впервые заблистали его глазенки, чуть видимые; такимъ образомъ, ни дочь не видала отца, ни отецъ — дочери, а оба, между тѣмъ, были такъ близко другъ къ другу: одна только что начинала путь, другой — уже прошелъ его до конца.... Одна жизнь являлась и — въ тотъ же моментъ — исчезала другая....

Бѣднякъ-почтальонъ немного оставилъ послѣ себя въ наслѣдство: старенькій, покривившійся домишко на краю города, маленькій огородъ съ нѣсколькими грядками, да въ сундукѣ деньгами пять рублей семь гривенъ — и только. Средства къ жизни, значитъ, далеко не роскошныя. Вдовѣ съ новорожденною дочерью на рукахъ перспектива представлялась незавидная: прямо ей на встрѣчу шла нищета, за нею показывались ея неразлучные спутники: горе и болѣзни. Много ей рисовалось впереди дней холодныхъ и голодныхъ, много безсонныхъ ночей, полныхъ тяжелаго раздумья, вмѣсто сладкихъ грезъ....

Мать, обезсиленная физическими и душевными страданіями, лежа на своей жесткой постелѣ, горько плакала; плакала и дочь, изрѣдко слабо вскрикивая: малютка безсознательно начала уже выполнять свое земное назначеніе.

Кумушка-сосѣдка хлопотала около родильницы и младенца, а старикъ, церковный сторожъ, съ дьячковскимъ сыномъ-семинаристомъ, обряжали покойника и укладывали его, по обычаю, въ переднемъ углу подъ образами. Семинаристъ взялся и читать.

— Боленъ-то онъ долго былъ? спросилъ семинаристъ.

— Недѣли три, пожалуй, этакъ будетъ... Больно маялся!

— Да что съ нимъ случилось-то?

— Простудился. Съ поштой ѣхалъ, да на перевозѣ,

на Митюхинскомъ, знашь, по Питенбурскому трахту, что-то и подѣялось: то ли паромъ неплотно притянули, то ли сами лошади махнули — разно говорятъ. Пошту-то успѣли захватить, спасли.... а вотъ самъ-то и сплоховалъ.... Что будешь тутъ дѣлать! Простужался, поди, и прежде не единожды — да, вѣдь, что... извѣстно, поколѣ Богъ грѣхамъ терпитъ — и ничего! Всѣ подъ Богомъ ходимъ.... Смертонька подойдетъ... разсуждалъ старикъ, улаживая получше покойника.

Семинаристъ, между тѣмъ, сидя у окна, покуривалъ цимбалку; ѣдкій, сладковатый запахъ махорки разносился по комнаткѣ, хозяинъ которой лежалъ неподвижно, прикрытый холстиннымъ саваномъ.

За перегородкой въ то же время въ полголоса шли другія рѣчи.

— Полно, Петровна, полно, голубушка! Больно-то не тужи! Слезами тутъ ужъ своими ничего, выходитъ, не подѣлаешь! Умные-то люди баютъ, слышь, эфтакимъ манеромъ только мы Господа Бога гнѣвимъ... Потому — Богъ далъ, Богъ и взялъ! Сама-то пуще не доведись!... Мотри, что у тебя остается! Кому, какъ не тебѣ ходить.... утѣшала кумушка, завертывая новорожденную въ какія-то тряпки и укладывая ее въ корзинку, долженствовавшую на первыхъ порахъ играть роль колыбели. — Вишь, замѣтила она, немного погодя, — Господь-то такъ и приво-

дитъ.... въ кое время нужно радость — и пошлетъ. Не оставляетъ, милосердый, насъ грѣшныхъ!...

— Дуетъ очень.... Заложить бы чѣмъ нибудь! слабымъ голосомъ проговорила хозяйка.

— Дуетъ? переспросила кумушка. Ой, да и точно! Оконце-то у васъ разбито! и старуха отыскала гдѣ-то завалившуюся тряпицу и заткнула ею дыру.

— Молока-то у меня, кажется, не будетъ.... начала опять едва слышно родильница.

— Ничего, матка, ничего! Не горюй! У Спиридоновны попрошаю молока-то ... дастъ! Вѣдь она добрѣющая у насъ, дай Богъ ей здоровья — не оставитъ! успокаивала сосѣдка бѣдную почтальоншу.

Церковный сторожъ ушелъ домой; кумушка тоже побрела съ разсказами къ своимъ домочадцамъ, обѣщавъ, впрочемъ, скоро возвратиться. Почтальонша осталась одна съ ребенкомъ.

Въ другой комнатѣ раздавалось лѣнивое, несвязное чтеніе, а на дворѣ вѣтеръ шумѣлъ и крупный дождь хлесталъ въ окна.... Подъ эту музыку я разскажу тебѣ, читатель, бывальщину....

Почтальонша Ирина Петровна, «модница», какъ называли ее сосѣди, — происходила изъ крѣпостнаго сословія и своею жизнью повторила исторію многихъ.... Родилась она въ рабочую пору, гдѣ-то на полѣ, подъ кустомъ,

и увидала бѣлый свѣтъ изъ высокой травы; бѣлые одуванчики, васильки и колокольчики слегка наклонялись надъ нею головками, какъ бы привѣтствуя ея появленіе въ міръ; пологомъ раскидывалось синее небо, залитое горячими лучами іюльскаго солнца, а щебетанье воробьевъ было первою ея колыбельною пѣсенкой. Выросла она, какъ водится, на зимней стужѣ, на лѣтнемъ зноѣ и въ грязи: бѣгала босикомъ по снѣгу въ морозы трескучіе; въ лѣтніе жары, разгорѣвшись, пила пригоршнями ключевую воду; падала изъ окна, безсчетное число разъ валялась съ лавокъ, со стола, съ палатей; ѣла разную траву, даже грязь; сосала пряники собственнаго приготовленія изъ глины, попадала на рога коровъ, чуть была не закушена бѣшеною собакой — и, несмотря на всѣ подобныя злоключенія, осталась жива, здорова и даже не изувѣчилась. Такъ росла не она одна, а все поколѣніе, съ нею вмѣстѣ поднимавшееся на ноги. Но не всѣ одинаково счастливо отдѣлывались: система воспитанія, основанная на несложномъ принципѣ «Богъ не выдастъ — свинья не съѣстъ» — дѣйствовала на иныхъ гибельно. Такъ, напримѣръ, одинъ мальчуганъ утонулъ въ колодцѣ, другой былъ раздавленъ проѣзжавшею коляской, третій объѣлся чего-то и умеръ въ страшныхъ корчахъ; одна дѣвочка глазъ себѣ выколола веретеномъ; много перемерло отъ простуды ребятъ, а ужъ сколько сгибло отъ

домашняго леченья, то одному Богу извѣстно.... Ариша спаслась.

Первые ея товарищи въ играхъ, съ которыми она дѣлила минуты радости и печали. первые закадычные ея благопріятели были поросята: вслѣдствіе постоянныхъ, дружескихъ съ ними сношеній, она такъ ловко научилась подражать ихъ хрюканью и визгу, что не разъ вводила въ обманъ своихъ домашнихъ: послѣднее обстоятельство помогло упрочиться за нею прозвищу «поросенка». Но поросята, быстро подростая, брали верхъ надъ человѣкомъ, и мирныя отношенія разстраивались въ ожиданіи, пока явится болѣе молодое поколѣніе поросятъ. Когда Ариша забавлялась со своими четвероногими друзьями, тогда, право, трудно было сказать утвердительно, кто изъ нихъ грязнѣе: и тѣ и другая были грязнѣе....

Потомъ Ариша стала показываться уже на улицѣ. Передъ публикой она любила являться съ кускомъ пирога или съ чѣмъ нибудь другимъ, не менѣе заманчивымъ; вѣроятно, желаніе возбудить зависть руководило ею въ этомъ случаѣ. Но таковые поступки не нравились почасту голодавшей, публикѣ — пирогъ отымался, и Ариша нерѣдко возвращалась съ поля битвы домой растрепанная, въ слезахъ, и долго ревѣла, такъ долго, что иногда отецъ или мать, люди, кажется, привыкшіе ко всякимъ звукамъ, и то не выдерживали и, поднявши рубашонку,

хлестали Аришу по указанному мѣсту прутомъ; дѣвочка въ тѣ критическія минуты, конечно, ревѣла уже такъ, какъ бы ее варомъ варили; послѣ же энергической расправы на разгорѣвшееся сердце тотчасъ находило смиреніе, и только глухія, прерываемыя всхлипыванья доказывали, что волненіе ослабѣваетъ и горе утишается.

Въ праздники отецъ шутилъ съ нею по своему.

— Аришка, ходи медвѣдемъ! Баранью кость дамъ. Ходи, сукина дочь! скажетъ, бывало, отецъ.

Аришка становилась на четвереньки и путешествовала взадъ и впередъ по щелеватому полу.

— Да ты урчи, поросенокъ! Чего такъ-то ползаешь!... добавитъ родитель.

Аришка заурчитъ.

Послѣ глоданья бараньей кости, для нее было первымъ наслажденіемъ ѣздить съ отцомъ на пѣгашкѣ. Любила она также по осени, темнымъ вечеркомъ, забраться съ отцемъ въ подовинъ, слушать и смотрѣть, что дѣлаютъ и говорятъ тамъ.

— Ну что, чертова дѣвка? Въ теплину хошь? спроситъ отецъ, бывало, указывая на огонь.

Дѣвочка смотритъ на горящія головни; дымъ ѣстъ глаза, обдаетъ смрадомъ, копотью — а ей ничего! Она, вполнѣ довольная и счастливая, играетъ на землѣ колосьями и воображаетъ Богъ вѣсть что.

— Тятя, банный, вѣдь, сюда не ходитъ? обратится она вдругъ къ отцу, припомнивъ разныя бывальщины и небывальщины, которыя такъ любитъ деревенскій, вѣрующій людъ.

— А може и заходитъ! Кто его знаетъ! А ужъ коли заберется, такъ тебѣ не миновать бѣды. Гдѣ, скажетъ, тутъ Аришка? Давайте мнѣ ее! Да и хамъ! на послѣднихъ словахъ голосъ принималъ грозный, рычащій тонъ.

Дѣвочка жалась къ отцу, мурашки пробѣгали по тѣлу — и ей было хорошо.

Но высокоторжественнымъ событіемъ въ жизни было для нее хожденіе за грибами и за малиной въ Перекатовскій волокъ. Когда дивчата брали ее съ собой, она восхищалась до седьмаго неба. Хорошо идти въ страшный лѣсъ: тамъ дико и темно.... Страшенъ онъ потому, что въ немъ медвѣди живутъ. Давно когда-то медвѣдь унесъ дѣвушку и заключилъ ее въ свою берлогу; по ночамъ въ лѣсу кто-то жалобно стонетъ — кому-же стонать, какъ не бѣдной Акулькѣ отъ побоевъ или отъ ласкъ своего мохнатаго суженаго; иногда кто-то плачетъ, кому-же плакать, какъ не дѣтямъ Акульки... Такъ говорили въ деревнѣ, слышала Ариша. Пѣсни веселыя замолкали, и со страхомъ и трепетомъ вступали дивчата въ сумракъ лѣса; изъ-за каждаго куста малины — чудилось имъ — выглядываетъ косматый хозяинъ; захруститъ су-

хая вѣтка подъ ногой — а имъ ужь мерещатся разные ужасы....

Такъ тянулась жизнь Ариши до шести лѣтъ и не было въ этой жизни ничего выдающагося, рельефнаго; день за днемъ шелъ, словно по росписанію, заранѣе составленному. По седьмому году, случайно, вовсе неожиданно, была она оторвана отъ родной, закоптѣлой избы и переброшена на другую дорожку.

Забѣжала къ нимъ разъ въ деревню собака хромая, смѣшная такая — о трехъ ногахъ. Дѣло было вечеромъ, послѣ работъ. Старое поколѣніе принялось, по обыкновенію, разсуждать: отрубили ли ногу собакѣ или она въ клепецъ попала; пошли догадки: какъ и откуда взялась эта безногая тварь. Молодое же поколѣніе, склонное, какъ извѣстно, болѣе къ дѣлу, чѣмъ къ словамъ, принялось съ яростью гоняться за хромымъ пришельцемъ. Съ толпою мальчишекъ, преслѣдуя собаченку, забѣжала и Ариша на барскій дворъ. Барыня, владѣтельница Жгутовки, сидѣвшая на крыльцѣ и разговаривавшая на ту пору со старостой, замѣтила смазливенькую Аришу.

— Чья это дѣвочка? спросила она.

— Эфта-съ, черноглазая-то? Петрушки Гребешкова-съ.

— А! Какъ зовутъ? Кликни-ка ее сюда!

— Аришкой-съ. Аришка, подь-ко сюда! подзывалъ

староста, сдѣлавъ два шага по направленію къ воротамъ и не рѣшаясь оборотиться къ барынѣ спиной. Подь, дурочка! Чего ты стала! крикнулъ онъ, махая шапкой и смягчая сколь возможно свой голосъ, придавая ему оттѣнокъ нѣжности и ласки. — Барыня пряникъ дастъ....

Ариша съ робостью оглядывалась по сторонамъ и держалась за приворотный столбъ, не трогаясь съ мѣста. Барыню она никогда еще не видала, старосту же знала и боялась: она познакомилась съ нимъ на барскомъ горохновищѣ, гдѣ «сердитый дядя» разъ засталъ ее и больно оттаскалъ за волосенки.... Аришкины спутники скрылись за воротами и зорко подглядывали изъ-за разросшихся лопуховъ на сцену, въ которой Аришкѣ привелось играть роль. «Выстегаютъ ее! Пряникъ, слышь, сулятъ! Заманиваютъ только поди....» разсуждали маленькіе наблюдатели, сильно интересуясь тѣмъ, какая участь постигнетъ Аришку. Дѣвочка сама бы охотно присоеденилась къ нимъ и толкнула бы на свое мѣсто Анютку, но боялась шагъ ступить и оставалась неподвижною.

— Дикарка какая! Приведи ее!

Приказаніе барыни было тотчасъ исполнено.

— Ты не бойся, дѣвочка! Тебя не тронутъ, успокоивала госпожа Аришку, сердце которой забилось учащеннѣе, когда она предстала передъ своею властительницей. — Хочешь въ горницу? Ко мнѣ хочешь идти

жить? спрашивала барыня и думала между тѣмъ: «но какая замарашка! Ужасно! Настоящая чумичка! А недурна....»

У Ариши языкъ не поворачивался.

— Хочу-съ, молъ, сударыня, коли ваша милость на то будетъ!.... какъ бы подсказалъ староста, переступая съ ноги на ногу.

— Хочешь? повторила барыня.

Тутъ ужъ Ариша разхныкалась и принялась тереть глаза рукавомъ своей грязной рубахи. Но участь ея была уже рѣшена: на другой же день ее переселили въ господскій домъ, вычистили, вымыли, пріодѣли, какъ слѣдуетъ — и Ариша стала горничною дѣвочкой.

Вотъ что надѣлала хромая собаченка!

Хотя башмаки, о которыхъ Ариша подъ родительскимъ кровомъ и не мечтала даже, радовали ее, забавляла ленточка, которою подвязали ей волосы, тѣшило и платьице холстинковое, но первое время она непритворно грустила о своемъ прежнемъ вольномъ житьѣ, когда она еще не знала вкуса чаю, а сахаръ маленькими кусками видала только у старостинаго Егорки. Ей ужь нельзя было сбѣгать въ лѣсъ по ягоды или по грибы; ее не пускали въ поле побѣгать и повозиться съ ребятишками, и на пѣгашкѣ ужь не кататься ей больше. Жизнь дѣвичьей съ нѣкоторымъ комфортомъ, къ которому впро-

чемъ Ариша не успѣла еще принюхаться, много проигрывала на первыхъ порахъ при сравненіи съ простою, деревенскою жизнью безъ стѣсненій.

Стала Ариша понемногу привыкать, приглядываться къ новому для нее порядку вещей, и мало-по-малу совсѣмъ втянулась въ новую сферу. Къ пятнадцати годамъ она уже вполнѣ сформировалась — стала истой «горничной»; мазала голову коровьимъ масломъ, «масколилась» — по тамошнему выраженію, изучила привычки господъ до малѣйшихъ подробностей, умѣла кстати подслужиться старухѣ Никифоровнѣ, искала и находила случай улизнуть лишній разъ въ людскую и просидѣть тамъ подольше, находила время побалагурить съ лакеями, играла въ дураки съ другими дѣвушками, пока Никифоровна сномъ наслаждалась, любила пѣсенки попѣть: «Кольцо души дѣвицы я въ море уронилъ» или «Гусаръ, на саблю опираясь, въ глубокой горести стоялъ»... научилась искуству, ничего не дѣлая, сидѣть за работой и любила хорошенько поспать. Изрѣдка пила чай въ прикусочку, получала подарки въ образѣ платковъ, серегъ и бусъ, когда наѣзжали въ ихъ страны разнощики и бывали приглашаемы къ господамъ, въ залу; за разныя невинныя провинности навлекала она на себя гнѣвъ барскій, а вслѣдствіе того попадала и подъ розги, словомъ — опять-таки жила также, какъ жили сотни подобныхъ ей

существъ. На свою наружность она не могла пожаловаться; особенно ея черные глазки задѣвали за живое. Молодая, свѣжая, стройная, съ полною, здоровою грудью, она нравилась многимъ Алешкамъ, Васькамъ и Сашкамъ. Отъ барышни она научилась нѣсколькимъ французскимъ фразамъ и щеголяла ими; отъ барышни же переняла она искуство кокетничать, принаряжаться къ лицу, дѣлать глазки, надувать губки и кстати показывать ножку, приподнимая, какъ бы невзначай, платье. По всѣмъ этимъ причинамъ она подолгу вертѣлась передъ барышнинымъ трюмо и всегда всего старательнѣе убирала туалетъ.

Восемнадцать лѣтъ стукнуло. Дѣвка пуще прежняго стала модничать и смѣлѣе заперебивала съ молодцами; не разъ старушка Никифоровна грозила ей пальцемъ, что въ переводѣ на обыкновенный человѣческій языкъ значило: «Смотри! Не балуй! Господамъ доложу, такъ достанется тебѣ на орѣхи»!... Ариша понимала подобные знаки и умасливала, какъ могла, строгаго аргуса.

Вдругъ весь домъ былъ неожиданно взволнованъ пріѣздомъ дорогихъ гостей: молодаго барина и его пріятеля. Въ тихой, уединенной жизни Жгутовки это событіе произвело ужасное смятеніе, которое не могло не отразиться и на дѣвичьей. «Господи! Молодой баринъ пріѣхалъ! Усы-то какіе! видѣла? А позументовъ-то сколько! И не говори, дѣвахонька, франтъ заморскій! все по хранцузско-

му!» перешептывались дѣвушки и пуще стали бояться сѣрыхъ, проницательныхъ глазъ старой Никифоровны. Молодой баринъ, гусаръ — любимецъ отца, а еще болѣе матери, — катался какъ сыръ въ маслѣ: чуть не на рукахъ носили гусара. Никифоровна, не будь глупа, видя всю эту оказію, мигомъ сообразила, какую роль ей слѣдуетъ принять.

И вотъ, по лѣтнимъ вечерамъ, когда старые баре успокоятся, въ старинномъ большомъ саду (раскинутомъ чуть ли не на осьми десятинахъ) стали устраиваться игры: молодые господа изволили тѣшиться съ сѣнными дѣвушками... По саду, въ прозрачномъ сумракѣ лѣтней ночи, межь кустами тамъ и сямъ, мелькали, раздувались женскія платья; порой раздавалось тихо «ау» подъ сводами вѣковыхъ дубовъ и липъ; слышался оживленный говоръ, легкій смѣхъ, а порой и робкій крикъ, заглушаемый звонкимъ поцѣлуемъ... А соловейко такъ и разливался, такъ и разливался въ темныхъ кустахъ сирени. Тогда только утомленная молодежь расходилась на покой, когда темносинее небо уже голубѣло, золотыя звѣзды блѣднѣли и гасли, а на деревнѣ пѣли пѣтухи... Крѣпокъ былъ сонъ Ариши послѣ такихъ прогулокъ и горяча была ея подушка... Ей часто грезился ловкій, молодой баринъ; его ласковые глаза, заглядывавшіе, казалось, въ душу, будили ее середь ночи; прикосновеніе мягкихъ усовъ къ горячей

щебѣ, долго спустя, даже и во снѣ, волновало дѣвичью грудь.

Ариша понравилась гусару, и гусаръ пріударилъ за нею.

Но горничной (хотя она и сама была неравнодушна) нисколько не хотѣлось поступать въ цѣхъ крѣпостныхъ одалискъ. Тутъ ужь дѣло, вѣроятно, обошлось не безъ угрозъ, но какъ бы то ни было — не одну, не двѣ, а много ночекъ скоротала Ариша съ молодымъ гусаромъ.

Наступила скучная пора дождливой осени; садъ затихъ и опустѣлъ, туманами покрылись поля; красные деньки минули. Гости, «франты заморскіе», потревожившіе миръ и спокойствіе жгутовскаго затишья, укатили въ полкъ.

Ариша плакала.

Въ концѣ октября, въ томъ губернскомъ городѣ, въ 40 верстахъ отъ котораго отстояла Жгутовка, бывала ежегодно ярмарка. Помѣщики, даже почти безвыѣздно проживавшіе круглый годъ по своимъ усадьбамъ, и тѣ наѣзжали въ городъ: кто пощеголять своими рысаками и экипажами, кто дочками, а кто и въ картишки подуться. Отправилась и Ариша съ господами на ярмарку. Здѣсь ее судьба столкнула съ почтальономъ Своринымъ — буквально столкнула. Разъ, выходя на крыльцо, она набѣжала на него и вскрикнула: «ахъ!» на что почтальонъ счелъ долгомъ замѣтить, что это: «ничего-съ». Съ того

пошло знакомство. Сворин предложилъ выкупить ее; хотя Ариша, мечтала вовсе о другомъ, но мысль сдѣлаться вольною, хозяйкой дома — разогнала всѣ мечты и заставила молчать оскорбленное чувство женской довѣрчивости. Да и почтальонъ къ тому же былъ молодецъ собой: такой бойкій, ловкій господинъ.

Здѣсь кстати можно замѣтить, что старая барыня имѣла страсть всѣхъ выдавать замужъ и женить, за что сосѣди и прозвали ее «всемірною свахой». Когда Своринъ предложилъ выкупъ за Аришу, она, было, сначала заупрямилась, заломила баснословную цѣну за голову Ариши, и такъ напугала почтальона, что тотъ задумывалъ уже обратиться вспять. Но, на его счастье, страсть къ свадьбамъ проснулась въ сердцѣ жгутовской владѣтельницы и взяла верхъ надъ корыстолюбивыми и другими чувствованіями; барыня согласилась, выговоривши только, чтобы бракосочетаніе происходило непремѣнно у нея въ имѣніи, чему влюбленный женихъ, конечно, и не прекословилъ.

Такимъ-то образомъ Ариша и обратилась въ Арину Петровну Сворину, въ почтальоншу — и зажила въ городѣ своимъ домкомъ и, можно сказать, припѣваючи. Супругъ ублажалъ свою молодую жену; она спала подолгу, пила чай два раза въ день, иногда даже и въ накладку. О ночныхъ играхъ въ жгутовскомъ саду, конечно, благо-

разумно умолчано, но вѣдь «шила въ мѣшкѣ не утаишь», говоритъ пословица — и слухи какъ-то дошли до почтальона; подобные слухи доходятъ какъ-то всегда стороной... Впрочемъ, мужъ, какъ человѣкъ не злой, простилъ былыя увлеченія горячей юности своей купленной женѣ и не отравлялъ упреками и гоненіями ея существованія. Сосѣдки прозвали молодую почтальоншу «модницей» за то, что она по праздникамъ ходила гулять съ зеленымъ зонтикомъ, подареннымъ ей барышней на память при прощаньи, и въ какихъ-то сѣренькихъ перчаткахъ, зашитыхъ безчисленное множество разъ. Мужъ, хотя подтрунивалъ за это надъ нею, но въ душѣ былъ очень доволенъ такимъ щегольствомъ, и даже гордился тѣмъ, что жена его ходитъ наряднѣе другихъ.

Прошла зима, весной бѣда случилась. Почтальонъ, какъ уже знаетъ читатель изъ разсказа церковнаго сторожа, на Митюхинскомъ перевозѣ попалъ какъ-то въ воду, простудился, схватилъ лютую горячку и умеръ въ тотъ день, въ тотъ самый часъ, какъ жена родила дочь.

«Господи, Господи! Что съ нами будетъ? Какъ будемъ жить мы?», думала Арина Петровна — и въ ушахъ ея отдавалось печальное чтеніе за перегородкой и слабый плачъ дочери.

Тамъ лежитъ человѣкъ, который одинъ былъ ея защитой, подпорой и кормильцемъ, который любилъ ее —

онъ мертвъ. Тутъ ребенокъ-крошка; его нужно ростить, кормить, одѣвать... Сворннъ, потратившись на выкупъ нѣвѣсты, на свадьбу, ничего не могъ оставить послѣ себя.

«Отецъ умеръ, сестры замужъ повыходили; одинъ братъ остался дома, да и тотъ женатый, у него своя семья большая... Да и гдѣ-жь мнѣ ужиться съ ними!» размышляла горемычная вдова о своемъ будущемъ. — Вотъ ребенокъ. Ему тоже надо: все лишнее, значитъ. Подростать будетъ, больше понадобится. А откуда взять? Работать!...

Въ томъ-то и бѣда, что дѣвичья не пріучила ее ни къ чему путному, ни къ какому дѣлу. Ты уже видѣлъ, читатель, чему научилась она въ барскомъ домѣ. Дѣйствительно, было отъ чего закружиться бѣдной головѣ; въ самомъ дѣлѣ, Арина Петровна чувствовала, что подъ нею земля обрывается...

Плакалъ ребенокъ, больная мать тяжело стонала, стоналъ за окномъ вѣтеръ... Тоскливая, грустная ночь переживалась въ старомъ домикѣ почтальона.

И утро разсвѣло невеселое, такое сумрачное, слезливое...

Со страхомъ заглядывала Арина Петровна въ будущее: оно было темно. Тамъ мелькали ей какіе-то неясные

призраки и пугали, суля недоброе. Замирая, ждала она этого «недобраго»... Но время идетъ, какъ вода льетъ— и будущее стало настоящимъ; угрюмая бѣдность пришла и сурово, холодно посмотрѣла въ заплаканные Аришины глаза. Потянулись унылые дни — конца имъ не видать. Пришлось стариться до поры до времени; съ грустью оборачивалась она къ своей быстро промелькнувшей молодости, но не надолго; горькая дѣйствительность обступала ее; неотвязный вопросъ о хлѣбѣ насущномъ не давалъ ей далеко отбѣгать и приковывалъ ее къ настоящему крѣпкими, несокрушимыми цѣпями. А того ли ждала она, о томъ ли мечтала она въ жгутовскихъ весяхъ?!... Молодая, свѣжая, красивая собой — она думала пожить широко... Не сбылись надежды!

«Въ огородѣ только капуста да картофель, да и того мало; продавать — нечего нести на рынокъ; дай Богъ, самимъ бы хватило на зиму на пропитанье!» размышляла Арина Петровна, сидя на лавкѣ и покачивая одною ногой зыбку, въ которой спала ея маленькая Маша. «Хорошо еще теперь лѣто, тепло; а вотъ подойдетъ осень, зима: холода настанутъ — а дровъ гдѣ добудешь, на что купишь, когда купила-то нѣтъ. Будемъ мы съ Машкой голодать — вѣрно мое слово, — мерзнуть будемъ, покуда совсѣмъ не окочуримся... Зачѣмъ и воля мнѣ? Умереть-то вездѣ вольно! Не удержали бы и у насъ въ Жгутов-

кѣ... Не пригодилась мнѣ воля... Къ господамъ опять идти, подъ начало къ Никифоровнѣ — сохрани меня Господи! Да я ужъ и отвыкла! Тамъ съ ребенкомъ-то теперь и не возьмутъ еще, пожалуй. Охъ ты, прости Господи, навязалась... Вотъ грѣхъ какой!» При этомъ мать чуть не заплакала: ей было досадно на самое себя за то, что она такъ думаетъ. Горько ей стало; усиленно задвигала она ногой, такъ что зыбка судорожно вздрогнула и закачалась неровно; нѣсколько таракановъ попадало сверху — проснулась Маша и захныкала.

Лишь только Арина Петровна заслышала тихіе, отрывистые звуки, тотчасъ чувство досады, охватившее, было, ее, пропало безслѣдно. Мать поднялась, раскинула дырявый пологъ и наклонилась къ своему слабому, безпомощному дитяти.

— Что-о? Что-о? голубушка... не покушать ли захотѣлось? заговорила она нѣжно, ласково, вынимая ребенка изъ колыбели и усаживаясь съ нимъ подальше отъ разбитаго окна, плохо заклееннаго бумагой: чтобы не дуло, не пахнуло холодомъ какъ нибудь, Боже сохрани!

— Сыта? Охъ, ты, крошечка, писаная моя! Радость ты моя! Проговорила послѣ недолгаго молчанія Арина Петровна, покормивъ дочь грудью. Не спатиньки ли опять? Ну, о-о-о! О-о-о! Баюшки баю, баю баюшки бай-

-бай! Спи, усни, угомонъ тебя возьми! запѣла Петровна, укачивая на рукахъ Машу.

Давно уже смерклось. Мѣсяцъ скрывался за облаками и снова выглядывалъ: его блѣдный лучъ ударялъ въ низенькія окна почтальонскаго домика, обдавалъ матовымъ полусвѣтомъ печальное лицо молодой матери, сталью отливалъ на ея черныхъ волосахъ, полосой ложился на грязный полъ и достигалъ заслонки и закоптѣлой печной стѣны. Въ домикѣ тихо; только неугомонный сверчокъ трещитъ гдѣ-то: не то въ домикѣ на окнѣ, не то на дворѣ подъ окномъ — слышно только, что близко куда-то забрался музыкантъ почтенный. По временамъ съ улицы доносится собачій лай; по мостовой изрѣдка стучатъ колеса...

Опять закачалась зыбка. Маша засыпаетъ, а Петровна, глядя на нее, опять невеселую думу думаетъ: «Да и съ чего я пойду къ господамъ? Опять въ услуженіе— на смѣхъ людямъ! Найти мѣстечко-то, поди, и здѣсь можно... Только какое! Трудно. Что у насъ за городъ — шутъ его знаетъ! Собакъ, пожалуй, больше въ немъ, чѣмъ людей... Анютка хотѣла забѣжать, какъ базарный день случится; поразскажетъ ужо, какъ-то у нихъ живутъ тамъ, что Никифоровна — все такъ же старая, поди, ворчитъ... Охо-хо! Не пріѣхалъ ли?.. Если бы»... При этомъ «если бы» разныя картинки одна другой милѣе стали рисоваться

въ ея воображеніи, какъ вдругъ явилась подъ окномъ старушечья голова, повязанная въ пестрый, клѣтчатый платокъ — и раздался дребезжащій голосъ:

— Петровна, ты дома?

Арина вздрогнула и обернулась.

— А, Васильевна! Что не видать давно, никакъ дорогу забыла? Зайди...

— Машутка-то спитъ у тебя, что ли?

— Спитъ. Да иди же, полно подъ окошкомъ-то торчать!

— Некогда, матка ты моя! Дѣла, вишь, все... на минутую развѣ завернуть, на са́мую минутую...

Голова исчезла въ окнѣ, и скоро послѣ того въ домикъ вошла Васильевна, старуха лѣтъ 50-ти, съ сморщеннымъ, сухимъ лицомъ, съ подслѣповатыми глазками, въ дырявой кацавейкѣ, подтянутой платкомъ.

— Ну, здорово! Какъ живете? затараторила она, подходя къ лавкѣ, гдѣ сидѣла хозяйка. Что подѣлываешь, голубка? Али отдыхаешь! Иду я, гляжу — свѣту-то у васъ не видать... Пришла ли, думаю... а, може, сумерничаютъ? Дай, думаю, посмотрю! Вотъ... Что лучинку-то не зажжешь? Гдѣ у тя она?

— На печкѣ, отвѣчала Петровна, сладко позевывая. Ночь-то мѣсячная такая... Сижу да думаю все...

— Какого ляда тутъ думать-то! возражала старуха,

доставая лучину и зажигая ее у печурки. — Свѣтецъ-то гдѣ?

— Ой, ужъ ты мнѣ, хлопотунья, навязалась! Вонъ онъ, за тобой-то что? Не свѣтецъ разѣ...

— Хлопотунья! передразнивала Васильевна. — Неволя хлопочетъ, родная! Всю жизнь этакъ вотъ по своимъ, да по чужимъ мыкаешься...

— Ну, что ты къ своимъ-то летала? спрашивала Васильевна, сметая рукавомъ кацавейки хлѣбныя крошки съ подоконника и сбирая ихъ на ладонь.

— Какъ же! отвѣтствовала ей Арина Петровна. У брата была, пудъ муки далъ ржаной, да и говоритъ: ты, сестра, не думай, что я твой кормилецъ и поилецъ, не помышляй этого! Я, говоритъ, весь міръ не напитаю... своихъ ртовъ довольно съ насъ: семья тоже ѣсть хочетъ, говоритъ...

— А, а! вишь ты! Ну, а сестра-то что? перебила старуха.

— Та и ничего не дала. Пироговъ только на дорогу напекла... Пріискивай мѣсто, говоритъ, поскорѣе! (Сама бы пріискивала!) Шляться-то, говоритъ, попусту нечего! Въ барскомъ домѣ, говоритъ, такое мѣсто жила, а что выжила — хлѣбушка нѣтъ!... А что у насъ въ дѣвичьей выживешь, Васильевна? Сама ты посуди! Да что тутъ— языкъ-то чесать можно, для че не чесать, коли чешется...

всѣ они... э-эхъ! Закончила Петровна и уныло поникла головой.

— И не говори, не говори, матка! Нынче всякъ за себя! Другой хоть съ голода мри — не помогутъ, нѣтъ! Мнѣ что? Тепло мнѣ, хорошо, сыта, одѣта, обута... То дивно: ну, добро бы были дальніе какіе, а то, гляди ты, родные, кровные, отказываются, значитъ... Да ужъ это такъ! Нынче, поди ты, только о своемъ брюхѣ и заботы, а о душѣ ни-ни! Это я тебѣ, голубка, вѣрно скажу, попомни мое слово, пожила ужь я, знаю! Не съ твое пожила... Ни на кого не надѣйся, другимъ не вѣрь: своимъ лбомъ пробивайся... Такъ, помысли себѣ, что ты въ пустыню зашла, все сама про себя хлопочи — вотъ оно что! Сама не плошай, главное — да и Богу-то молись, не забывай его... Пресвятая Богородица тоже — великая наша заступница... А люди, я тебѣ скажу, и люди пригожаются, да все, вѣдь, они люди же... выходитъ того... Васильевна замудрствовалась и потому замѣтно начала путаться въ своихъ рѣчахъ: все то говорила она полушопотомъ, чтобы не разбудить ребенка, говорила скоро, не переводя духа.

Хозяйка молчала и грустно посматривала въ окно.

— Такъ, такъ-то! Ничего значитъ и не выходила? Мучки-то только вотъ... Плоховѣсоваты дѣла!... Ну,

прости, милочка! Надо бѣжать: дома-то никого не осталось. Гавриловна тоже уплелась...

Васильевна собралась, было, идти, но вдругъ на порогѣ остановилась.—Вотъ, вотъ,—забыла совсѣмъ было, экая напасть: память нонѣ вовсе стало отшибать!... У Ластиныхъ полы моютъ каждую недѣлю, чистоту, выходитъ, наблюдаютъ — такъ вотъ тебѣ и работа! Сходи къ нимъ, къ Феклушѣ, кухаркѣ-то, и замолви словечко: такъ и такъ, молъ, пособствуй на счетъ того... половъ-то. Попроси хорошенько, такъ она тебѣ и другую какую ни на есть работу предоставитъ: знакомство, потому, у нихъ пребольшущее, не съ наше! А Феклуша, я тебѣ скажу, баба такая, что просто — малина! Право слово!

— Спасибо тебѣ, Васильевна, спасибо, матушка! Дай Богъ тебѣ здоровья... Просто, вѣдь, не повѣришь — тошнехонько приходитъ: крохами питаемся...

— Ну, вотъ — и ступай завтра, сбѣгай! Прощенья просимъ!

Говорунья скрылась.

Не успѣла еще затвориться за нею скрипучая дверь, а Петровна ужь раздумывала: «Полы мыть! Вотъ тѣ и жизнь! Да и то еще упрашивай, умаливай... Дайте, молъ, поработать, не откажите!... Еслибы отецъ съ матерью живы были — не то бы и было»... Тутъ опять пришло ей въ голову что-то такое несообразное: и ребячество

ея, и грязные поросята, и пѣгашка съ всклоченною гривой, и дѣвичья, и старая Никифоровна, и темный садъ жгутовскій...

Немного дней послѣ того прошло, а для Арины Петровны начились разныя бѣдствія, крупныя и мелкія, начались злоключенія. Не разъ уже тоска грызла ея сердце, не разъ нападало на нее такое горегорькое раздумье, такія гнетущія мысли посѣщали ее, что жизни не рада была вдова-почтальонша.

Закатилось лѣто; небо нахмурилось; то дождь моросилъ, то снѣгъ кружился. Не рада была Ариша «проказамъ матушки зимы». Въ проголодь и проходолдь жила мать съ дочерью; приходилось подъ-часъ такъ туго, что Петровна ревма-ревѣла. Не по міру-жъ было идти просить, не промышлять же Христовымъ именемъ: людей стыдно, да и передъ собой какъ-то совѣстно. Вотъ и идетъ она къ Васильевнѣ или Гавриловнѣ, попроситъ хлѣбушка и перебьется какъ нибудь, дотянетъ до работы. Работы, впрочемъ, мало перепадало. Къ рукодѣлью она была не мастерица: взяла, было, она разъ у одного купца бѣлье шить, да и сама согрѣшила; еле-еле рубашку кое-какъ сладила, да и за ту половины денегъ не получила, а нагоняй за то порядочный достался. Съ тѣхъ поръ шить она ужъ не бралась; мастерила, правда, кое-что для Васильевны, да и то какъ придется — черезъ пень, черезъ колоду. И

лѣнь-то къ тому же у нея была велика — не занимать стать. У самой платьишко начало вѣтшать и отказывалось служить, а зонтикъ и перчатки все еще оставались цѣлы: они одни, кажется, и лежали только въ сундукѣ. Но не смотря на то, что она ходила въ жалкомъ тряпьѣ, оборванною, неумытою, нечесанною, а прозвище «модницы» не снимали съ нея сосѣди. Она ужъ такъ «модницей» должна была и въ могилу лечь. «Ну, какая же я модница, похоже ли на то! думала съ горечью Ариша. Башмаковъ нѣтъ, одежонка вся разлѣзлась — и на улицу-то показаться не ловко: вездѣ заплаты, да и заплаты-то рваться стали!» Ходила она въ церковь и Богу молилась; искренння, горяча была ея молитва — и она ждала, словно, чуда, но чудо не являлось на выручку, и бѣдная вдова мыкалась изо дня въ день, живя, какъ птица, не зная, что будетъ ѣсть завтра, да и будетъ ли что ѣсть.

Такъ въ постоянной, непосильной борьбѣ прошло три года. Мрачное равнодушіе стало заползать въ душу Ариши; мало-по-малу черствѣло сердце въ житейскихъ столкновеніяхъ, въ разныхъ дрязгахъ и невзгодахъ. Все болѣе и болѣе ожесточалась Ариша. Неизвѣстно, какова участь постигла бы Машу, если-бы она въ эту тяжелую пору на свѣтъ Божій явилась... Не стали ли бы говорить, что у Петровны мертвый младенчикъ родился?! Неизвѣстно. Но все могло быть, всего можно было ожидать отъ ма-

тери, у которой самыя нѣжныя чувствованія стали притупляться.

Ариша сильно перемѣнилась и съ наружной стороны: свѣжесть улетучилась, раннія складки протянулись по лбу. Румяное личико пожелтѣло, похудѣли пухлыя плечи и высокая грудь поопустилась; все прогорѣло, все истощилось.... Изъ-подъ грязнаго, небрежно-повязаннаго платка, выбиваются нечесанные волосы; засаленная и дырявая кацавейка накинута на изношенное платьишко... Только вздернутый носикъ сохранился, да глазки задорные напоминали о прежней Аришѣ, предметѣ мечтаній многихъ Васекъ, Алексашекъ и Ванюшекъ.

Лишь только заводился у Петровны лишній грошъ, она его тащила въ кабакъ. Напрасно усовѣщевала ее Васильевна, напрасно ругали ее родные — ничто не помогало: ей сильно понравилось топить злое горе въ чашѣ зелена-вина. «Какъ выпьешь, такъ даже и пѣсеньку споешь; ну, и не такъ холодно, не зябко, и Машутка не безпокоитъ — хорошо этакъ сдѣлается, точно подъ небеса взлетишь!»

А Машутка между тѣмъ подростала...

Съ годъ времени еще прошло — дѣвочка стали лепетать. Фразы: «Мама, ѣсть хочу! Мама, я озябла!» было первое, что она ясно и чисто начала выговаривать. Мать въ такихъ случаяхъ отвѣчала, обыкновенно, очень лако-

нически: «подождешь!» или «не околѣешь!» или что нибудь подобное въ этомъ же родѣ. Иногда за симъ слѣдовали тычки, пинки, подзатыльники, загривки, загорбки и иныя пріятныя добавленія. Машутка просила хлѣба — ей не давали; Машутка принималась ревѣть — ее колотили... Не ласково встрѣчала ее жизнь, непривѣтливо... Ея золотые дни были пасмурны, черны, какъ черная ноченька, непроглядная...

Рано начала она по волѣ матери промышлять по части воровства.

При безденежьи, когда бывало холодно, мать говорила ей:

— Машутка, сбѣгай въ сусѣдній сарай, щепочекъ притащи.

— Увидятъ! возражала она.

— А ты не попадайся, дурища! Зѣнки-то для чего? Украдче!... наставляла Петровна.

— Отдуютъ! упорствовала Маша, заботясь, естественно, не столько о чужой собственности, сколько своей спинѣ.

— Тебѣ говорятъ: иди! Иди — и кончено! А не то такихъ надаю... и мать дѣлала выразительный жестъ и, должно быть, очень понятный для дочери, потому что послѣдняя тотчасъ же, обыкновенно, послѣ того скрывалась.

— Ахъ, мои батюшки! Вотъ еще нѣженка какая! ворчала Арина Петровна.

Маша отправлялась на воровство. Осторожно пробравшись вдоль заборовъ и плетней и достигнувъ сарая, она оглядывалась по сторонамъ: нѣтъ ли кого близко. И если никого не случалось, она, какъ мышь, прокрадывалась въ дровяной сарай, подлѣзая на брюхѣ въ подворотню, и набирала тамъ щепокъ и полѣнъ, зная, что матери нужны не однѣ щепки, помня, какъ разъ мать отколотила ее, когда она принесла домой однѣхъ щепокъ: съ тѣхъ поръ она стала догадливѣе и поняла, что подъ словомъ «щепки» должно собственно разумѣть «полѣнья». Маша уму-разуму наставлялась. Раза два-три была она словлена на мѣстѣ преступленія; ее били, а добычу, конечно, отнимали; дома мать тузила ее, якобы за шалость, за невниманіе къ своему дѣлу, и въ наказаніе морила, бѣднягу, голодомъ положенное время. Вслѣдствіе этихъ печальныхъ казусовъ, Маша навострилась такъ, что въ послѣднее время ужь не попадалась въ кражѣ, обдѣлывая дѣлишки искуснѣйшимъ манеромъ. Уроки ходячей морали, житейской мудрости не проходили даромъ: кулакъ и розга дѣлали свое дѣло...

— Ступай въ сусѣдскій огородъ, порви маленечко картошки! скажетъ, бывало, мать.

Но дочь уже знала, что картофеля нужно не «маленечко», а много — и притаскивала цѣлую охабку.

— Ай да проворъ-дѣвка! одобрительно замѣчала

Петровна, и Маша избавлялась отъ побоевъ, да еще сверхъ того ѣла за завтракомъ вареный картофель. — Не роскошь-ли? Какъ было не радоваться ребяческому сердцу!

Нерѣдко, уже порядочно подпивши, мать посылала ее еще за виномъ.

— Студено! замѣтитъ дѣвочка.

— Не замерзнешь! Ишь, отговаривается еще... У-у, подлая! Бѣжи!...

Машутка, причитая, бѣжитъ по улицѣ, дрогнетъ отъ мороза въ своемъ оборванномъ платьицѣ, зуба съ зубомъ не сводитъ и, заплаканная, приноситъ матери угощеніе.

Однажды пьяная мать страшно испугала ее. Спала она на лавочкѣ, крѣпко такъ спала — вдругъ чувствуетъ, что ее что-то давитъ, душитъ, что-то тяжелое налегло на нее; въ просонкахъ ужь ей представляется нечистый съ рожками, съ хвостикомъ и со всѣми прочими ужасными аттрибутами сатанинскаго званія; ей ужь мерещится домовой, который, по словамъ матери, невидимо присутствуетъ въ ихъ домикѣ, имѣя постоянное мѣстопребываніе въ подпольи, куда по зимамъ садятся куры; то она ожидаетъ увидѣть передъ собою косматаго медвѣдя... съ трепетомъ открываетъ глаза и видитъ: мать навалилась на нее и точно спитъ, храпитъ и тяжело дышетъ... Больно стало Машуткѣ: потянулась она изъ-подъ матери и разбудила ее.

— И-ихъ, дьяволенокъ! Чего ты вертишься-то? Лежи, покуда цѣла... заурчала мать, и Машутку въ то же время обдало запахомъ сивухи и чеснока.

Машутка притихла и не шевелилась, притая дыханіе. Она уже знала, что мать, когда отъ нея такъ пахло, всегда больно била ее.

Петровна, раскутившись, иногда вопрошала дочь:

— Гдѣ у тебя, Машутка, отецъ? Скажи-ко!

— Вѣдь тятя померъ — ты мнѣ сама говорила, помнишь?

— Эхъ, ты... тутъ Петровна вставляла неблагозвучное выраженіе, — померъ! Какъ-же, держи карманъ! Живешенекъ онъ, здоровешенекъ — въ Петербургѣ погуливаетъ!...

Но такъ какъ вопросъ о тятѣ въ то время еще нисколько не интересовалъ Машу, то она все касающееся его и пропускала мимо ушей съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

Игры не часто ей удавались: въ холодную пору игрывала она въ «большой комнатѣ». Домикъ ихъ былъ раздѣленъ на двѣ части перегородкой, не доходившей четверти на двѣ до потолка: въ меньшомъ отдѣленіи находилась большая русская печь, занимавшая треть всего пространства, тутъ же помѣщался въ углу поставецъ; здѣсь готовилось кушанье, здѣсь онѣ спали съ матерью,

грѣлись на печкѣ по длиннымъ зимнимъ вечерамъ, словомъ — это была семейная комната. Другая — немного попросторнѣе — вмѣщала въ себѣ столъ, составлявшій украшеніе и гордость домика почтальонскаго; на его крышкѣ была нарисована какая-то рыба, а по сторонамъ ея — кусокъ хлѣба и причудливой формы ножъ. Два стула, прислоненные къ стѣнѣ, стояли безъ употребленія, ибо на нихъ никто не садился изъ опасенія разрушить древнія вещи. Въ одномъ углу стояла скамейка. Къ предметамъ роскоши относилась также висѣвшая на стѣнѣ закоптѣлая, перемаранная мухами картина, изображавшая героя, скачущаго на зеленоногой лошади — съ надписью: «гдѣ колыбель его была — днесь его могила!» Вотъ въ этой-то «большой комнатѣ» и игрывала Маша. Нагнетъ, бывало, прутиковъ и воображаетъ себѣ людей и звѣрей разныхъ, возится около стульевъ... Товарокъ на первыхъ порахъ у ней не имѣлось: приходилось одной больше быть!... Но только лишь разыграется Маша — мать тутъ, какъ тутъ.

— Полно тебѣ баловаться-то, маленькая! Пыль столбомъ подняла... Гляди-тко! закричитъ Петровна, а подъ сердитый часъ хватитъ, пожалуй, Машу и за ухо или по-уху, глядя по тому, какъ придется.

Лѣтомъ Машѣ, не въ примѣръ, было привольнѣе. Иногда съ ранняго утра забиралась она въ свой огородъ,

подъ вишню — единственное деревцо, украшавшее не обширный участокъ ихъ земли. Лежитъ она въ травѣ и смотритъ: солнце еще не успѣло обсушить росы — ея чистыя капли дрожатъ на листьяхъ и лепесткахъ цвѣтовъ. Вонъ жукъ ползетъ съ темно-фіолетовою спинкой; муравей тащитъ песчинку, другой съ нимъ встрѣчается и, остановившись на мгновеніе, оба продолжаютъ путь далѣе; листъ лопуха бросаетъ на нихъ тѣнь. Божья коровка на вишневомъ цвѣткѣ помѣстилась, не шевельнется... Пищитъ комаръ, летитъ муха, воробьи перепархиваютъ и неумолчно щебечутъ; близко гдѣ-то жужжитъ пчела... Маша лежитъ въ травѣ, чутко прислушивается къ совершающейся вокругъ нее кипучей жизни, полной дѣятельности — рветъ кашку, ѣстъ; зорко приглядывается Маша ко всему — высоко, въ небѣ плыветъ легкое, какъ паръ, бѣлое облачко; любуется Маша и полною грудью вдыхаетъ свѣжій, утренній воздухъ...

Или примется бѣгать по огороду — и носится же она, носится — по лужайкѣ и по бороздамъ, только на гряды не вбѣгаетъ, изъ боязни, не помять бы чего нибудь. Такъ она блаженствуетъ, пока ее не кликнетъ мать.

— Полно, полно же, срамница! Домой пора! Весь день на улицѣ, мужичка! А Петровна — должно, кстати, замѣтить — намѣревалась изъ Маши произвести барышню, «модницу», съ тѣмъ, чтобы она шла далѣе ее; только

не знала Петровна: какъ безъ средствъ взяться за такое многотрудное дѣло.

Маша была всегда грязна — объ этомъ ужь и говорить нечего; ее безъ грязи и вообразить было трудно. Но мать иногда примачивала ей волосы, причесывала, одѣвала ее въ единственно порядочное ситцевое платье — розовое съ бѣлыми мушками, и любовалась... Она мечтала о будущемъ... Къ вечеру Машутка опять ходила въ своемъ грязномъ тряпьѣ, всклокоченная, растерзанная...

Затѣмъ, когда Машѣ пошелъ шестой годъ, у нихъ въ домикѣ появился новый жилецъ. Это былъ отставной солдатъ, плотный, крѣпкій старикъ, лѣтъ 50, высокаго роста, худощавый, лысый, съ густыми, щетинистыми усами, вѣчно торчавшими, какъ у таракана, съ красносизымъ носомъ и хриплымъ басомъ. Его мутные глаза строго выглядывали изъ-подъ нависшихъ, съ просѣдью, бровей; ходилъ онъ всегда прямо, не сгибаясь, и чрезвычайно тяжелою поступью; даже ласковыя слова говорилъ онъ такимъ жесткимъ, сухимъ тономъ, что все хорошее значеніе этихъ словъ пропадало. Мрачный, угрюмый, молчаливо-суровый, по-часту пьяный, буйный — онъ крѣпко запомнился Машѣ. Она не знала, чѣмъ жилъ старикъ —

скопилъ ли онъ деньженокъ малую толику, будучи еще на службѣ, или получалъ ихъ за какую-нибудь неизвѣстную ей работу, но только онъ день-деньской бездѣльничалъ: пилъ, ѣлъ, спалъ — да еще дрался и бранился. Петровна дорожила постояльцемъ, приносившимъ ей, хотя бы и незначительный, все-таки доходъ, покорялась его капризамъ, терпѣливо выносила его буянства и вступила даже съ нимъ въ нѣжную связь, о чемъ Маша тогда еще не подозрѣвала.

Солдатъ, какъ человѣкъ всю жизнь выполнявшій безъ возраженій и отговорокъ всѣ приказы начальства, и наконецъ, очутившись на свободѣ, не могъ, конечно, отказать себѣ въ удовольствіи поважничать, повластвовать въ свою очередь надъ другими, помучить, потиранить, посибаритничать.

Въ извѣстномъ парадоксѣ: кто не научится повиноваться, тотъ не съумѣетъ командовать — есть своя доля правды, чему Игнатьичъ и можетъ служить доказательствомъ.

Прежде всего его дружбу съ хозяйкой дома скрѣпила «живая Вакхова струя». Солдатъ не долго игралъ роль скромнаго квартиранта, становясь мало-по-малу полновластнымъ хозяиномъ почтальонскаго палаццо. Съ одной стороны, при такомъ ходѣ дѣлъ, положеніе матери съ дочерью улучшилось противъ прежняго: онѣ рѣже сидѣли

голодомъ, менѣе мерзли въ своей дырявой хаткѣ; но въ другомъ отношеніи ихъ жизнь подернулась еще болѣе мрачнымъ колоритомъ: отставной солдатъ былъ грубъ съ ними и деспотиченъ въ ихъ собственномъ уголкѣ, хорошо понимая свое значеніе для бѣдной вдовы; круто приходилось отъ него хозяевамъ въ иныя минуты, когда военное сердечко, не сдерживаемое дисциплиной, порывалось разгуляться на всей вольной волюшкѣ: пощады не давалось никому, все трепетало передъ храбрымъ воиномъ. Когда его большіе, сѣрые глаза начинали чаще перебѣгать съ одной вещи на другую, когда усы ходенемъ ходили изъ стороны въ сторону, когда солдатъ принимался усиленно кашлять — это означало: быть бурѣ! Маша пряталась куда могла и не выходила изъ своей засады до тѣхъ поръ, пока не усмирялся «лысый дядя», какъ она звала грознаго постояльца. Петровна стоически выносила ругательства и побои, а подъ пьяную руку, набравшись смѣлости, иногда и сама отвѣчала словомъ и кулакомъ взбѣшенному любовнику — ну, тогда, конечно, ей было несравненно горше: синяками покрывалось все тѣло ея отъ головы до пятъ...

Петровна терпѣла. Жизнь не удалась, такъ нечего дѣлать — надо же ее какъ нибудь отбывать; сбрасывать же эту ношу вдова не смѣла, отчасти изъ странной любви къ ея тяжести, отчасти страшась мученій грядущаго...

Для Маши старый солдатъ былъ виновникомъ многихъ печальныхъ сценъ....

— Экая понесла! провозгласилъ однажды своимъ обычнымъ хриплымъ голосомъ Игнатьичъ, вступая въ домикъ и плотно прихлопывая дверь.

Сырой, холодный паръ клубами ворвался въ низенькую комнату и наполнилъ ее. На дворѣ, дѣйствительно, бушевала страшная вьюга.

— Что! У васъ и огонька-то ужъ нѣтъ, у бѣдныхъ?... Эй! крикнулъ онъ, отряхивая снѣгъ съ своей сѣрой шинели и постукивая ногой объ ногу.

— Лучины нѣтъ. Не насушила: утромъ-то не было.... отвѣчала съ палатей Петровна.

— Нѣтъ, вишь! Да, я вамъ свѣчи-то поставлять что ли взялся.... чортъ бы васъ дралъ! Что въ башкѣ-то у тебя набито? Тьфу, вы! — Игнатьичъ энергически плюнулъ и подошелъ къ окну.

Хозяева ужь чуяли, что постоялецъ «подгулямши» и молчали.

— Да, что же? Въ потемкахъ что ли сидѣть! Машутка, эй ты, стерва, лѣзь-ко сюда! началъ онъ опять, немного погодя, и заперебиралъ мѣдными деньгами въ своей кожаной мошнѣ.

— Чего нужно? спросила тихо дѣвочка, ворочаясь на печкѣ.

— Свѣчку нужно — вотъ что! Ступай купи!.... приказалъ Игнатьичъ и съ сердцемъ бросилъ на столъ нѣсколько мѣди.

Машѣ очень не хотѣлось разставаться съ теплою печкой: она, вѣдь, слышала, какъ воетъ на дворѣ, какъ въ трубѣ у нихъ вѣтеръ шумитъ и заранѣе ужь дрожала отъ холода.

— Студено больно! отозвалась она, и все-таки полѣзла съ теплаго ложа, зная, что ужь не отвертѣться, не отмолиться отъ неминуемаго.

— Ну, ну, не разсуждать у меня, пащенокъ! зарѣвѣлъ Игнатьичъ.—На печкѣ-то бока, гляди, пролежишь!....

— Оболокись-то, Машутка, потеплѣе.... надѣнь хошь мою шубейку, полы-то подбери только, не заброди! сказала мать.

Къ странностямъ человѣческой натуры должно отнести и то явленіе, что Петровна хотя сама не давала никогда ни въ чемъ Машѣ пощады, била ее на-пропалую, но когда на дочь напускался ея «полюбовникъ», она съ жаромъ заступалась за нее и нерѣдко терпѣла за свое заступничество. Это тоже, должно пологать, ревность своего рода....

— Балуй больше! проворчалъ солдатъ, какъ бы въ отвѣтъ на предложеніе Петровны: надѣть ея шубенку.

Машутка, облачившись въ длинную материнскую шубу,

отправилась въ лавку. Лишь только ступила она за ворота, ее охватилъ снѣжный вихрь и чуть не сбилъ съ ногъ; не видать было свѣта божьяго, дорогу совсѣмъ замело.... Вѣтеръ неистово ревѣлъ, облака снѣгу кружились въ холодномъ воздухѣ.... Едва подвигаясь впередъ, утопая въ вязкомъ снѣгу по колѣно, пошла Маша на-удачу. Съ ногъ рвало бѣдняжку, мятель слѣпила глаза.... Нѣсколько разъ сбивалась она съ пути и попадала въ сугробы; выбившись изъ силъ, она хотѣла было воротиться назадъ, но побоялась: тамъ сидитъ сердитый «лысый дядя», а онъ страшнѣе ночи, страшнѣй всякой непогоды.... Слезы заволакивали глаза. Но вотъ — близко и лавочка.... Маша посмѣлѣе зашагала впередъ, вдругъ запнулась за свою длиннополую шубу и упала. Деньги выскользнули въ снѣгъ. Не поднимаясь еще, она начала шарить вокругъ себя — только одинъ грошъ нашла; рылась, рылась, наконецъ ужь и руки стали холодѣть, защипалъ морозъ пальцы. Маша съ плачемъ поднялась на ноги и, не зная что ей дѣлать, въ отчаяніи оглядывалась по сторонамъ. Вьюга попрежнему шумѣла вокругъ нее — ни зги не видно! Рѣшилась и пошла въ лавочку.

— Свѣчку пожалуйте! сказала она дрожащимъ голосомъ и положила на прилавокъ уцѣлѣвшій грошъ.

Лавочникъ, взявши монетку, повертѣлъ ее между пальцами и усмѣхнулся.

— Въ эфтакую цѣну свѣчей у насъ не продаютъ-съ! отвѣчалъ онъ, укусывая сахаръ и принимаясь за недопитый стаканъ чая.

«Что же мнѣ теперь дѣлать?» спрашивала себя дѣвочка, боясь даже и помыслить о томъ, какъ она безъ свѣчи и безъ денегъ явится передъ своимъ грознымъ судьей, передъ неумолимымъ Игнатьичемъ.

— Нельзя ли — дайте! попросила она еще разъ лавочника, и за ней, — ей ужь чудилось, — раздавался хриплый голосъ, глухое, знакомое Машѣ, покашливанье и изъ-подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей блистали гнѣвные, холодные глаза. — Дайте, пожалуйста! повторила она, взглядывая на лавочника съ умоляющимъ видомъ.

— Нѣтъ-съ, нельзя!.... Да тутъ стоять нечего, приходите съ деньгами — а не то съ Богомъ, голубушка! Проваливай!

Прикащикъ вытолкнулъ ее изъ лавки и сердито захлопнулъ дверь. «Вишь, чортъ носитъ! Настудятъ только!» проворчалъ онъ.

Этотъ лавочникъ считался за лучшаго въ той части города; о немъ отзывались, какъ о славномъ-маломъ, о человѣкѣ честномъ, добромъ, не обвѣшивающемъ, не обманывающемъ своихъ покупщиковъ и терпѣливо ожидающемъ уплаты долга; его любили сосѣди, какъ весельчака, шутника, какъ умнаго собесѣдника, съ которымъ не со-

скучишься и во весь день; а лучшею для него рекомендаціей было то, что приходскій священникъ, отецъ Василій, охотно водилъ съ нимъ хлѣбъ-соль. «Душа-человѣкъ», говорили о немъ.

«Домой, значитъ, идти!» мелькало, между тѣмъ, въ головѣ у Маши послѣ того, какъ «душа-человѣкъ» не взялъ ея гроша и, какъ собаченку, вышвырнулъ ее на дворъ. «Страшно, а дѣлать нечего: надо идти!»

Дрожа отъ холода и страха, вступила она въ свой домикъ.

— Ну, подавай, выкладывай! встрѣтилъ ее Игнатьичъ.

Дѣвочка терла рукавомъ глаза и не знала, какъ сказать о своей бѣдѣ.

— Ну-же! Что тебя тутъ лѣшій!.... Подавилась, что ли? повторилъ солдатъ голосомъ, въ которомъ уже звучало раздраженіе и не скрываемая досада.

— Машутка, подавай же свѣчку-то, зажжемъ! проговорила и мать, поднимаясь съ палатей.

— Я, мама, деньгу въ снѣгу потеряла.... начала наконецъ Маша, собравшись немного съ духомъ. — Искала я ее, да....

— Что-о-о? зарычалъ Игнатьичъ — Потеряла-а-а? Ищи же, сволочь! Ищи-ступай! У тебя все игрушки.... Прожучу я васъ!

— Гдѣ же теперь найдешь!.... Что ты, полоумный!

возговорила Петровна, сжалившись надъ иззябнувшей Машуткой. Смотри-ко, на улицѣ-то что дѣется!... Въ такую непогодь добрый хозяинъ собаку на дворъ не выгонитъ....

— А я васъ выгоню! Что у меня лишнія деньги про васъ припасены, что ли? Я наживать стану, а ваша милость терять будете! Вонъ! Чтобы духу вашего здѣсь не было! Пьяный солдатъ поднялся съ лавки. Гдѣ мои деньги? Ну! Эй, ты, щенокъ! заоралъ онъ.

— Побойся ты Бога-то! Отдадимъ тебѣ деньги.... Подавись ты ими!.... начала было Петровна.

— Сама побойся лучше!.. Да что вы въ самомъ дѣлѣ, шутить со мной что ли вздумали?! Согну я васъ въ бараній рогъ, да и плакать не прикажу!... Убирайтесь! Налѣво кругомъ—маршъ! Игнатьичъ схватилъ Петровну за воротъ и толкнулъ въ двери.

Машутка кинулась въ сторону.

— А ты, дьяволенокъ, что вертишся! завопилъ солдатъ во все горло, приходя въ паѳосъ, и швырнулъ Машу къ стѣнѣ.

Дѣвочка не раскроила себѣ головы, благодаря единственно только тому обстоятельству, что мать успѣла схватить ее за руку, и часъ смерти такимъ образомъ былъ отсроченъ на неопредѣленное время.

— Вонъ, ракаліи! убью! Мѣста живого не оставлю!

ревѣлъ солдатъ, не встрѣчая сопротивленія ни въ чемъ своему безобразному буйству.

— Извергъ, анаѳема, пьяница проклятый, аспидъ ты этакій! чтобы тебѣ!... вопила Петровна, прогнанная изъ своего домика. — Завтра же тебя не будетъ, окаяннаго! Въ полицію пойду! голосила она уже въ сѣняхъ и отправилась ночевать къ Васильевнѣ.

На завтра, конечно, въ полицію не было подаваемо никакой жалобы. Игнатьичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, оставался преспокойно полновластнымъ хозяиномъ и все шло по старому.

Такихъ исторій, впрочемъ, было много: ими переполнены дѣтскіе годы Маши.

— Машутка, говаривалъ солдатъ, находясь въ пріятномъ настроеніи духа: подай трубку!

Подаетъ ему Машутка трубку.

— Хочешь, я тебѣ за это Москву покажу? предлагаетъ развеселившійся воинъ и, какъ водится, подымаетъ ее на воздухъ, стискивая ей уши въ своихъ сильныхъ, потныхъ ручищахъ.

Дѣвочка визжитъ.

— Ну, что! Хорошо небось? смѣется Игнатьичъ и принимается за трубку.

— А, можетъ, хочешь березкой постоятъ? добавляетъ иной разъ служивый.

Но тутъ Маша ужь отнѣкивалась: дѣтская стыдливость брала верхъ надъ желаніемъ угодить «лысому дядѣ».

— Вѣдь хорошо, дурочка! Антиресно! уговаривалъ Игнатьичъ, но Маша сопротивлялась и разъ когда на дядю нашелъ злой стихъ и онъ вознамѣрился во что бы то ни стало поставить березкой упрямую дѣвчонку, она такъ остервенилась, что до крови укусила у него руку; хотя ее за то выколотили больно, но она все-таки отстояла себя отъ нападеній грубаго Игнатьича.

Постоялецъ больше потѣхи ради принялся учить Машу грамотѣ. Дѣло, по обыкновенію, началось отъ: азъ, буки, вѣди, и дошло вплоть до ижицы; затѣмъ послѣдовали мучительные склады: бла, бле, бли и т. д. Дѣвочка была смышлена и, несмотря на варварскій методъ преподаванія, который легко могъ охладить и не ребяческое желаніе къ ученью, скоро стала читать. Книгъ въ почтальонскомъ домикѣ не имѣлось, покупать ихъ воспитатели считали излишнею роскошью, такъ Игнатьичъ и добылъ отъ своего знакомаго, служившаго у квартальнаго пристава, книжку подъ заглавіемъ: «Весталка Ирмензулова храма». Принялась Маша за «Весталку» и, конечно, ничего не поняла: фразы «отринутый, онъ, съ пронзеннымъ сердцемъ, обратилъ свои взоры на велелѣпіе природы» или «они упоевались и радовались своей любви» и т. п. сбивали ее, рѣшительно, съ толку.

— Что это такое, дядя, «съ пронзеннымъ сердцемъ»? спрашивала она, когда Игнатьичъ переставалъ ругаться.

— Ну, что же съ «пронзеннымъ сердцемъ» такъ и означаетъ! объясняетъ онъ, смотря свысока на дѣвочку, какъ бы желая сказать: «глупа, молъ, еще недоросла!»

Дѣвочка не продолжала далѣе распросовъ, видя, что изъ нихъ образуется лишь никому ненужное переливанье изъ пустого въ порожнее.

На этомъ образованіе ея и закончилось.

Петровна, между тѣмъ становясь старѣе, начинала все болѣе ворчать; ссоры между нею и постояльцемъ-хозяиномъ учащались. Солдатъ послѣ перебранки съ матерью напускался на дочь; на Машѣ же отводила душу и Петровна. Дѣвочка, такимъ образомъ, служила подставкой, предметомъ, на которомъ срывали гнѣвъ обѣ ссорившіяся стороны. Въ чужомъ пиру похмѣлье, значитъ!

Такъ между минутными радостями, между постоянными страхами и колотушками, въ слезахъ и нуждѣ — протекало дѣтство Маши до 12-ти лѣтъ...

Рано сталъ извѣстенъ Машѣ соблазнъ, отъ котораго такъ старательно хоронятся дѣти «благородныхъ»; рано начала ее притягивать родная среда...

Сынъ купца Тирина, жившаго по сосѣдству съ ними, при выѣздѣ изъ города, познакомился однажды съ Машей на улицѣ и былъ такъ любезенъ, что предложилъ ей пу-

скать съ нимъ вмѣстѣ змѣй; затѣмъ онъ посвятилъ ее въ таинство игры въ бабки, объяснивъ предварительно значеніе терминовъ: плоцка, жохъ и др. Петруша все чаще и чаще сталъ приставать къ ней. Купчикъ Машѣ не нравился: у него былъ такой огромный ротъ, такіе глаза глупые — и хотя она брала отъ него пряники и засусленныя конфетки, но скоро разошлась. Маленькій купчикъ, играя съ нею разъ въ сараѣ, принялся какъ-то особенно щипать ее, что «почтальонской Машкѣ» вовсе не понравилось.

— Полно, не балуй! говорила она и увертывалась отъ неожиданныхъ ласкъ; но такъ какъ Петруша баловать не переставалъ, а напротивъ увлекался все болѣе и болѣе, то она сочла за лучшее отретироваться по-добру-по-здорову изъ сарая.

Съ тѣхъ поръ она ужь всегда скрывалась, лишь только замѣчала издали высокую фуражку Петруши: она боялась его... Грязно было вокругъ Маши!

Около этого же времени въ незатѣйливой жизни дѣвочки произошелъ переворотъ, который возымѣлъ сильное, неотразимое вліяніе на весь послѣдующій ходъ дѣлъ.

Черезъ домъ отъ почтальонской лачуги стояли барскія, старинныя хоромы, съ примыкавшимъ къ нимъ съ одной стороны запущеннымъ, тѣнистымъ садомъ, въ который легко можно было пробраться изъ машинаго огоро-

дика. Маша пользовалась такимъ пріятнымъ сосѣдствомъ и при всякой возможности навѣщала заглохшія куртины, продиралась межъ густо-разросшихся акацій, заглядывая въ самые темные, скрытые уголки, словно ища чего-то; она тутъ бѣгала, играла и невидимыми существами населяло ея воображеніе пустыя аллеи.

Въ домѣ давно уже никто не жилъ; только въ маленькомъ флигелѣ на дворѣ обиталъ старикъ старый-престарый, какъ лунь сѣдой — Фадѣемъ Фадѣичемъ звали. Ставни въ большомъ домѣ оставались постоянно закрытыми и только разъ или два въ годъ Фадѣичъ зачѣмъ-то отпиралъ домъ и не надолго входилъ въ него. Сѣрыя, деревянныя колонны поросли мохомъ; на крышѣ вдоль карнизовъ пробивалась травка; высокія, почернѣлыя трубы полуразвалились и представляли удобное мѣстечко галкамъ для витья гнѣздъ... Мрачно, сурово выглядывало это замкнутое зданіе, изображавшее собой — грустную эмблемму — человѣка оглохшаго и слѣпого, заживо умершаго, котораго ничто человѣческое ужь не трогаетъ, не тревожитъ; онъ стоитъ, какъ гробница, на распутіи и напоминаетъ собой, что и въ этой жалкой развалинѣ прежде жизнь кипѣла, бушевали страсти.... Вокругъ древней руины строились новые дома, ломались ветхіе, по губернаторскому приказанію, — прокладывались переулки, городъ росъ — а онъ, пасмурный, стоялъ себѣ неизмѣн-

ный, несокрушимый.... 20 лѣтъ передъ тѣмъ онъ былъ за городомъ, а теперь очутился далеко уже въ чертѣ города. Съ усмѣшкой, казалось, посматривало на него, какъ на выходца съ того свѣта, молодое поколѣніе домовъ. Къ этимъ древнимъ хоромамъ, какъ нельзя болѣе, подходилъ и древній человѣкъ — Фадѣичъ.

Нѣсколько разъ Маша, побуждаемая непреодолимымъ дѣтскимъ любопытствомъ, карабкалась по заржавѣвшей, водосточной трубѣ и съ трепетомъ заглядывала въ щели ставень, но ничего не видала.

Однажды, когда она была занята своею смѣлою рекогносцировкой по стѣнамъ угрюмаго замка, изъ флигеля показался Фадѣичъ.

— Чего тутъ лазишь! Вотъ я васъ! хрипящимъ шопотомъ проворчалъ старикъ такимъ тономъ, какъ будто бы ни къ кому не обращался въ особенности, а ворчалъ про себя, словно во снѣ.

Маша испугалась отъ такого неожиданнаго явленія сѣдаго призрака, соскочила съ высоты нѣсколькихъ аршинъ и опрометью бросилась бѣжать, куда глаза глядятъ, только бы подальше отъ страшнаго дѣда. Съ того времени ея экспедиціи прекратились, и большой домъ какъ былъ, такъ и остался для нея таинственною загадкой, сфинксомъ, вѣчно торчавшимъ у ней передъ глазами.

Въ саду, почти по срединѣ его, лежалъ прудъ, зацвѣт-

шій и подернутый тиной. Тамъ и сямъ росли березы, липы, шли аллеями, стояли, группируясь въ кучку. Три сосны высились на берегу пруда, вѣчно юныя, вѣчно зеленыя, а подъ ними былъ сложенъ невысокій, дерновый диванчикъ. Иногда, когда зной лѣтняго дня дѣлался нестерпимъ, Маша отваживалась купаться въ этой лужѣ, именуемой прудомъ. Оглянувшись по сторонамъ, прислушавшись къ доносившимся до нее звукамъ, разсудивъ, что близкой опасности не предвидится, она скидала платьишко и погружалась въ воду; плескалась, представлялась плывущею, ныряла; тина и зелень приставали къ тѣлу, набивались въ волоса, и Маша такимъ образомъ въ видѣ русалки показывалась надъ водой. Шалунья боялась только, чтобъ не пожаловалъ дѣдушка Фадѣичъ.... Помутивъ стоячую воду, къ неудовольствію лягушекъ и прочей водяной братіи, Маша наконецъ вылѣзала на берегъ.

Петровна, замѣчая у Маши сырые волосы и догадываясь о причинѣ этого явленія, говаривала дочери:

— Смотри! Застанетъ ужъ тебя старикъ тамъ когда нибудь.... Да и пусть бы засталъ, баловницу! Отхлесталъ бы крапивой хорошенько, такъ не стала бы этакъ своевольничать, по чужимъ огородамъ бѣгать....

— И знатное бы дѣло вышло! добавлялъ, ухмыляясь, Игнатьичъ.

Но Машу не устрашали такія зловѣщія рѣчи.

Траву въ саду не косили — и потому къ концу лѣта она достигала ужасающихъ размѣровъ, напоминая своею сочностью растительность странъ тропическихъ: почва была постоянно удобряема спадавшимъ ежегодно листомъ и самою же травой.

На дворѣ къ флигелю Фадѣича была прилажена конура, въ которой лежалъ дряхлый песъ Танкредко или «Тамрѣдко», какъ звали его сосѣди. Песъ былъ старъ и хилъ; никогда не лая, онъ подавалъ признаки жизни только тѣмъ, что иногда по ночамъ, въ случаѣ томительной безсонницы, жалобно вылъ, выставивъ свою большую, косматую морду въ отверстіе конуры. Иногда еще совершалъ онъ, вмѣстѣ съ Фадѣичемъ, путешествіе за ворота и вмѣстѣ же съ нимъ возвращался опять во свояси. Песъ былъ также угрюмъ и сумраченъ, какъ и его старый хозяинъ. Фадѣичъ не забывалъ своего друга и бросалъ ему кости, когда послѣднія случались у него; Танкредко съ своей стороны изрѣдка навѣщалъ его. Все шло одно къ одному: Фадѣичъ — къ старому дому, Танкредко гармонировалъ съ Фадѣичемъ. Обитатели той стороны города такъ привыкли видѣть молчаливый зàмокъ, Фадѣича и Танкредко, что, право, еслибы явился иной привратникъ съ другою, болѣе молодою собакой — то сосѣдямъ было бы даже неловко.

Старики, казалось, понимали другъ друга и мирно

доживали конецъ дней своихъ, какъ вдругъ нежданно-негаданно, въ одно дѣйствительно прекрасное майское утро, къ таинственному зàмку подкатилъ запыленный тарантасъ и съ громкимъ крикомъ: тпру! остановился у высокихъ воротъ. Изъ экипажа выбрался толстенькій господинъ и, покачиваясь, отправился во дворъ искать тамъ какого нибудь живаго существа. Отыскавши таковое существо въ лицѣ Фадѣича, пріѣхавшая особа объявила, что «дядинька Василій Дмитричъ скончались и предоставили ему — своему племяннику — домъ съ принадлежащею къ нему землей». Живое существо стояло безъ шапки и, казалось, только лишь хотѣло произнести многознаменательное: «Нынѣ отпущаеши, Владыко, раба твоего!...» И Танкредко при такой оказіи выбрался изъ своей конуры и тоже смотрѣлъ на пришельца съ выжидающимъ удивленіемъ, словно, чуя, что конецъ приближается ихъ мирному царствованію....

Домъ отпертъ, сняты ставни, открыты окна и яркій свѣтъ, котораго давно уже лишены были обширныя комнаты, ворвался и разомъ озарилъ всю мерзость запустѣнія нежилыхъ покоевъ; вмѣстѣ съ нимъ сюда проникла и животворная теплота. Понаѣхала новая прислуга: пыль и паутина, все облегавшія толстымъ слоемъ, исчезли; стѣны, полы и потолки приняли болѣе приличный видъ, благодаря стараніямъ крѣпостныхъ рукъ.

Наконецъ явилось и семейство; воротилась жизнь въ старыя хоромы; молчаливый зȁмокъ оживился; говоръ, бѣготня, шумъ и крики съ утра до ночи; Танкредко ужь совсѣмъ не показывается; Фадѣича тоже рѣдко видно.... Новые люди явились, новымъ духомъ повѣяло; отжившее, старое дало дорогу....

Такимъ-то образомъ въ большомъ домѣ поселилось семейство Свержинскихъ.

Семейство Свержинскихъ было немного странно. Мужъ и жена Свержинскіе бранились ежедневно, грызлись на чемъ свѣтъ стоитъ, и военное положеніе было нормой ихъ семейной жизни; если выпадалъ день безъ ругани, то всѣ домашніе какъ бы приходили въ нѣкоторое смущеніе, чувствуя, что вокругъ нихъ что-то неладно, чего-то недостаетъ; на завтра, всеконечно, пробѣлъ пополнялся, но такихъ тихихъ дней въ году насчитывалось очень и очень мало.... Впрочемъ, это дѣло стороннее, а важно для читателя знать то, что у Свержинскихъ имѣлось три дочки, изъ которыхъ старшей — Варѣ — минуло 15, и сынъ, учившійся гдѣ-то въ лицеѣ. Дѣвочки были существа симпатичныя, но не безъ сантиментальности, не безъ пустоты. Машѣ удалось съ ними сблизиться.

Узнавъ, что въ запертый домъ пріѣхали маленькія барышни, и улучивъ однажды досужую минутку, отпра-

вилась Маша къ саду, но войти въ него, какъ то дѣлывала прежде — теперь она не смѣла, а посматривала только сквозь заборъ. Тамъ, на берегу пруда, у знакомыхъ ей трехъ сосенъ, увидала она барышень, горячо о чемъ-то разсуждавшихъ между собою. «Перелѣзть развѣ?» думала Маша и не отваживалась на такой черезъ-чуръ ужь смѣлый подвигъ. «Онѣ добрыя — не отколотятъ!» ободряла она сама себя, продолжая наблюдать за происходящимъ въ саду. Барышни же, между тѣмъ, принялись весело бѣгать; ихъ звонкій смѣхъ и говоръ какъ-то странно отдавался подъ сѣнью раскидистыхъ, толстыхъ липъ и березъ, подъ которыми такъ давно не раздавались человѣческіе голоса: птичье пѣніе оглашало только кущи заброшеннаго сада. Машѣ при этомъ пришла въ голову славная мысль, и она мигомъ привела ее въ исполненіе: нарвать гороху у себя въ огородѣ и явиться снова къ сосѣдскому плетню было дѣломъ пяти минутъ.

Когда барышни приблизились въ ея сторону, она просунула голову между перекладинъ и не смѣло предложила имъ гороху.

— Не хотите ли горошку? сказала она, покраснѣвъ и не мало смутившись.

Барышни были очень поражены подобнымъ предложеніемъ, не догадываясь, что это дѣлалось лишь въ видѣ

предлога къ знакомству. Онѣ до послѣдней минуты и не замѣчали даже Маши.

— Благодарствуй, милая! начала первая Варя и, подойдя ближе къ забору, принялась съ любопытствомъ разсматривать дѣвочку, протягивавшую имъ рученку съ полевымъ горохомъ.

— Нате! прошептала Маша и хотѣла было уже скрыться, какъ младшая изъ сестръ обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Ты здѣшняя? Ты, видно, недалеко отсюда живешь?

— Да, близенько. Вотъ тутъ! и Маша указала рукой на виднѣвшуюся между деревьевъ крышу своего покривившагося домишка и на разросшійся вишнякъ.

— Какая она славная! замѣтила одна изъ сестеръ. — Позовемте ее сюда! Станемъ вмѣстѣ играть!....

Сказано — сдѣлано. Извѣстно, что въ такомъ возрастѣ кастовая раздѣльная черта не такъ еще рѣзко существуетъ, какъ между людей взрослыхъ, познакомившихся съ табелью о рангахъ и имѣвшихъ уже случай удостовѣриться, что предки ихъ, дѣйствительно, когда-то въ незапамятныя времена Римъ спасли.... Черезъ часъ плебейка уже бѣгала, сломя голову, со своими новыми товарищами, совершенно упуская изъ вида, по своей неразвитости, то важное обстоятельство, что она простая,

а тѣ «благородныя», патриціанки. Она фамильярно хватала ихъ за руку, когда приходилось ей ловить; безъ всякаго уваженія вырывалась она, когда ее ловили — словомъ, дѣти сошлись.

Мать, хотя и выбранила ее: зачѣмъ она ходитъ въ большой садъ, утверждая, что тѣ дѣти ей не пара, не товарищи, но въ душѣ — въ душѣ Петровна была очень довольна тѣмъ, что ея Маша, замухрышка, «почтальонская Машка», играетъ съ дворянскими дѣтьми. Забытыя надежды о выдѣлкѣ изъ дочери «барышни» зашевелились съ новою силой, и Петровна уже не колотила Машку, когда та для своихъ новыхъ знакомыхъ таскала изъ огорода по цѣлымъ фартукамъ: морковь, рѣпу, брюкву и другія овощи, которыхъ маленькимъ Сверж инскимъ не давали иначе, какъ въ разныхъ супахъ и соусахъ. Маша исправно занималась контрабандой, видя, что мать благосклонно взираетъ на это преступленіе — и за то получала ленточки, конфеты, картинки порванныя, лоскутки, обрѣзки и даже куклы съ проломленными насквозь головами, съ выколотыми очами и съ ногами неравной длины. При полученіи первой куклы, Маша чуть не ошалѣла отъ радости....

Но старая барыня, провѣдавши какъ-то, что дочки ея изволятъ гулять съ какою-то уличною потаскушкой, разъ навсегда запретила имъ позволять Машѣ подходить

къ себѣ. Сестры протестовали, и младшая, Вѣрочка, любимица матери, говорила такъ:

— Мамаша! Да она такая милая! Вѣдь если она ходитъ въ дурномъ платьѣ — такъ что же.... она бѣдная! А какая хорошенькая! Ну, вотъ точно и не простая — право! Бѣленькая такая.... Я отдамъ ей, мамаша, свое старое сѣрое платье — вотъ она и будетъ чисто ходить! Вы посмотрите на нее!....

— Просто прелесть, что за дѣвочка! добавили двѣ другія сестры.

— Прелесть! передразнила ихъ maman. — Шалить вамъ не съ кѣмъ — вотъ что! и все-таки приказала представить себѣ Машу. Аудіенція была назначена на завтра утромъ.

Машу предупредили обо всемъ происшедшемъ и наказали ей, чтобы она непремѣнно умылась и причесалась тщательнѣе; Петровна, конечно, также постаралась объ этомъ. Она еще не совсѣмъ позабыла, какъ заплетала барышнѣ косу и знала способъ покрасивѣе завязать ленточку. Благодаря наряду, Маша, дѣйствительно, выглядывала не почтальонскою дочкой, а чисто «благородною». Нѣжная кожа, свѣтленькіе, мягкіе волосы, природная дѣтская грація дѣлали ее, рѣшительно, кандидаткой на почетное званіе «барышни» или «модницы», какъ выражалась Петровна.

Старой барынѣ дѣвочка понравилась.

— Научите же ее вѣжливости, поправьте, выровняйте! Вонъ она какою букой смотритъ.... сказала maman. — Это будетъ доброе дѣло! Все лучше, чѣмъ деньденской бѣгать.... А ты, дѣвочка, какъ тебя.... Маша.... веди себя прилично, будь скромна.... Тебя барышни такъ полюбили!....

Съ тѣхъ поръ Машѣ стало полегче жить.

Игнатьичъ успѣлъ уже достаточно къ тому времени состариться и не мучилъ Машутку: его незадолго до того разбилъ параличъ — правая рука еле-еле двигалась, а говорилъ онъ несвязно, пришепетывая. Буйный солдатъ, наводившій страхъ, обратился въ развалину....

— Машутка, трубку набей! пробормочетъ онъ, бывало, сидя, по обыкновенію, у окна и глядя въ него тупо, безсмысленно.

— Подождешь! А не то набьешь и самъ! замѣтитъ на это Петровна.

Игнатьичъ уже забылъ, что онъ только-что передъ тѣмъ спрашивалъ и, урча, начинаетъ покачивать сѣдою головой. Хозяйка съ нимъ обращается не по старому, — грубо, жестко. Примется иногда старикъ прибирать что нибудь изъ своего хлама, а Петровна и крикнетъ на него:

— Ну, тя, лѣшаго, подняло тутъ! Ишь развозило!

Сидѣлъ бы на мѣстѣ, а то мѣшаетъ только, прости Господи!

— Ну, ну, Петровна.... шепнетъ постоялецъ, и спѣшитъ забраться въ свой уголъ. Въ тонѣ его шопота слышна жалоба, угодливость, тихая мольба о снисхожденіи, покорность. Нѣтъ ужь у него тѣхъ словъ, того грознаго голоса, отъ котораго трепетали мать съ дочерью во время ôно. Теперь роли перемѣнились: теперь ужь онъ боится Петровны, жмется и ежится, едва заслышитъ ея рѣзкій голосъ.

Мать тоже понемногу перемѣнила свое обращеніе съ Машей, готовясь увидѣть ее въ непродолжительномъ времени «модницей». Она даже какъ-то полюбила Машу, видя въ ней все нужное и необходимое для того, чтобы осуществить свой идеалъ. Къ этому идеалу она сама стремилась, но неудачно; за то теперь съ дочерью старалась сдѣлать то, что не смогла совершить надъ самой собою.... Подъ пьяную руку она плакивала, жалуясь то на то, что Машутка ея такая несчастливая, безталанная, то — что Машутка скоро оставитъ ее, покинетъ на вѣки....

Маша вступила въ новый періодъ жизни....

Минувшее прошло невозвратно, а будущее начинало рисоваться, ярко озаренное веселымъ, розовымъ свѣтомъ....

Она была очень недурна. Голубые глаза, то задумчивые, то внезапно загоравшіеся какимъ-то безпокойнымъ, тревожнымъ чувствомъ, смотрѣли прямо, искренно; продлинноватый, съ легкимъ горбикомъ, носъ былъ безукоризненно прекрасенъ; немного толстыя губки обличали страстную натуру; свѣтлые, шелковистые, вьющіеся волосы составляли также немалое украшеніе этой хорошенькой и безъ того головки. Роста она была средняго, хорошо развита, но худощава. Преждевременное утомленіе просвѣчивало на лицѣ и во всей фигурѣ, въ походкѣ, въ манерахъ — это ужъ получила Маша въ наслѣдство отъ своего горькаго прошлаго: какъ бы она, повидимому, весело, беззаботно ни смѣялась, а все-таки въ ея смѣхѣ постоянно звучала грустная, унылая нотка... Но что было всего лучше въ ней — это ея улыбка, тихая, нѣжная, безконечно добрая: въ ней сказывалась душа любящая, открытая для всего истинно хорошаго, готовая на великія жертвы...

Отъ Свержинскихъ, въ четыре года короткаго знакомства, она услышала очень многое; удостовѣрилась, напримѣръ, въ томъ, что люди, дѣйствительно, воровство считаютъ дѣломъ далеко непохвальнымъ. Конечно, Маша знала это и прежде, знала потому, что мать, снаряжая ее на воровскій промыселъ, вседа приговаривала; «смотри же ты у меня, пострѣленокъ, украдче!» Значитъ было

что нибудь дурное въ томъ, что приказывали ей скрывать. Но тутъ философскимъ образомъ, такъ сказать, узнала она отъ барышень, что воровать грѣшно и стыдно, низко пользоватся добромъ, нажитымъ другимъ потомъ и кровью. Маша не любила воровать: ей часто за воровство доставалось отъ тѣхъ, въ чью собственность запускала она руки, но воровала все-таки охотно, потому что съ одной стороны — голодъ, какъ говорится, — не тетка, да и мать становилась къ ней добрѣе послѣ удачныхъ похищеній. Теперь же ей насказали множество ужасныхъ вещей: грѣшно обижать другихъ, говорили ей; за это Богъ и люди караютъ: на землѣ солдаты возьмутъ, въ душную тюрьму посадятъ, на каторгу ушлютъ, а на томъ свѣтѣ духи нечистые въ адъ затащутъ, огнемъ будутъ палить, и ужь каторга тамъ будетъ вѣчная... «Худо быть воромъ! не надо быть воромъ! твердили ей. Но, впрочемъ, Маша не разъ ставила барышень въ тупикъ своими простыми, высказанными отъ сердца, возраженіями.

— Да какъ же? Ѣсть хочется... говорила она.

— Терпѣть нужно! объясняли ей барышни, даже и по слухамъ не знавшіе о мученіяхъ голода.

Маша задумчиво посматривала на нихъ и размышляла; глупая дѣвочка не могла взять въ толкъ того: какъ можно терпѣть, не взять кусочикъ хлѣба, лежащій плохо

— когда ѣсть хочется до тошноты. Головка ея не переваривала такихъ мудреныхъ положенiй.

Потомъ еще, между прочимъ, Маша узнала, что надо учиться; для того, чтобы сдѣлаться умною — образованiе нужно.

— Я, значитъ, дурочка? спрашивала она.

— Нѣтъ, не дурочка, отвѣчали ей съ запинкой: а просто, неученая...

— Зачѣмъ же нужно быть ученой? вопрошала она опять.

— Ахъ, какая ты смѣшная, право! говорили сестры. — Какъ зачѣмъ?! Всѣ учатся нынче, даже и простые... учатся для того, чтобы знать!

Барышни, говорившiя только съ чужихъ словъ, не могли далѣе проводить своихъ поясненiй и не могли сказать; для чего же надо знать — они еще и сами этого не смыслили, да не знаю, смыслятъ ли сколько нибудь и теперь, когда онѣ стали уже почтенными матерями семействъ!.. И своимъ дѣткамъ онѣ будутъ повторять тоже самое: «надо учиться для того, чтобы знать!» — и баста!...

Старшая изъ сестеръ, Варя, стала было заниматься съ Машей изъ Священной Исторiи, но тутъ стали выходить недоразумѣнiя между наставницей и ученицей; наставницѣ казалось, что она очень хорошо объясняетъ все, а ученица между тѣмъ не понимала ни книги, вар-

варскіи составленной, ни Вари, говорившей съ ней по книгѣ; затѣмъ, ученица была кропотлива, хотѣла все по ниточкѣ разбирать, а наставница, напротивъ, требовала, чтобы Маша учила уроки также, какъ учила она ихъ сама прежде, когда еще была-жила у нихъ гувернантка, любезная madame Фантъ — то есть затверживала бы ихъ, и потомъ отвѣчала безъ запинокъ.

— Да ты что все спрашиваешь? говорила ей Варя. — Такъ не учатся.... Вотъ, что въ книгѣ есть, и выучи— и довольно съ тебя!...

— Да вонъ тутъ «нравственный законъ» сказано.. настаивала Маша, тыча пальцемъ въ катехизисъ.

— Ахъ ну тебя, Маша... отвяжись, пожалуста! Тебѣ что ни говори, а ты все свое! Я, вѣдь, ужь говорила тебѣ, кажется, что «нравственный законъ» это такое чувство въ насъ... Ты, просто, только поболтать любишь! — Барышня надувала губки.

Скоро Варѣ прискучило серьезное зянятіе съ серьезной дѣвочкой, и она бросила свою ученицу на произволъ судебъ. Маша брала у нихъ кое-какія дѣтскія книжонки и читала про себя дома; за послѣднее занятіе, впрочемъ, мать на нее часто нападала. Въ это же время Маша научилась писать. «Я такая ужь, видно, непонятная и есть, раздумывала она иногда. — И учить-то меня никто не берется!»

Старая барыня, сидѣвшая весь день съ утра до вечера на мягкой кушеткѣ, сложа руки или занимаясь какимъ нибудь бездѣльемъ, никому ненужнымъ, не разъ читала Машѣ весьма поучительныя и трогательныя наставленія о томъ, что люди должны трудиться, работать, что лѣнь— мать всякихъ пороковъ, и все въ такомъ же скучномъ родѣ... Маша слушала и только удивлялась, что барыня сама предается безъ всякаго отвращенія тому гнусному пороку, который такъ величественно громитъ, облокотясь на вышитую подушку и подобравъ подъ себя ноги. Спросить же о кажущемъ якобы противорѣчіи между словомъ и дѣломъ, Маша не осмѣливалась: ее, вѣдь, барышни старались повыправить, старались сдернуть съ нее грубую кору, старались приличнымъ манеромъ покрыть ее лакомъ и прiубрать всѣ ея мужиковатыя замашки. Ее научили кланяться, присѣдать, благодарить, просить, однимъ словомъ, на нее навели тотъ лоскъ, который и понынѣ въ нѣкоторой степени замѣняетъ самое образованіе.

Какъ бы то ни было, но Маша выправилась такъ, что madame Свержинская, глядя на нее, не разъ думала, про себя: «Вотъ на свѣтѣ какія странности бываютъ! Изъ простаго званія дѣвочка — а какъ хороша! Просто, чудо!... Удивительно!»... Барыня удивлялась потому, что многаго не знала: удивленіе есть вѣрный признакъ невѣжества.

Варя Сверживская много также говорила Машѣ о ловкихъ, красивыхъ кавалерахъ, которыхъ она встрѣчала въ обществѣ, передавала даже ей нѣкоторые изъ своихъ разговоровъ, но почтальонской Машѣ многое въ свѣтскихъ отношеніяхъ женщины къ мужчинѣ казалось дикимъ, неестественнымъ; въ этихъ отношеніяхъ ей казалась весьма странною фальшивая половая вражда....

— Представь, Маша! Я вчера на него не обращала ни малѣйшаго вниманія, прищуривая глазки, говорила разъ Варя послѣ одного вечера. — Онъ страшно сердился, былъ такой надутый, точно муху проглотилъ!.... А мнѣ-то какъ было весело, — еслибы ты знала.... не повѣришь! Смѣялась я, смѣялась! Мнѣ, впрочемъ, потомъ и самой-то хотѣлось съ нимъ поговорить, да нѣтъ, выдержала!.... Помучила же я бѣднягу!....

— Но, вѣдь, вы же любите его? возражала Маша.— Зачѣмъ же вы мучили?.... Не понимаю.

— Ахъ, милочка! Надо же пококетничать! Мужчинъ всегда нужно держать такъ, чтобы они ухаживали за нами.... Не спускать имъ!

— Вамъ было жаль его? спрашивала Маша.

— Что жь, ничего!.... Пусть его поплачетъ, это ему ничего не значитъ....

Машѣ казались, просто, нелѣпостью подобные обычаи, и она нерѣдко отъ души жалѣла Вариньку, видя,

что мученія ея кавалера не всегда проходятъ ей даромъ: жестокосердая мучительница сама не разъ, уткнувшись въ подушку, горько плакала, кусала кончикъ батистоваго платочка и въ позднемъ раскаяніи проклинала кокетство, испортившее ей прошлый вечеръ. «Что это онѣ какія смѣшныя», думала Маша по простотѣ, и добавляла: «и жалкія!»

Въ одно лѣтнее «послѣ обѣда» сидѣла Маша въ большомъ саду, на травѣ, разсуждая съ барышнями о предстоявшемъ загородномъ гуляньи, на которое изъ Тиноводска выползали, обыкновенно, всѣ: и старъ, и малъ, и бѣднякъ съ костылемъ, и богачъ въ коляскѣ.

— А, Serge! Ты всталъ уже! Ахъ, Маша, мы и забыли совсѣмъ.... вотъ нашъ братъ! вскрикнула вдругъ одна изъ сестеръ.

— Онъ сегодня утромъ только-что пріѣхалъ, добвила другая.

Маша подняла голову.

Передъ ними стоялъ высокаго роста молодой человѣкъ пріятной наружности, съ блестящими глазками и премиленькими усиками.

Не поднимаясь съ травы, Маша поклонилась ему; онъ молча отвѣтилъ тѣмъ же....

— Выспался! сказалъ Serge, потягиваясь и смахивая съ рукава своего пиджака пушинку. А вы, шалуньи, о

чемъ тутъ трактуете? и красивый Serge прилегъ въ тѣни липы, принявъ, какъ должно, небрежно-живописную позу.

— Ахъ, противный! Шалуньи! А самъ-то, самъ-то! заговорила Варя и кинула ему въ шляпу маленькій букетъ цвѣтовъ.

Маша почему-то покраснѣла и, смотря на тинистую поверхность пруда, рвала машинально травку и отбрасывала ее прочь: она еще никогда не бывала въ обществѣ подобнаго господина и думала: «Я ничего не съумѣю и сказать-то съ нимъ! Слова не молвить мнѣ! Какъ это, право, другія говорятъ такъ хорошо....»

— Зачѣмъ цвѣты рвать! Кому они нужны? сказалъ Serge, поглядывая то на букетъ, то на дѣвушекъ.— Вотъ такъ безъ пользы и пропадутъ теперь.... Э-эхъ!

— Какой же тебѣ еще пользы нужно отъ цвѣтовъ? Потѣшный какой! возразила ему старшая сестра.

— Вотъ ужо ихъ скосили бы вмѣстѣ съ травой — и былъ бы скотинѣ кормъ! внушительно проговорилъ Serge. — Все должно пользу приносить....

При послѣднихъ словахъ ученаго брата, Варя расхохоталась и, наклонившись къ Машѣ, шепнула что-то; Маша хотѣла было улыбнуться, но смѣшалась и покраснѣла, замѣтивъ, что глаза оратора устремились въ ту минуту на нее.

— У меня былъ товарищъ, продолжалъ Serge, не

обращая, словно, вниманія на перешептываніе Вари, — такъ тотъ изо всего съумѣлъ извлекать пользу. Папиросный пепелъ онъ сбиралъ въ коробочку и употреблялъ его вмѣсто песку.... Вотъ какъ! Ну, вонъ къ чему рвете вы травку, обратился онъ къ Машѣ, — зачѣмъ лишаете жизни растеніе?

Маша улыбнулась и опять покраснѣла: она хотѣла было сказать ему, что «и людей часто убиваютъ, такъ что же значитъ какая нибудь травка!» но не рѣшилась вступить на этотъ разъ въ диспутъ и смолчала.

— «Глупа!» рѣшилъ Serge, глядя на нее.

— Ахъ ты, брюзга, брюзга! ввернула Вѣрочка.

— Ахъ, какіе у васъ чистенькіе, бѣленькіе рукавчики — что за прелесть! И видно, что барышня.... иронически заговорилъ ей въ отвѣтъ братъ и потянулъ ее за руку.

Робко оглядываясь на свое ужь очень скромное платьице и на короткіе рукава, Маша, не понявъ смысла словъ молодаго человѣка, подтрунивавшаго надъ наружною порядочностью Вѣрочки, почувствовала себя неловко и потому скоро скрылась, отговорившись тѣмъ, что ей непремѣнно нужно домой. Нужды до дома у ней не было ни малѣйшей, и она горько раскаявалась, что ушла изъ сада, проклинала свою застѣнчивость, лишившую ее удо-

вольствія и дала себѣ слово: впередъ никогда не бѣгать, чтобы потомъ не упрекать себя....

Общество большаго дома оживилось съ пріѣздомъ молодаго Свержинскаго: каждый вечеръ въ саду поднималась бѣготня страшная; крикъ, говоръ не умолкалъ до поздней ночи. Бѣгали, играли въ горѣлки, шалили на всевозможныя манеры, пѣли, танцовали, декламировали стихи — и все это дѣлалось подъ открытымъ яснымъ небомъ, сіявшимъ въ лучахъ зари. Въ саду же Serge устроилъ между деревьями перекладины и хотѣлъ давать сестрамъ уроки гимнастики; но такъ какъ въ первый же день Вѣрочка чуть не сломала себѣ шею, то maman и запретила барышнямъ заниматься лазаньемъ и прыганьемъ....

Маша еще дичилась Serge'a.

Разъ принесъ онъ ящикъ конфектъ и, поподчивавши сестеръ, подошелъ къ Машѣ.

— Не хотите ли полакомиться? спросилъ онъ и наклонился къ ней съ ящикомъ.

— Покорно благодарю! проговорила она едва слышно и наклонилась, чтобы скрыть досадный румянецъ, помимо ея воли разливавшійся по ея лицу.

— Вотъ вамъ! и Serge высыпалъ ей въ передникъ конфекты.

Лицо Маши запылало пуще прежняго.

— Благодарю! проговорила она, не рѣшаясь посмотрѣть прямо на благосклоннаго дателя.

— Что же вы уткнулись? Какъ точно боитесь кого? спросилъ юноша, смотря съ улыбкой на опущенную голову Маши.

— Она стыдится тебя! пояснила некстати Варя.

— Чего же меня стыдиться! Машенька, посмотрите же на меня!

А Машенька на ту пору желала бы провалиться сквозь землю или бы по крайней мѣрѣ очутиться въ своемъ старомъ домишкѣ. «И, вѣдь, точно спрашиваютъ эту Вариньку! Ну, къ чему она сунулась! Что мнѣ стыдиться ея брата?» роптала она; но наконецъ, собравшись мало-мальски съ духомъ, подняла голову. Робкая, сдержанная улыбка бродила по трепещущимъ, полураскрытымъ губамъ, глаза сами собой опускались, а лицо горѣло....

— Что съ вами? Какъ вы покраснѣли! спрашивалъ неотвязный Serge, видимо любуясь смущенiемъ Маши. Тутъ онъ замѣтилъ, что она очень недурна и особенно въ глаза ему бросилась милая, краснорѣчивая улыбка, эта звучная рѣчь безъ словъ, эта восхитительная музыка безъ звуковъ, неуловимая мелодiя, трогающая за живое.... «Забитая, бѣдная дѣвочка!» подумалъ Serge.

— Жарко! отвѣчала Маша. Дѣйствительно, ей было ужасно жарко: бѣдная едва переводила духъ.

Эта пустенькая въ сущности сцена возымѣла свое дѣйствіе: отъ малыхъ причинъ великое зарождается!

Ночью у Маши поднялись распросы: «Что это со мной дѣлается? Я какъ точно съ ума схожу! Что подумаютъ барышни обо мнѣ! А онъ! Зачѣмъ онъ смотрѣлъ на меня такъ пристально, будто никогда не видалъ? Пугливость меня губитъ!» рѣшила она, а вопросы такъ вопросами и остались. Молодая головка шла кругомъ: Машѣ съ разными варіаціями представлялась сцена въ саду; ей все слышался ласковый голосъ: «Машенька, посмотрите же на меня!» Пыталась было она не ходить къ Свержинскимъ, но черезъ два длинныхъ, скучныхъ дня не выдержала и пришла въ большой садъ. Какое-то неясное броженіе началось въ душѣ Маши: смутное желаніе, робость, страхъ, неизвѣстность, отрадное томленье— все перепутывалось и перемѣшивалось. Поговорить было не съ кѣмъ — да и кто же пойметъ ее, кто растолкуетъ, что съ ней происходитъ, когда она и сама-то себя еще дурно понимаетъ.

— Скучно, мама, что-то! говорила она иногда, когда Свержинскихъ не было дома и она оставалась одна съ матерью.

— Что за скучно! Безъ дѣла — отъ того и скучно!

отвѣчала Петровна, не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія.

Въ самомъ дѣлѣ, у Маши какъ-то работа не клеилась; ей все какъ бы лишь въ садъ убѣжать. Увидитъ она молодаго Свержинскаго — ей хотѣлось бы спрятаться отъ него; уйдетъ онъ — Машѣ хотѣлось, чтобы онъ поскорѣй возвратился. Бѣдная дѣвушка немилосердно бранила себя, а путнаго все-таки ничего не выходило; ей просто хотѣлось бы постоянно быть съ Свержинскимъ, и въ то же время, при мысли о немъ, ей становилось страшно, совѣстно....

Serge, между тѣмъ, былъ очень ласковъ и хорошъ съ Машей: онъ весело шутилъ съ нею, говорилъ такъ дружески, крѣпко жалъ руку при свиданіи, былъ такъ простъ въ обхожденіи, «по-пріятельски», какъ говаривалъ онъ, — что дѣвушка понемногу стала привыкать къ нему. Serge предложилъ Машѣ заняться съ ней по части образованія, на что Маша вполнѣ и согласилась: но жаръ лицеиста скоро остылъ, и онъ, подобно сестрѣ, въ самомъ началѣ прекратилъ доброе дѣло, отозвавшись тѣмъ, что теперь лѣто, такое чудное время и надо потому гулять, а книги въ сторону до осени.... Разговоры между ними, обыкновенно, завязывались на самыя обыденныя темы: Маша еще не подозрѣвала, что у молодежи есть въ запасѣ свои привиллегированные разговоры «о чув-

ствахъ», а Serge не рѣшался толковать съ ней объ этой тонкой матеріи, боясь, что собесѣдница не уразумѣетъ его лицейскаго краснорѣчія.

Разъ, впрочемъ, между словъ онъ спросилъ ее:

— Машенька, вы любите кого нибудь?

— Нѣтъ, никого!... отвѣчала дѣвушка.

— Неужели? А матушку свою?

— Да, матушку... люблю, конечно!

— А еще кого?

Маша подумала.

— Никого! промолвила она рѣшительно и спокойно взглянула на Serge'а.

— Та-а-акъ! протянулъ тотъ и улыбнулся.

На этотъ разъ разговоръ замялся какъ-то и не пошелъ далѣе; но Маша перестала уже къ тому времени дичиться молодаго человѣка и уже подробно разсказывала ему, какъ она ходитъ за своей курицей, какъ рано «Пеструшка» началась у ней нестись нынче, какъ надоѣлъ ей Игнатьичъ своимъ постояннымъ мычаньемъ, какъ онѣ жили прежде съ матерью плохо и какъ немного получше живутъ въ настоящее время. Serge слушалъ не безъ интереса простую, безъискуственную повѣсть тяжелой, трудовой и грязной жизни; ему тѣмъ болѣе пріятно было слушать, что разскащицей была хорошенькая Маша, возбуждавшая въ немъ симпатію и искреннее сочувствіе....

Такъ шли дѣла до тѣхъ поръ, пока однажды Вѣрочка не притащила въ садъ котенка; позабавившись имъ, она скрылась куда-то, оставивъ бусаго Ваську на попеченіе Машѣ. Та принялась его ласкать; гладила по мягкой, полосатой спинкѣ, чесала за ухомъ; а котенокъ, развалившись на травкѣ, видимо наслаждался, будучи вполнѣ доволенъ своимъ настоящимъ.

— Посмотрите, какой Васька миленькій! наклонившись близко къ котенку, сказала она Serge'у, лежавшему тутъ же неподалеку.

Serge подошелъ и тоже началъ любоваться Васькой, при чемъ приблизилъ къ нему свое лицо; растояніе между Serge'емъ и Машей, такимъ образомъ, сдѣлалось весьма незначительно. Котенокъ, прищурившись, лукаво посматривалъ на нихъ, слегка шевеля хвостикомъ.

— Охъ, какой славный кошурка! заговорилъ Serge. — Охъ, какой!... и вдругъ поцѣловалъ Машу.

Та вздрогнула, вскочила и опрометью бросилась бѣжать. Котенокъ также быстро поднялся на лапки и, распушивъ хвостъ, принялъ оборонительное положеніе, а Serge обдернулъ галстукъ, взбилъ свои курчавые волосы и, не обращая ужъ болѣе никакого вниманія на «славнаго кошурку», принялся размышлять о томъ, какъ мила Маша, какъ симпатична она, какія у ней маленькія губки — и что

можетъ произойти вслѣдствіе сцены, которой нѣмымъ свидѣтелемъ пришлось быть бусому Васькѣ....

Ввечеру того дня Маша плакала, сидя подъ вишней въ своемъ огородѣ; но слезы были какъ-то ей пріятны, сладки; то были слезы, выжатыя не горемъ, не непріятностью съ матерью, не грубостью пьянаго Игнатьича, то были легкія, чудесныя слезы.... Такъ плачутъ при свиданіи съ любимымъ человѣкомъ, когда вдали виднѣется длинный рядъ безоблачныхъ, счастливыхъ дней.... Сквозь слезы Машѣ все рисовалось въ очаровательномъ, радужномъ свѣтѣ; блестящая даль сверкала, манила ее, суля радости, какихъ она еще не испытывала, наслажденія, которыхъ пока и измѣрить не могла, ибо позади ея ей не представлялось ничего подобнаго. Поцѣлуй рѣшилъ ея участь, заставивъ впервые такъ сильно всколыхнуться ея молодую грудь; поцѣлуй былъ для нее вѣстникомъ чего-то неизвѣстнаго, отраднаго, былъ предтечей свѣтлаго грядущаго.... Губы ея невольно дрожали, лишь только припоминала она «миленькаго Ваську» и то, чему поводомъ послужилъ онъ. Маша чувствовала, что съ ней происходитъ что-то новое, невѣдомое—не умѣя и не будучи въ состояніи себя анализировать, она оставалась въ сладкомъ незнаніи. Ей достаточно было чувствовать.... Къ чему же еще знать?

Долго, долго этотъ первый, чудодѣйственный поцѣлуй горѣлъ на ея губахъ....

Вскорѣ послѣ того, Serge, улучивъ удобную минуту, остался опять наединѣ съ Машей и поцѣловалъ ее. Дѣвушка хотѣла было вырваться, но.... но вдругъ сама прильнула къ нему со всѣмъ пыломъ пробудившейся страсти и такъ крѣпко припала къ его плечу.... Онѣ въ ту пору сидѣли подъ соснами на дерновомъ диванчикѣ.... Іюльскій вечеръ догоралъ....

— Теперь ты не боишься меня? спрашивалъ онъ, одною рукой сжимая руку Маши, а другою — приподнимая упавшіе ей на лицо волосы.

— Нѣтъ! отвѣчала дѣвушка и желала бы остаться такъ сидѣть навсегда съ милымъ для нее Сережей.

— А прежде боялась?

— Да.... и сама не знаю отчего!

— Вѣроятно, я тогда былъ очень страшенъ, а теперь...

— Господи! Какой же вы красавецъ!... Нѣтъ, знаешь — я все думала, что ты смѣешься надо мною.... Я не вѣрила, что ты можешь меня любить, меня, такую простую, неученую....

— Машурочка, я зацѣлую тебя! перебилъ ее Serge....

И жарки были ихъ робкія объятія, горячи и трепетны — поцѣлуи.... А вокругъ нихъ березы старыя съ липами шушукались, теплый вѣтерокъ проносился изрѣдка, словно, чье-то сдержанное дыханіе; ихъ обдавало ароматомъ.... Надъ ними въ темной синевѣ загорались звѣзды...

— Хорошо тебѣ? спрашивалъ Serge, привлекая Машу къ себѣ на грудь.

— Хорошо! отвѣчала она и, ласкаясь, наклонила къ нему свою головку.

— Цѣлуй-же меня, цѣлуй меня, моя королева! заговорилъ опять съ нѣжностью молодой человѣкъ.

— Ахъ, постой!... Смотрите! — вскрикнула она въ полголоса. — Кто-то идетъ сюда! и, показавъ на противоположный берегъ пруда, скрылась за березами.

Тамъ, дѣйствительно, въ тѣни аллеи шелъ мѣрною поступью Фадѣичъ въ сопровожденіи Танкредки. Оба шли тихо, опустивъ голову. Фадѣичъ имѣлъ обыкновеніе каждый вечеръ обходить садъ дозоромъ, а потомъ еще колотить въ доску, чтобы дать знать мелкимъ воришкамъ, охотникамъ до барскихъ яблоковъ и вишень, — что онъ еще не спитъ и что-бы они подождали отправляться на свой промыселъ, пока онъ не угомонится. Вотъ старикъ со своимъ Танкредкомъ показался наконецъ изъ тѣни и явился на открытой лужайкѣ, озаренной серебристымъ, луннымъ свѣтомъ. Проходя мимо Serge'а, дозорщики остановились.

— Гулять изволите, Сергѣй Федорычъ! прошамкалъ старикъ, снимая шапку.

— Да, старина, дышу вашимъ воздухомъ. Въ Пе-

тербургѣ-то мы, вѣдь, пыль глотаемъ — не то что здѣсь! здѣсь у васъ благодать!

— Хорошо здѣсь! замѣтилъ Фадеичъ и отправился далѣе; Танкредко брелъ за нимъ, слегка помахивая опущеннымъ хвостомъ — молодой Свержинскій посмотрѣлъ имъ въ слѣдъ.

— Вотъ парочка-то! Древность! Впрочемъ, они Машу у меня испугали, чортъ бы ихъ дралъ! Гдѣ-то она. А-у-у! крикнулъ онъ не громко, углубляясь въ чащу. Отзыва не было.

Затѣмъ Serge принялся мечтать.... Усердно строилъ онъ карточные домики и любовался ими....

Въ то время, какъ онъ, бродя по длиннымъ, тѣнистымъ аллеямъ своего сада, изо всей мочи увѣрялъ себя, что онъ любитъ Машу, что привязанность его и крѣпка и сильна, что съ Машей онъ можетъ устроить себѣ земной рай, — Маша кормила ужиномъ мать и Игнатьича.

— Сама-то что же ты не притрогиваешься? спросила мать, видя, что Маша ничего не ѣстъ.

— Не хочется что-то! отвѣчала дѣвушка: ей было не до того; у ней изъ ума не выходили тихія рѣчи, жгучія объятія и поцѣлуи.... Ей все мерещился онъ.

Игнатьичъ мычалъ что-то себѣ подъ носъ и странно

какъ-то взглядывалъ изъ-подлобья своими тусклыми, оловянными глазами....

Скоро и въ почтальонскомъ домикѣ водворилась тишина — все уснуло....

Не спала только одна Маша....

Сережа Свержинскій въ послѣднее время своего пребыванія въ лицеѣ успѣлъ понахвататься кое-какихъ хорошихъ идей, извѣстныхъ вообще подъ именемъ «новыхъ», и по силѣ возможности рисовался ими, прохаживаясь насчетъ красныхъ словцевъ. Слыша толки о гуманности, о равноправности гражданской и о тому подобныхъ прекрасныхъ вещахъ, онъ почелъ долгомъ говорить прислугѣ: «вы» и не гнуться передъ высшими; тѣмъ не менѣе, онъ гнѣвался, если сторожъ по недосугу заставлялъ его ждать пальто и любезно раскланивался съ профессорами, когда время подходило къ экзаменамъ. Будучи потомственномъ дворяниномъ, онъ все таки утверждалъ, что честный трудъ— единственное позволительное средство къ жизни и язвительно подтрунивалъ надъ тѣмъ, «какъ жили при Аскольдѣ наши дѣды и отцы;» но въ душѣ онъ очень жалѣлъ, что роковое 19-е февраля вырвало у него столько крѣпостныхъ душъ, оставивъ ему только одну его собственную душонку:

онъ бы не прочь былъ пожить баричемъ.. Декораціи перемѣнились — и вотъ онъ съ напущеннымъ жаромъ, скрѣпя сердце, начинаетъ проповѣдывать по гостинымъ своихъ знакомыхъ о трудѣ, о хорошихъ людяхъ настоящаго, о безобразіяхъ прошлаго времени, о кипучей дѣятельности на пользу народа, о тунеядствѣ и растлѣніи стараго поколѣнія, къ которому, какъ на зло, ему не удалось пристать, и, съ завистью оглядываясь назадъ, клеймитъ позоромъ издохшее крѣпостничество, павшее царство тираніи... Въ пріятельскихъ бесѣдахъ Сережа бывалъ однако лакониченъ. «Отрѣжу, да и баста!» говаривалъ онъ, когда ему замѣчали: почему онъ не вступаетъ въ споръ. Довѣрія къ нему товарищи не питали: какъ люди болѣе или менѣе недостаточные, они съ подозрѣніемъ выслушивали его гуманныя слова и думали: «Ладно! знаемъ мы васъ, друзей народа! Все это воплощеніе въ жизни басни о лисицѣ и виноградѣ...» И женскій вопросъ Сережа не прошелъ мимо. «Пора подать руку женщинѣ!» увѣрялъ онъ своихъ собратовъ по наукѣ и по вранью — господъ себѣ подобныхъ; собраты соглашались, что, дѣйствительно, пора поддерживать женщинъ и, въ самомъ дѣлѣ, поддерживали ихъ весьма граціозно въ мазуркѣ и вальсѣ....

Свержинскій былъ ультра-либералъ — это всѣ знали. Разъ, говоря по душѣ, онъ высказалъ такую вещь, что

грѣшно воровъ наказывать. Но не всѣ знали, какъ онъ съ бѣдной прачки содралъ 10 рублей за двѣ потерянныя ею сорочки....

Старики на либерала Сверjинскаго хмурились, молодежь звала его «красненькимъ», барышни именовали «нашимъ Serge'емъ», а люди, видѣвшіе далѣе своего носа, величали его просто «вѣтряною мельницей».

Кончивъ курсъ и пріѣхавъ домой, Сережа началъ прежде всего вести пропаганду въ своей семьѣ. «Дрожжей положить надо!» говорилъ онъ. Смѣло распространялся онъ о неизвѣстныхъ ему Фейербахѣ, Молешоттѣ и Бюхнерѣ, заочно разбитомъ Юркевичемъ; проповѣдывалъ о какихъ-то радужныхъ надеждахъ, о всеобщей аркадской эмансипаціи, объ умиротвореніи всего міра, совалъ безъ толку естественными науками, съ которыми познакомился лишь въскользь, и съ ожесточеніемъ каталъ стихами изъ Герцена и Огарева.

Maman, слушая трескучія фразы, томно закатывала глаза въ потолокъ и нюхала спиртъ изъ флакона; papa, глядя на нее и на сына, ухмылялся и охалъ; а chères soeurs слушали, выпуча глаза, и, ничего не понимая, рѣшали, что Serge у нихъ «преумный».

По городу шли слухи весьма разнообразнаго свойства: мужчины поговаривали о Свержинскомъ, что онъ мальчишка бѣдовый и пока не перебѣсится ходу ему да-

вать не слѣдъ: они, конечно, трепетали не за общественную безопасность, а просто подумывали: какъ бы этотъ молодчикъ сдуру не помѣшалъ имъ пользоваться безгрѣшными доходами. «Конечно, разсуждали они за преферансомъ — онъ, конечно, ни въ чемъ не замѣченъ, да все, знаете, оно лучше, какъ поприсмотрится, поостепенится.... а то что хорошаго!... На стѣну человѣкъ лѣзетъ.... Того и гляди: себѣ и другимъ лобъ разобьетъ....» Дамы съ претензіями на молодость охотно приглашали его на вечера и вступали съ нимъ въ душеспасительные разговоры о томъ, какъ много зла на свѣтѣ, какимъ, напримѣръ, тяжелымъ гнетомъ ложится на женщину семья въ современномъ ея устройствѣ, а въ антрактахъ дамочки премило дѣлали глазки; по уходѣ же его шумѣли и буянили.... Дамы-матери совѣтовали дочерямъ поддакивать молодому Сверзинскому до послѣдней крайности: у него домà въ городѣ, имѣнье весьма почтенное, да въ перспективѣ прекрасная карьера.... Дочки вмѣсто журналовъ «Модъ», вмѣсто «Вазы» и «Сына Отечества» заставляли отцевъ выписывать для нихъ другіе журналы попорядочнѣе....

Таковую кутерьму произвелъ monsieur Сверзинскій своимъ пріѣздомъ въ безмятежномъ Тиноводскѣ. Дѣла приняли такой гибельный оборотъ, что кумушки, соболѣзновавшія объ общественной нравственности, рѣшили всѣ въ одинъ голосъ, что растлѣніе пошло чрезвычайное, все

священное въ грязь втоптано, все, чѣмъ міръ съ испоконъ вѣка держится, поколеблено.... Судя по ихъ рѣчамъ, можно было подумать, что въ сравненіи съ распущенностью нравовъ тиноводскаго общества развратный вѣкъ Людовика XIV ни что иное, какъ квакерская пирушка....

На Машу Serge съ перваго раза и вниманія не обратилъ, но уже потомъ, какъ читатель видѣлъ, дѣвушка начала ему нравиться. Сережа былъ молодъ и принялся строить домики изъ картъ. И не диво: этимъ подчасъ и старцы любятъ забавляться! Свержинскому во что бы то ни стало захотѣлось вообразить себя героемъ — и вотъ онъ уже герой въ полномъ облаченіи и всеоружіи бранномъ; мечомъ картоннымъ онъ приготовился рубить предразсудки — эту многоголовую гидру. Отрицать касты ему теперь уже было ни почемъ: отъ дворянскихъ привиллегій ему осталось такъ немного, что нечего было жалѣть.... Взять Машу изъ невѣжества, изъ нищеты, изъ-подъ власти грубой, пьяной матери, изъ среды разъѣдающей все доброе, и поставить ее въ лучшее положеніе, образовать, обезпечить, сдѣлать полезнымъ членомъ общества, привязать ее къ себѣ и начать съ нею жить.... Самъ-то, ему казалось, онъ уже достаточно привязался, полюбилъ ее — вѣдь, человѣкъ что захочетъ, все можетъ представить.... Хорошая дѣятельность, толковая, широкая и, конечно, кипучая, «разумная подруга честнаго

мужа — борца за независимость съ рабствомъ обыденнымъ и тупоумьемъ глупца».... Вотъ каковы были домики изъ картъ, построенные на досугѣ Сережей Свержинскимъ. Ему они очень нравились.... Выполнить просто: силы есть, а денегъ судьба подастъ....

Вотъ о чемъ онъ такъ крѣпко задумался, ходя поздно вечеромъ по тѣнистымъ аллеямъ своего стариннаго сада....

Наступила темная осенняя ночь. Садъ глухо шумитъ; съ деревьевъ спадаютъ капли дождя; черныя облака нависли надъ землею....

Свержинскій сидитъ съ Машей опять подъ тремя соснами и тихо говоритъ ей:

— Маша, хочешь со мной ѣхать въ Петербургъ? Славно заживемъ: тамъ не то, что здѣсь, въ захолустьи. Тамъ просторъ, свѣтъ, тамъ настоящая жизнь! Вѣдь ты согласишься ради меня оторваться отъ этой гнили, отъ этой грязи, въ которую кинута ты? Ты не побоишься идти со мной и на край свѣта? Не правда-ли?

— Какъ! Въ Петербургъ? Съ тобой? переспросила въ изумленіи дѣвушка, не вѣря ушамъ. Да развѣ можно?... Чѣмъ же мы жить будемъ? Да и къ чему ты возьмешь меня къ себѣ? Маша объ этомъ еще никогда и не думала; предложеніе ее поразило и она съ жаднымъ любопытствомъ ожидала отъ Serge'а отвѣтовъ и разъясненій.

— Я люблю тебя — этого ужь, кажется, довольно. Для счастья довольно одной любви: чѣмъ меньше будемъ требовать, тѣмъ лучше! А какъ жить, спрашиваешь ты? Съ голоду не помремъ: я стану служить и тебѣ дѣло найду; оба примемся работать, трудиться, сами добывать хлѣбъ и заживемъ припѣваючи.... Насъ никто не упрекнетъ!... У меня въ Петербургѣ есть хорошіе знакомые.... одними уроками или переводами можно деньгу зашибить.

— Да, прервала Маша. Но, вѣдь, я-то ничего не знаю. Что я буду дѣлать? Шью плохо, вышивать почти не умѣю вовсе, учить дѣтей, какъ ты, тоже не могу: сама еле маракую.... Нѣтъ, голубчикъ, поѣзжай ужь ты одинъ! Гдѣ мнѣ!...

— Ужь это моя забота, говорю тебѣ. Хочу я съ тобой жить.... Ты подумай то, какъ хорошо намъ будетъ! Ну, подумай.... Ты представь себѣ — усталый, измученный приду я домой, ты меня встрѣтишь съ ласками и я буду отдыхать. Положу вотъ такъ голову къ тебѣ на колѣни и буду любоваться на твои глазки, а ты меня поцѣлуешь! Ну, постой же, покажи, какъ ты станешь меня тогда цѣловать.... Serge наклонился и прильнулъ своей щекой къ щекѣ Маши.

Маша обвилась вокругъ его шеи и горячо поцѣловала его.

— Нѣтъ, ты тогда цѣлуй крѣпче! замѣтилъ Serge и, взявши ее за руку, пристально и нѣжно посмотрѣлъ

на нее. — Охъ, Маша, какъ славно будетъ! Ты много узнаешь! Ты перемѣнишься, ты сама себя не узнаешь.

«Господи! да что же это такое!» думала дѣвушка, не подозрѣвая, что ея Сережа изволилъ, просто, строить карточные домики для своего удовольствія. «Ужь не жениться ли и въ самомъ дѣлѣ онъ думаетъ на мнѣ!»

— Вѣдь я объ этомъ никогда даже и не думала, говорила Маша въ смущеніи: — никогда не полагала, чтобъ это могло случиться такъ.... Да какъ же твои отецъ и мать? Они тебѣ не позволятъ сдѣлать это; они, я думаю, тебѣ нашли ужь невѣсту хорошую, богатую....

— Мнѣ нужно жену, а не куклу, что̀ въ лавкѣ продаются. Въ позволеніи же я не нуждаюсь: не малолѣтній, — слава Богу, располагать могу собой, могу выбирать, понимаю, что̀ лучше для меня.... Да, впрочемъ, они и удерживать не будутъ, да и не могутъ.... возражалъ Serge.

— Но какъ же я уѣду? продолжала Маша, немного погодя. Съ кѣмъ же маменька останется? — Игнатьичъ-то ей не подмога нынѣ, а только лишняя обуза!

— Ничего и одна останется съ своимъ Игнатьичемъ: ты ужь поработала на нее — довольно! Заплатила долгъ, если таковый былъ: теперь тебѣ надо и для себя пожить, не все же для другихъ.... Не для кабальной жизни ты родилась; не вѣчная ты работница своей матери, а

дочь.... При этомъ Serge припомнилъ монологъ Франца Мора.

Маша не поняла всего.

— Она, вѣдь, бѣдная, скучать станетъ по мнѣ!

— Привыкнетъ! — возражалъ Serge.

— Господи: да что же это! прошептала опять бѣдная дѣвушка и посмотрѣла вверхъ на темное небо. Ей бы самой хотѣлось устранить всѣ возникавшія препятствія: она мыслью уже летѣла съ своимъ милымъ далеко отъ Тиноводска.

— Но придется, значитъ, скрытно это сдѣлать? спросила Маша. — Нужно, чтобы не знали....

— Да, конечно; а то твоя матушка, пожалуй, если узнаетъ, такъ запретъ тебя — и мнѣ не видать будетъ никогда мою Машеньку....

— Бѣжать! Страшно.... И что будетъ — никто не знаетъ! Какъ это тебѣ вздумалось, скажи пожалуйста?... Да нѣтъ — я, право, боюсь! Когда это будетъ-то?...

— А вотъ какъ первый снѣжокъ нападетъ и укатимъ по первому пути....

— Такъ скоро?! Маша невольно вздрогнула; сердце у нея тоскливо сжалось, какъ будто она теряла что-то дорогое для нея, милое, незамѣнимое, чего-то невозвратно лишалась....

Онъ привлекъ ее къ себѣ на грудь и сталъ мило-

вать-цѣловать. Тутъ Маша замѣтила въ его обращеніи небывалую до того смѣлость; въ глазахъ его, показалось Машѣ, сверкнуло что-то странное, что-то такое, что̀ вдругъ напомнило ей купеческаго Петрушу, когда тотъ однажды принялся щипать ее особеннымъ манеромъ. Машѣ страшно сдѣлалось, и она быстро поднялась съ мѣста.

— Маша, что же ты? не догаваривая, умолялъ Serge и потянулся къ ней.

Она не трогалась.

— Сядь же, сядь! Я не трону тебя! Ну, полно же, не упрямься! Ты меня опять, кажется, начинаешь побаиваться, какъ и прежде? Я не съѣмъ тебя — не бойся! Ну, будь же умницей, иди же ко мнѣ! уговаривалъ онъ.

— Я не люблю такъ.... едва слышно проговорила Маша.

— Ну, я не буду, не буду больше! Прости! Онъ взялъ ее за руку и потянулъ слегка къ себѣ на диванчикъ.

Силенъ былъ искуситель — Маша повиновалась.

— Ты моя! шепталъ онъ чрезъ минуту, сжимая ее въ объятіяхъ.

Маша вспыхнула, хотѣла еще разъ вырваться....

На колокольнѣ ближней церкви сонный сторожъ пробилъ полночь. Унылые, дрожащіе звуки замирали въ воз-

духѣ.... Забилъ гдѣ-то караульный въ доску.... Въ дальнемъ переулкѣ пролаяла собака.... Ей какъ бы въ отвѣтъ завылъ Танкредко изъ своей конуры.... И опять тихо, тихо на землѣ и на небѣ....

Маша дрожала какъ въ лихорадкѣ; она то обнимала Serge'а, то порывалась бѣжать: ее все страшило, ее пугала и обступившая темнота осенней ночи, и глухой шопотъ березъ и ласки Serge'а.... Свержинскій долго, долго нашептывалъ ей что-то....

Выглянулъ мѣсяцъ изъ-за облаковъ и тускло освѣтилъ засоренный желтыми листьями прудъ, три темныя сосны и подъ ними пустой дерновый диванчикъ съ помятою травой....

Два дня послѣ того Маша хворала, потомъ оправилась и опять стала ходить по вечерамъ къ господамъ, (какъ называли въ почтальонскомъ домикѣ Свержинскихъ)— и возвращалась оттуда поздненько.

Наканунѣ Покрова дня зашелъ къ Петровнѣ кучеръ Свержинскихъ, и позвалъ ее къ «господамъ». Арина Петровна поубралась, принарядилась, какъ быть да водится, и отправилась въ большой домъ на аудіенцію, назначенную такъ неожиданно. «Что бы такое! Что за притча?» раздумывала она, подходя къ барскому крыльцу и о мокрую траву вытирая ноги. Ее провели въ барынинъ кабинетъ, гдѣ засѣдала M-me Свержинская.

Лишь только захлопнулась за Ариной дверь, какъ госпожа повела къ ней такую рѣчь:

— Ну, какъ тамъ тебя.... Хорошу ты дочку выростила, нечего сказать!... Съ молодыми мужчинами на свиданье по ночамъ ходитъ!... Да еще куда! въ мой садъ! Мерзкая!... Мы ее приголубили, обласкали, а она вотъ тебѣ! Нѣтъ, ужъ, видно, ваше племя такое проклятое — неблагодарное! Какъ, говорятъ, волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ.... Это справѣдливо!

Петровна при первыхъ же словахъ барыни обомлѣла: тутъ ей разомъ пришли на память разныя предостереженія кумушки, на которыя она не обращала тогда должнаго вниманія; почтальонша уже грызла сама себя, мысленно таскала себя за волосы.

— Что вы, что вы, сударыня! начала она, задыхаясь отъ сильнаго волненія и отъ предчувствія бѣды неминучей, готовой разразиться надъ нею. — Неужто Машка-то моя?! — съ трудомъ проговорила она и на ея блѣдномъ, испуганномъ лицѣ отразилась сильная внутренняя тревога, въ чертахъ лица были ясно написаны: скорбь, позднее раскаяніе, сожалѣніе — видно, что кровью обливалось ея сердце, когда произносила она послѣднія, мучительныя слова....

— Да, твоя-то Машка!.... Полюбуйся!.... Къ своимъ дѣтямъ еще допустила — какъ Господь ужь сохранилъ, не

знаю!.... Безнравственныя вы всѣ.... перебила ее разгнѣванная барыня.

Петровна хоть и давно уже оставила барскій домъ, пожила ужь на волѣ, но уваженіе къ господамъ въ ней не умерло, и потому она смолчала на обидное замѣчаніе Свержинской, хотя въ глубинѣ ея души зашевелился уже протестъ, готовый излиться не въ весьма мягкой формѣ. На этотъ разъ Петровна удержалась....

— Да какъ же это, сударыня, я-то ничего не знала? ввернула она въ то время, какъ барыня кусала мѣлъ. M-me Свержинская часто страдала изжогой и любила грызть мѣлъ.

— Хороша ты мать послѣ этого, нечего сказать!.... Ты не знала, что дочь твоя распутничаетъ? Да кто этому повѣритъ-то, полно! Меня сказками-то не обморочишь.... Она не знала — слышите! Да вы что, порознь съ ней что-ли живете-то? Матушка пьянствуетъ, а дочка.... тьфу! и сказать-то совѣстно.... При этомъ madame Свержинская плюнула съ ожесточеніемъ въ сторону и все-таки произнесла то слово, которое такъ трудно, такъ стыдно было выговорить: слово ужасное слетѣло съ ея аристократическихъ губокъ. — Нѣтъ, ты и сама тутъ участвовала, что ни говори! Знаемъ мы васъ! продолжала барыня съ возрастающимъ жаромъ. — Да нѣтъ, голубуш-

ка, не на таковскихъ напали! Въ дворянки захотѣлось!? Охо-хо-хо, батюшки мои свѣты! Скромныя желанія!....

Петровна нѣсколько разъ порывалась вставить словцо въ свое оправданіе, но барыня не умолкала и продолжала громить ее: почтальонша все было думала, что дѣло идетъ о какомъ нибудь лакеѣ, но вдругъ изъ конца грознаго монолога догадалась, что тутъ замѣшалось лице поважнѣе холопскаго.

— Нѣтъ, сударыня, напрасно изволите порочить, заговорила она, воспользовавшись тѣмъ временемъ, пока барыня переводила духъ. — Я этихъ дѣловъ не знала, а коли бы знала, не допустила бы до срама этакого... Понимаемъ тоже, что такое есть честь.... Хоша, обнаковенно, ваше дѣло дворянское — супротивъ нашего не поставишь, да все же вѣдь и мы какъ есть чувствуемъ.... Може наговорили что!....

— Чтобъ ноги твоей Машутки не было у насъ больше, ни въ домѣ, ни въ саду! заговорила Свержинская, перемѣнивъ ѣдкій саркастическій тонъ на грозный. — Сохрани васъ Боже! Бѣда вамъ будетъ — вотъ что! Убирайся! закончила барыня.

Наконецъ и въ Петровнѣ оскорбленное чувство человѣческаго достоинства возвысило голосъ и попросило себѣ слова:

— Уйти, уйду! Объ этомъ не извольте безпокоиться:

не гостить я пришла къ вашей милости!.... Воля ваша.... а я въ эвтомъ дѣлѣ не причастна!.... А и дворянину такъ дѣлать не приходится, не хорошее это дѣло! Это такъ-съ! Обидѣть насъ можно, что и говорить! Да вѣдь Богъ-то для всѣхъ ровенъ — съ.... проговорила Петровна грубо, а въ глазахъ блеснули слезы.

— Да ты что, не дерзости ли еще мнѣ будешь дѣлать въ моемъ собственномъ домѣ! Убирайся! Пошла вонъ! завопила барыня. — Убирайся, подлая, пока цѣла!....

Барыня никакъ не предвидѣла возможности подобнаго оборота въ разговорѣ; она думала, что Петровна, молча, выслушаетъ ея нравоученія, поплачетъ, да много, много, если скажетъ: «Богъ съ вами, сударыня!» или «Богъ вамъ судья!» или что нибудь подобное. Дѣло вышло иначе. Сверженская очень плохо знала человѣческое сердце.... Она полагала, что всѣ смотрятъ ея глазами, всѣ боятся за увлеченія Serge'a....

— Уйду, уйду! продолжала, между тѣмъ, Петровна. — Бить-то вы меня не смѣете: я, вѣдь не подвластная какая нибудь, слава Богу! Видали почище васъ! Не испугались вашей милости, нисколько не испугались — кричать-то нечего! А ужь Богъ вамъ отплатитъ за все, что вы погубили дѣвку, погодите! Вспомните и насъ.... Бары еще называетесь....

— Охъ, охъ! застонала Сверженская.

— Креста-то у васъ нѣтъ; Бога-то вы не боитесь, зазнались ужъ больно! Грѣхъ только одинъ, прости Господи! Петровна становилась страшна въ своемъ неукротимомъ бѣшенствѣ.

Свержинская спохватилась.

— Эй, кто тутъ? Люди! крикнула она и поблѣднѣла.

— Зови, зови! ядовито орала Петровна. — Людей-то не стыдно ли тебѣ! Сынокъ дочь погубилъ, а мать гонятъ... Погоди! Отольются волку овечьи слезки... дьяволы вы этакіе.... чтобъ вамъ.... голосила Петровна, выталкиваемая лакеемъ изъ барскаго кабинета.

— Разбойники, изверги!.... Черти! причитала она, очутившись на крыльцѣ.

Вечеромъ того же дня въ Тиноводскѣ знали о происшедшемъ: сначала нѣкоторое смущеніе напало, затѣмъ начались толки, пересуды, споры; нѣсколько семей разссорилось.... Скандалъ вышелъ полный.

Нѣтъ нужды, да и нѣтъ возможности пересказать все, что говорилось въ Тиноводскѣ по поводу этого трогательнаго событія.

— Ишь ты, подлая, развратная! Во гробъ ты свела меня! Безстыжіе твои глаза.... Мнѣ бы тебя задушить надо было лучше!.... Принимай безчестье на свою голову на старости лѣтъ! кричала Петровна на Машу.

Багровая, съ злобно сверкавшими глазами, съ губами

крѣпко сжатыми, съ судорожно искривленнымъ лицомъ— баба эта была положительно страшна, отвратительна. Площадная, самая гнусная ругань лилась съ ея языка обильнымъ потокомъ. Маша не видала ее еще въ такомъ иступленіи ни разу.... Всѣ дикіе инстинкты ея дикой натуры были разбужены: Маша пошатнула ея самыя завѣтныя мечты, которыя она такъ долго и такъ терпѣливо лелѣяла въ тиши; Маша подорвала свой кредитъ — Петровнѣ не видать, значитъ, ее «модницей», бѣлоручкой, госпожей, не видать ей воплощенія своего любимаго идеала.... Безъ пощады, безъ милосердія била она дочь....

Маша заболѣла....

Позабыла, видно, Петровна свою молодость, красиваго барина, садъ жгутовскій и въ немъ ночныя игры....

Вотъ Маша ужь и въ презрѣніи у людей стала; на нее всѣ смотрятъ свысока или съ усмѣшкой. Они, видите, лучше ея, нравственнѣе, добрѣе, потому они и клеймятъ ее падшею женщиной; они чище ея и потому бросаютъ въ нее грязью, отвертываются отъ нея съ омерзѣніемъ, какъ отъ гадины; они образованы и потому умничаютъ и трактуютъ; они религіознѣе ея и потому бросаютъ въ нее каменья.... Но не дали они своей головѣ труда подумать о томъ, въ какой школѣ выростала Маша и дорого ли стоитъ ихъ дешовая чистота и не жалкая ли пародія всѣ ихъ публичныя добродѣтели.... Они,

подражая попугаямъ, говорили одни за другимъ, что «Маша пала» — но сознавали ли это?!....

Маша вдругъ перемѣнилась въ ихъ глазахъ: она — испорченная женщина, жалкое существо, нѣчто въ родѣ урода.... Она — грѣшница!...

Chères soeurs Свержинскія жалѣли Машу, но и тѣ прибавляли втихомолку, что онѣ не ожидали отъ нея этого — чего? они и сами не могли бы объяснить: барышни пѣли съ чужаго голоса....

— Я люблю его, настойчиво повторяла Маша сама себѣ. — Онъ первый приголубилъ меня, первый обласкалъ, пожалѣлъ, захотѣлъ мнѣ сдѣлать добро, сказалъ хорошее слово. Я не оставлю его! Мы не разстанемся.... Я все перенесу — все ради его!

— Не заставятъ меня отказаться отъ моего милаго, дорогого! И чѣмъ же я виновата, что люблю? Зачѣмъ мнѣ дали любовь? Я люблю, люблю — и онъ женится на мнѣ; онъ говоритъ, что для него всѣ равны, что мѣщане, что дворяне — вотъ онъ какой!

Дѣйствительно, въ ту пасмурную, осеннюю ночь, подъ тремя соснами — Serge ей много наобѣщалъ и въ томъ числѣ, снисходя къ ея неразвитости, далъ обѣщаніе жениться.

— Ты загубишь меня! говорила ему Маша, и онъ поклялся не оставлять ее, вступить въ законный бракъ, какъ требуется.

Машѣ казалось дико не платить взаимностью, не платить добромъ за добро. За это-то люди и осуждали ее?... Какъ ни была она убита тяжелымъ семейнымъ положеніемъ, а все-таки находила не мало самой чистой, искренней радости въ той мысли, что она любима Serge'емъ, въ увѣренности, что есть въ мірѣ человѣкъ, уважающій ее именно за то, за что другіе поносятъ....

«Матушка говоритъ, думала она — что я погубила себя, что мнѣ нельзя никуда показаться; а что мнѣ въ томъ!... Какое же я зло имъ сдѣлала?»

— Ну, Петровна, что ужь это такое! говорила Васильевна, забѣжавъ разъ повечеру къ сосѣдкѣ. — Со свѣта ты ее сжить совсѣмъ что ли хочешь: грызешь да грызешь день-денской, инда слезы вышибетъ, глядючи, какъ она, сердечная, мается. Добро бы дѣвка бойкая какая, а то смотри — тихая, претихая — и не слыхать ее....

— Ладно, тихая — говори ты! Тихоня — да что натворила! Нѣтъ, мало бита еще — вотъ что! Прутья-то я не всѣ еще исхлестала! возражала Петровна.

— Ой, уймись, голубка! Полно ужь, будетъ тебѣ: построжила, потаскала ее — и довольно; преложи гнѣвъ

на милость! Что же это! Все тычки да ругань, путнаго слова не скажешь, ровно ужь она какъ и не дочь тебѣ родная. Грѣшно этакъ, матка! Мотри, чтобъ послѣ спокаяться не пришлось....

— А что мнѣ каяться-то: я ее выводила, выкормила.... упорствовала мать, не могшая еще простить дочери фіаско, постигнувшее ее.

— Такъ-то такъ, да, вѣдь, не для побоевъ же ты породила ее — вотъ что говорю! А грѣшны, голубка, всѣ мы, не она одна....

— Нечего мнѣ каяться! отвѣтствовала Петровна съ досадой, задѣтая за живое простымъ, но правдивымъ замѣчаніемъ старухи. Если бы Петровна читала евангеліе, то слова Васильевны напомнили бы ей изъ него одно прекрасное мѣсто....

— Ну, всяко бываетъ, Петровна! Не зарекайся напередъ.... И близко будетъ локоть, да не укусишь его? Нѣтъ, нѣтъ — что ужь не хорошо, такъ нехорошо. Мотри, кое время дѣвка, почитай, вовсе свѣта не видитъ; тутъ и до бѣды недолго: нечистый-то силенъ, попутаетъ какъ разъ....

На горе Петровнѣ суждено было очень скоро оправдаться на дѣлѣ зловѣщему карканью старой Васильевны.

Во всемъ Тиноводскѣ, кажется, и было произнесено только одно разумное слово за бѣдную Машу, да и то

сказалось не въ салонѣ образованнаго общества, а простою, старою женщиной, темною, неучившеюся добродѣтели по книжкамъ въ благородномъ пансіонѣ.

Маша сколько ни старалась быть предупредительною, услужливою работницей, Петровна мучила ее ежечасно, корила ее каждымъ кускомъ, не давала отойти на шагъ отъ дома, язвила, колола ее немилосердно и тиранила различными манерами до того, что наконецъ Васильевна сжалилась надъ гонимою дѣвушкой и замолвила за нее слово состраданія.... Петровна одумалась (впрочемъ, немного поздно): Машѣ ужь опротивѣлъ родной домъ, жизнь сдѣлалась невыносимо тяжелою, и она, со страхомъ и нетерпѣніемъ, ждала перваго, веселаго снѣга.

Вотъ и снѣгъ закружился въ воздухѣ; прошло еще немного времени и земля забѣлѣлась.... Скоро, скоро Маша вырвется на волю изъ душнаго подземелья, поѣдетъ далеко, далеко со своимъ ненаглядным, поѣдетъ вонъ туда, гдѣ на горизонтѣ синѣетъ.... Она ужь не разъ мыслью уносилась по дорогѣ, пропадавшей за заставой; съ сильно бьющимся сердцемъ прислушивалась она къ звенѣвшему колокольчику.... Скоро и Маша отправится въ дальнюю дорогу!

Въ одно воскресенье, лишь только Петровна вышла изъ дома, оставивъ дочь одну, какъ въ домикъ вбѣжалъ казачокъ Свержинскихъ, растрепанный Колька, и подалъ

Машѣ исписанный крупными буквами клочекъ бумажки. Посланецъ скрылся, а Маша съ большимъ трудомъ стала разбирать писаніе и разобрала слѣдующее: «Сегодня въ 8 часовъ вечера мы ѣдемъ. Сбери въ узелокъ только самое необходимое на первое время, лишняго не бери ничего: не надо, все будетъ. Выходи къ этому времени за городъ и неподалеку отъ заставы жди меня. Я поѣду на тройкѣ въ повозкѣ — ты встань ближе къ дорогѣ. Ну, вотъ видишь, наше давнишнее желаніе наконецъ исполняется. Ты, пожалуйста, Маша, будь осторожнѣе, не проговорись какъ нибудь, не выдай. Я, впрочемъ, на тебя надѣюсь. И такъ — въ Петербургъ! До свиданія же, моя милая. Твой С. С. Одѣнься потеплѣе.»

«Въ Петербургъ!» повторила Маша про-себя и ей опять стало страшно, страшно за свое неизвѣстное, темное будущее. Съ болью посмотрѣла она вокругъ себя: все-то знакомое, все-то родное.... Вотъ печка закоптѣлая, передъ которой грѣлась она по зимамъ; вонъ ветхіе стулья — ея игрушки; подъ окномъ вишня, полузанесенная сыпучимъ снѣгомъ, какъ-то грустно покачиваетъ своею обнаженною вершинкой, словно, тоже прощается; огородъ съ длинными грядами, дырявый плетень и высокій репейникъ — все это съизмлада такъ приглядѣлось ей. Игнатьичъ лежитъ на палатяхъ, мычитъ себѣ подъ носъ да охаетъ жалобно, точно жизни не радъ; трубка

его съ медвѣжьею головой на окнѣ валяется.... И вдругъ все это оставить, перемѣнить на неизвѣстное, отъ всего этого оторваться и, можетъ быть, навсегда — невыносимо грустно сдѣлалось Машѣ; она тяжело вздохнула и долгимъ тоскливымъ взглядомъ посмотрѣла вокругъ себя.... Слезы закапали изъ-подъ густыхъ рѣсницъ и покатились по щекѣ....

Въ сумерки, послѣ обѣда, пришла мать.

— Морозъ, ой-ой! какой! И таково сиверко стало къ вечеру! Уши щиплетъ важно! объявила она.

На Петровнѣ тотъ же старый, очень знакомый, пестрый платокъ, такая же кацавейка цвѣта овсянаго киселя, то же платье съ оборваннымъ подоломъ.

Въ послѣдній разъ слышитъ Маша ея крикливую рѣчь.... Маша знаетъ, что мать ее не такъ любитъ, какъ она думала прежде, а все-таки ей жаль, очень жаль оставить старуху одну съ больнымъ, немощнымъ Игнатьичемъ: онѣ такъ долго вмѣстѣ жили, дѣлили нужду, горе и мелкія радости, онѣ сжились — и вотъ приходитъ часъ разстаться, да и проститься-то хорошенько нельзя, какъ бы хотѣлось, чтобъ не навлечь на себя подозрѣній и не разрушить дѣла, на которое уже она рѣшилась разъ навсегда.

— Ты, Марья, не озябла ли? спрашиваетъ мать, замѣтивъ, что Маша, какъ будто, слегка вздрагиваетъ.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ та. — Это ничего.... такъ!...

Материнская заботливость сказалась въ Петровнѣ и острымъ ножемъ скользнула по сердцу дочери. «Она все-таки любитъ меня!» подумала дѣвушка и едва удержалась, чтобъ не разрыдаться.

— Чаю не хочешь-ли? Осталось отъ намеднишняго... спросила опять Арина.

Маша задыхалась: ей душу воротило каждое слово матери.

— Пожалуй, напьемтесь! промолвила она. — Сходить за самоваромъ-то?

— Да, я, пожалуй, и сама схожу.... Для-ча по морозу-то тебѣ таскаться! замѣтила мать.

У Маши въ глазахъ помутилось; набѣгавшія слезы застилали ихъ. Маша закусила губы и прерывисто дышала....

— Ничего, я схожу! сказала она, глотая слезы и не глядя на мать, и, поспѣшно накинувъ шубейку, вышла изъ избы.

У приворотнаго столба она остановилась, оперлась на него обѣими руками и горько, горько заплакала.... Прояснивалось въ душѣ, тяжесть спадала понемногу: Маша ужь не съ ожесточеніемъ, а съ тихою грустью готова была оставить неласковый, недобрый порогъ роднаго дома; теперь она, примиренная, могла спокойнѣе

распрощаться со всѣмъ тѣмъ изъ своей обстановки, что за давностью времени стало для нея дорого, не смотря на свою существенную негодность и дешевизну.

Стали пить чай.

«Въ послѣдній разъ!» подумала опять Маша, прихлебывая горячій чай съ блюдечка. «Не увидимся! Не пивать намъ больше вмѣстѣ чайку!» мелькнуло затѣмъ въ ея головѣ.

Самоваръ весело шипѣлъ на столѣ; Петровна преусердно опорожнивала чашку за чашкой — разговоръ не клеился. Игнатьичъ, по обыкновенію, къ вечеру еще пуще принялся мычать и охать. Маша съ замираніемъ сердца чувствовала, что время идетъ, что надо рѣшимостью запасаться, надо бѣжать....

— Спать-то ужо будемъ, ложись къ печкѣ, а я съ краю! заговорила мать.

Петровна въ этотъ вечеръ, какъ нарочно, была очень нѣжна; она, словно, предчувствовала, что дочь покинетъ ее навсегда, что ужь не придется ей больше сидѣть съ Машей по длиннымъ зимнимъ вечерамъ и коротать скучную, унылую пору..

«Ложись къ печкѣ! думала Маша. — Не знаешь ты, бѣдная, гдѣ я лягу сегодня; не съ тобой я лягу спать, не на печкѣ проснусь я завтра. Спать я не стану сегодня — я уѣду далеко отъ тебя. Ты будешь плакать, а

я не приду къ тебѣ, я съ нимъ поѣду жить! Иначе нельзя....»

— Что не пьешь-то? замѣтила мать, видя, что дочь отодвигала отъ себя блюдце и чашку.

— Напилась, довольно ужь! Не хочется больше! и не выдержала-таки Маша, заплакала.

— Ну, ну, что опять? полно ужь! заговорила Петровна сурово, припомнивъ неудавшіеся свои планы — и горечь разлилась по ея материнскому сердцу. — Чай-то какой крѣпкій; много я заварила, добавила она, наливая свою чашку.

Дочь, между тѣмъ, утирая слезы, силилась принять болѣе спокойный видъ. «Да, вѣдь, не догадается! Почемъ ей знать?» утѣшала дѣвушка сама себя.

— Не выпить ли для праздника? Можно, вѣдь? обратилась Петровна къ Машѣ послѣ непродолжительной паузы.

— Можно! поддакнула и Маша.

Чтобъ избавиться отъ докучныхъ, непріятныхъ воспоминаній, почтальонша имѣла правило испивать сивухи малую толику. Такъ и теперь пропустила она одну рюмочку, за одной другою за—другой—третью и такъ далѣе до дюжины. Зашумѣло у Петровны въ головушкѣ и разговорился хмѣль....

— Игнатьича разѣ попоштовать! Эй, старый хрѣнъ,

хошъ выпить, а? крикнула она сиплымъ голосомъ, оборачивая голову по направленію къ палатямъ.

— М-мы да-а? послышалось съ палатей, и затѣмъ тамъ поднялось усиленное ворочанье и кряхтенье.

— Поднеси ему, Маша: пусть онъ потрескаетъ. Да рюмки-то ему мало, ты возьми стаканъ лучше.... онъ на полкѣ тамъ.... языкъ Петровны ужь начиналъ сбиваться.

Маша налила въ стаканъ сивухи и подала Игнатьичу. Тотъ выпилъ разомъ, облизалъ свои толстыя губы и какъ-то странно улыбнулся, глядя на Машу.

— Хорошо-о-о! просопѣлъ онъ. А еще?....

— Вишь, чортъ разлакомился! Околѣешь еще, такъ и съ тобой бѣды наживешь.... съ судомъ придется дѣло вести!.... Опоила, скажутъ.... прикрикнула на него Петровна.

Старикъ смолкъ.

— Ну, Марья, когда же ты барыней-то у меня будешь, а? Изъ дома-то меня не прогонишь — скажи-ко ты мнѣ эфту штуку? — Петровну ужь, видимо, сильно начинало разбирать; глаза помутились и неподвижно уставились на одну точку; лицо покраснѣло; дыханіе было прерывисто и тяжело....

— Какъ могу я гнать васъ! отвѣчала Маша и ей опять противною показалась жизнь родной норы; ей опять пуще прежняго захотѣлось на чистый воздухъ.

«Здѣсь мать — жаль ее, это правда; но здѣсь грязь и грязь отвратительная!....»

— Вишь, какъ морозко то потрескиваетъ, больно что-то студено стало! замѣтила Петровна, прислушиваясь.

— Да, машинально произнесла Маша.

Поболтавъ еще немного о разномъ вздорѣ, старуха угомонилась и прилегла на лавку. Скоро громкое храпѣнье возвѣстило о томъ, что Петровна успокоилась сномъ крѣпкимъ.

«Время нужно узнать! Сбѣгать къ Васильевнѣ.... не опоздать надо! подумала дѣвушка и, накинувъ шубейку, отправилась къ сосѣдкѣ чуть не бѣгомъ.

— Узнай, Васильевна, матушка, у своихъ жильцевъ, сколько часовъ теперь! проговорила Маша, входя въ знакомую комнатку и еле переводя духъ отъ усталости.

— Чтой-то тебѣ приспичило, касатка? Запыхалась-то, запыхалась-то какъ! Разболокайся, посиди — гостьей будешь! встрѣтила ее Васильевна, по обыкновенію, радушно.

Маша съ подозрѣніемъ взглянула на нее: ей, съ самаго утра, какъ только получила роковое посланіе, приглашавшее ее за заставу вечеромъ, — все казалось, что всѣ уже знаютъ ея преступное намѣреніе бѣжать, что всѣ слѣдятъ за нею и не говорятъ лишь потому, чтобы вѣрнѣе привести въ исполненіе свои злокозненные замыслы въ отношеніи ея....

Лишь только она бросится за заставу, какъ тотчасъ за нею явится и погоня, схватятъ ее и утащатъ опять назадъ въ душную нору, а онъ уѣдетъ одинъ, оставитъ ее, разлюбитъ, забудетъ....

— Некогда! отвѣчала она Васильевнѣ. — Матушка скорѣе наказала воротиться....

— Ну, ну, ладно — погоди, узнаю сейчасъ!

Черезъ минуту Васильевна вошла въ комнату.

— Седьмой въ доходѣ, голубка! объявила она. — Да обогрѣйся хоша маленько; на дворѣ-то, вѣдь, сегодня очинно того.... зашибаетъ.

— Нѣтъ ужь, тетенька, домой-то надо поспѣшать, въ другорядь подольше посижу.... забѣгу ужо!

— Ну, затвердила одно: домой да домой.... Э-эхъ ты, дитятко мое! замѣтила ей Васильевна шутливо-сердитымъ, недовольнымъ тономъ.

— Маменька разсердится того и гляди! возразила Маша. — Такъ, прощай, голубушка....

— Ну, прости, прости!

Возвратясь домой, Маша собрала кое-что, завязала въ маленькій узелокъ и присѣла, по русскому обычаю, — въ головахъ у спящей матери. Нагорѣвшая сальная свѣча бросала тусклый, неровный полусвѣтъ на всѣ предметы. Знакомая картина вызвала цѣлый рядъ не менѣе знакомыхъ картинъ изъ давняго и близкаго прошлаго.

Маша читала отходную по своемъ прошедшемъ.... Здѣсь ея ребячество проходило, здѣсь мелькнула первая пора юности, страстная, бурная.... Здѣсь она сдѣлалась грѣшницей — и вотъ она сейчасъ уходитъ отсюда съ тѣмъ, чтобы не возвратиться.... Маша смотритъ на озаренное свѣтомъ лицо матери и говоритъ сама себѣ:

— Проснется и не увидитъ ужь она болѣе меня!

Игнатьичъ время отъ времени мычитъ на палатяхъ. Вишневая вѣтка, покрытая снѣгомъ, бьетъ въ окно, словно грозитъ кому-то....

Машѣ захотѣлось ѣсть. Она достала изъ поставца краюшку черстваго ржанаго хлѣба и отрѣзала ломтикъ. Послѣднiй кусокъ въ родномъ домѣ! Трудно онъ проглатывался! Какова-то будетъ хлѣбъ-соль, съ которою встрѣтитъ ее близкое, но таинственное будущее?... Занавѣсъ еще опущенъ.

— Пора! сказала наконецъ Маша вслухъ и, легко поцѣловавъ мать, поднялась съ лавки. При взглядѣ на почернѣлый образъ, стоявшiй на полочкѣ въ углу, она вздрогнула: ей стало жутко.... Силы вдругъ оставили ее: ноги задрожали, страшная слабость разлилась по тѣлу. Минуту даже ужь она думала махнуть на все рукою, остаться дома и терпѣть, терпѣть, но обольстительный образъ опять мелькнулъ передъ нею лучше, прекраснѣе, заманчивѣй прежняго.... Она рѣшилась.

Штофъ стоялъ на столѣ у давно потухшаго самовара, не все еще было выпито въ немъ, и Маша судорожно схватилась за него, какъ за послѣднее спасеніе, глотнула изъ горлышка разъ-другой.... Огонь мгновенно пробѣжалъ по жиламъ, голова немного закружилась, и Маша, точно уже какъ во снѣ, видѣла передъ собою полуосвѣщенную, грязную избу, раскраснѣвшееся лицо матери, прикрытое взбившимися волосами, словно же во снѣ очутилась она на улицѣ и за заставой....

Тутъ только она, какъ бы, опомнилась; хмѣль мигомъ вылетѣлъ изъ головы, и дѣвушка пришла въ себя. Оглянувшись кругомъ, бѣглянка увидала не вдалекѣ огни: то Тиноводскъ.... а тамъ снѣга и снѣга.... Небо мутно, снѣговыя облака заволакиваютъ его — только кое-гдѣ надъ самымъ горизонтомъ тонкою полоской сквозитъ лазурь и проглядываютъ звѣздочки.... Холодный, рѣзкій вѣтеръ проносится съ силой по безлюднымъ пустынямъ, взвѣвая снѣгъ....

Маша стоитъ и ждетъ.

Вотъ и колокольчикъ, но нѣтъ — мимо!

Вотъ опять — ближе и ближе.... Это онъ! Ловко выскочилъ изъ кибитки Свержинскій и схватилъ Машу въ объятія.

— Насилу я тебя дождалась! могла только прого-

ворить она и отъ наплыва сильныхъ, жгучихъ ощущенiй почти безъ чувствъ упала къ нему на грудь.

Полетѣли наши путники.

Въ то время, какъ ея мысль бѣжала еще назадъ, къ покинутому маленькому домику на краю города, Serge летѣлъ уже мечтою впередъ и впередъ. Онъ устроилъ жизнь именно такъ, какъ хотѣлъ. Онъ въ Петербургѣ, въ кругу друзей, товарищей; хорошенькая, умненькая Маша съ нимъ; онъ развиваетъ ее, просвѣщаетъ.... Новая, трудовая жизнь на честныхъ началахъ.... Упоительные часы отдыха....

А Машѣ видится грязная комнатка, слабоосвѣщенная сальнымъ огаркомъ; видится мать на лавкѣ, и въ ушахъ звучитъ знакомый голосъ: «Спать-то ужо будемъ, ложись къ печкѣ, а я съ краю лягу!» Она прижалась къ Serge'у.

— Тепло ли тебѣ? спрашиваетъ тотъ заботливо и запахиваетъ ее своимъ тулупомъ. — Теперь тепло?

— Да, такъ хорошо! и они слились въ долгомъ, долгомъ поцѣлуѣ....

Лихо покрикивалъ ямщикъ, лошади бодро и дружно бѣжали. Легкая кибитка быстро неслась, ныряя въ ухабахъ, и уносила Машу вдаль отъ Тиноводска.... По сторонамъ разстилались бѣлыя равнины, даль пропадала въ синеватомъ сумракѣ ночи, а подъ раскрашенною дугой немолчно гудѣлъ и звенѣлъ колокольчикъ....

Старикъ Сверженскій лѣтомъ былъ непрочь погулять въ деревнѣ, пожить, какъ говорится, на распашку «средь полей и лѣсовъ дремучихъ», а зиму проводилъ, обыкновенно, въ губернскомъ городѣ за карточнымъ столомъ.

Въ эту картежную пору, благодаря постояннымъ проигрышамъ, финансы быстро истощались. Съ крестьянъ, между тѣмъ, нужно было получить деньги, слѣдуемыя за землю, собрать долги, распродать хлѣбъ. Дѣло бы, кажется, немудреное, а Сверженскій все-таки ломалъ надъ ними голову: черезъ переписку со старостой это немудреное дѣло должно было протянуться (по барскому расчету) не менѣе, какъ мѣсяца три или четыре, и то при благопріятныхъ обстоятельствахъ; оставлять же самому семейство, знакомыхъ, клубъ — главное клубъ — ему не представлялось достаточнаго резона. Госпожѣ Сверженской въ деньгахъ тоже была крайняя необходимость: пріемы гостей и выѣзды не мало также участвовали въ произведеніи финансоваго кризиса, а бальный сезонъ только-что еще начиналъ разгораться.... Ѣхать самой въ Волчково — все равно что ѣхать въ какія нибудь Пріуральскія степи — вещь немыслимая! Къ тому же хозяйство оставалось для нея вѣчно чуждою, невѣдомою сферой. Отпустить — или вѣрнѣе сказать — прогнать мужа въ деревню тоже дѣло не совсѣмъ подходящее: тамъ есть Аксинья, одна востроглазая, молодая бабенка, а за мужемъ давно уже водились раз-

ныя исторіи деревенскаго Ловеласа.... Барышни, «неземныя созданья», жаждали денегъ не меньше родителей и теребили послѣднихъ....

И вотъ, наконецъ, когда тревожное волненіе, все сильнѣе и сильнѣе овладѣвавшее членами фамиліи Сверфинскихъ, въ одно утро дошло до рѣшительнаго взрыва вслѣдствіе всеобщей, довольно оживленной ругани, когда папаша съ неистовствомъ принялся сосать свою трубку, а maman слабымъ голосомъ попросила спирту, тогда Сережа предложилъ свои услуги съѣздить въ Волчково и собрать все, что нужно. Предложеніе его было принято.

Вскорѣ послѣ этого утра Сережа, снабженный разнаго рода инструкціями, покинулъ Тиноводскъ (что̀ читатель уже и имѣлъ счастіе видѣть). Въ Волчковѣ Serge пробылъ съ Машей недолго; сбылъ часть хлѣба за полцѣны, собралъ часть денегъ съ мужиковъ, а такъ какъ должники упирались и просили отсрочки, то онъ великодушно махнулъ рукой и послалъ ихъ къ чорту. Съ двумя тысячами рублевиковъ въ карманѣ, съ радужными мечтами и надеждами — поскакалъ Сверфинскій изъ села Волчкова, но только не въ Тиноводскъ, гдѣ изнывали отъ нетерпѣнья chers père, mère и soeurs, а совершенно въ противоположную сторону — «ко хладнымъ невскимъ берегамъ».

— Наконецъ-то мы съ тобою вырвались! Улетѣли

моя голубушка! шепталъ Serge Машѣ, нѣжно цѣлуя ея щечки, разрумяненныя морозомъ.

— Мы теперь отъ нихъ далеко, далеко.... отозвалась Маша, ласкаясь къ своему спутнику, и, немного погодя, спросила: — Вѣдь ты имъ скоро вышлешь, да?

— О, да! Конечно.... Тотчасъ по пріѣздѣ! успокоивающимъ тономъ проговорилъ Serge.

Здѣсь кстати замѣтить, что Свержинскій увѣрялъ Машу и самого себя въ томъ, что изъ собранныхъ имъ въ деревнѣ денегъ онъ возметъ себѣ только малую часть на проѣздъ и на первое время проживанья въ столицѣ, а остальное все отошлетъ въ Тиноводскъ къ родителямъ съ письмомъ, исполненнымъ достоинства, въ которомъ объявитъ, что взялъ у нихъ немного денегъ въ долгъ, и немедленно, при первой же возможности, отдастъ ихъ съ процентами, что не говорилъ имъ объ этомъ лично по той простой причинѣ, что ждалъ съ ихъ стороны упорнаго сопротивленія, которое повредило бы ему и имъ, не принесши въ то же время никому спокойствія. Свержинскій передъ Машей казался героемъ, и Машѣ казалось, что хотя дѣло съ виду и несовсѣмъ чисто, а въ сущности — естественное, очень доброе дѣло: онъ отдастъ имъ деньги, не станетъ больше жить на ихъ счетъ, да и родные — каковы бы они ни были — не должны же пожалѣть какихъ нибудь двухсотъ рублей для того, чтобъ ихъ единственный сынъ

составилъ себѣ карьеру и устроился бы, какъ подабаетъ человѣку изъ дворянскаго рода. Она не могла обвинять Сережу, понимая, что если тутъ грѣхъ и есть, то грѣхъ этотъ дѣлается ради ея, и потому долженъ всею своею тяжестью пасть на ея голову, почти не касаясь ея возлюбленнаго.... Съ той поры, какъ она стала помнить себя, кто подавалъ ей руку, кто не смотрѣлъ на нее, какъ на орудіе своихъ личныхъ выгодъ? Сережа первый ее полюбилъ по-человѣчески, подалъ ей руку и самоотверженно пошелъ съ нею по жизненной дорожкѣ.... Прочь же, прочь всѣ сомнѣнья! Да не падетъ ни малѣйшей тѣни на ея благороднаго, добраго друга!... Самъ же Serge о своихъ родныхъ всего менѣе заботился. Онъ хотя и былъ положительно убѣжденъ, что собранная имъ въ Волчковѣ сумма пойдетъ на вѣтеръ, — но ему не надо чужихъ денегъ, онъ не нуждается въ поддержкѣ: надѣясь на свои силы, Свержинскій былъ увѣренъ, что не потонетъ въ томъ омутѣ, гдѣ такъ много тонетъ человѣческихъ жизней и силъ. Будущее рисовалось ему до того въ заманчивомъ видѣ, выступало въ такомъ привлекательномъ, нѣжно-розовомъ свѣтѣ, что онъ, не задумываясь, бросалъ привольную жизнь, мѣняя ее безъ страха и сожалѣнія на трудовую, тяжелую жизнь, обставленную зловѣщими вопросами о завтрашнемъ днѣ....

— Что же ты, Маша, будешь дѣлать у меня? спра-

шивалъ Serge, когда ихъ кибитка неслась по гладко укатанной дорогѣ среди полей, среди лѣсовъ, мимо бѣдныхъ деревушекъ, мимо помѣщичьихъ усадебъ, мимо старыхъ сельскихъ храмовъ.

Маша была на все согласна; она была готова на всякій трудъ.

Порой набѣгали сомнѣнія. «Городъ большой, страшный городъ!» думала Маша. «Если онъ ошибется въ своихъ разсчетахъ — плохо придется... Но у меня руки есть — я буду за троихъ работать»... Маша не положитъ рукъ, не стушуется передъ бѣдой: бѣда ее на свѣтъ родила, бѣда колыбель ея качала, съ бѣдой она сызмала познакомилась, присмотрѣлась къ ней — не отвернется. Жила она холодно, голодно, безъ любви, безъ счастья, а тутъ съ любимымъ человѣкомъ силъ еще прибавилось. «Богъ не безъ милости, свѣтъ не безъ добрыхъ людей»! добавляла Маша мысленно и при этомъ вспоминала старуху Васильевну, отъ которой она часто слыхала эти слова; но Васильевна еще замѣчала, (что Маша упустила изъ виду): «конечно, свѣтъ не безъ добрыхъ людей, это точно — да искать-то ихъ не легко: они, вишь, словно прячутся»... Юныя сомнѣнія почти постоянно разрѣшались теплою, отрадною надеждой... Маша вѣрить хотѣла и вѣрила.

Много деревень промелькнуло передъ ними, много

рѣкъ, городовъ и лѣсовъ осталось позади. Не разъ синія сумерки спускались на снѣжныя равнины. не разъ тусклый разсвѣтъ прогонялъ ночную мглу. Вотъ добрались наши путники до желѣзной дороги и полетѣли. Маша смотритъ въ полузамерзшее стекло: тамъ, по сторонамъ, бѣгутъ деревья, одѣтыя инеемъ, чернѣютъ овраги, мелькаютъ мосты; домики, словно игрушечные, передъ домиками солдатики — и все это быстро, быстро несется мимо...

Вечеромъ одного дня увидѣла Маша вдали на горизонтѣ огни... Сердце екнуло и замерло... — Что это, не Петербургъ ли? спросила она не безъ трепета.

— Да, онъ! отвѣчалъ Serge и, наклонившись къ окну, жадно сталъ всматриваться въ темнѣвшую даль: у него сердце тоже било тревогу.

Потянулись по сторонамъ пустые вагоны, склады дровъ.. Локомотивъ пошелъ все тише, тише.... Чудовище, какъ бы издыхая, заохало, свиснуло и стало. Чудовище примчало Машу въ «большой городъ»... Поднялась обычная суматоха: возня, шумъ, крики. Маша едва держалась на ногахъ; голова у нее кружилась; усталость подкашивала ноги — Маша точно во снѣ видѣла происходившее передъ нею...

— Чтобы мнѣ не потерять тебя! Погоди, пожалуйста! Куда такъ торопишься-то? говоритъ она, протискиваясь въ толпѣ за Serge'емъ.

— Не отставай! замѣчаетъ тотъ. — Вѣдь здѣсь не Тиноводскъ...

Маша видитъ, что не Тиноводскъ....

Вотъ они на подъѣздѣ. Ихъ встрѣчаетъ ясная, звѣздная ночь.

И поѣхали они по улицѣ — конца ей не видать! Газъ ярко горитъ, блещутъ окна магазиновъ...

— Каково? съ гордостью спрашиваетъ Serge, словно вводя Машу въ свои собственныя владѣнія.

— Какъ свѣтло! точно день! шепчетъ Маша, съ дикимъ любопытствомъ, озираясь по сторонамъ.

Serge остановился въ одной изъ лучшихъ гостинницъ, т. е. въ такой, гдѣ берутъ въ тридорога и за воду и за воздухъ. Когда они уже стояли у окна въ своей комнатѣ и любовались куполомъ Исакія, высоко поднимавшимся въ небѣ, Serge замѣтилъ, что Маша клонитъ къ нему на плечо свою головку.

— Отдохни съ дороги! сказалъ онъ. У тебя ужь и глазки смыкаются, спать хотятъ... и съ нѣжнымъ поцѣлуемъ проводилъ онъ ее, утомленную, но довольную и счастливую, къ ея новому ложу...

Но тревожна была первая ночь Маши въ «большомъ городѣ»; ей снилась мать, спящая на лавкѣ, и тускло освѣщенная изба; снился немощный Игнатьичъ, снились блистательныя барышни Сверҗинскія, снилась Васильевна:

строго, сурово выглядывало сморщенное лицо старухи, точно съ упрекомъ и сожалѣніемъ смотрѣли ея тусклые глаза, прямо устремленные на Машу... Снился ей и садъ старинный, сумрачный домъ, снилось еще многое, чего она и припомнить не могла... Утромъ, пробудившись, почувствовала Маша, что слезы текли по щекамъ и сердце было какъ-то неспокойно: оно не то чтобъ сильно билось, а, казалось, дрожало... Что за слезы? И о чемъ онѣ? Развѣ настоящее не улыбается ей такою безоблачною, сіяющею улыбкой?!...

Пошло время своимъ чередомъ, какъ шло оно и въ далекомъ Тиноводскѣ, только какъ будто бы немного поскорѣе. Занялись наши пріѣзжіе прежде всего осмотромъ — и насмотрѣлась Маша диковинокъ вдоволь, понравился ей блестящій Петербургъ, его дворцы, его сады и монументы съ площадями.

— Пора бы, кажется, и за дѣло приниматься! не разъ уже говаривала Маша, серьезно-шутливымъ тономъ: дѣвушка не любила долго собираться дѣлать дѣло.

— Ну, погоди! Наработаемся еще — время не ушло! возражалъ обыкновенно Serge и тащилъ ее въ оперу слушать дряхлаго Тамберлика, Леонову или Біянки, то везъ ее въ театръ, то въ циркъ куда-нибудь, то, просто, катался на лихачѣ-извощикѣ.

Заѣздилъ Serge по магазинамъ, принялся бросать «не на вѣтеръ» денежки, собранныя въ Волчковѣ; онъ точно

возымѣлъ дерзкое желаніе опустошить Невскій, — но крупныя ассигнаціи размѣнивались на мелкія, тѣ еще на болѣе мелкія и исчезали, а товаровъ въ магазинахъ, между тѣмъ, не убывало.... Посягательства Сережи, такимъ образомъ, напоминали собой старую сагу о борьбѣ витязей съ небесными силами: бьются богатыри, бьются — а сила все растетъ да растетъ, да на витязей съ боемъ идетъ....

Время шло, а деньги все еще не отсылались. Да и какъ имъ было отсылаться, когда борьба съ могучими силами Невскаго проспекта была въ самомъ разгарѣ! Маша, между тѣмъ, въ тайнѣ возмущалась; ея честность, ея неиспорченность и правдивость никакъ не могли примириться съ легкомысленнымъ поведеніемъ Сережи, увлекавшимся всякою дрянью. Ей странно пока только еще казалось, что онъ, такой умный, ученый, могъ предаваться охотно бездѣлью, интересоваться пустымъ блескомъ; она не знала еще, что Serge строилъ карточные домики.... А эти домики легки....

— Что же, Сережа, ты говорилъ, что мы будемъ жить тихо, смирно, на маленькой, дешевенькой квартирѣ, а между тѣмъ все еще, вонъ ужь другой мѣсяцъ, занимаемъ комнаты дорогія-предорогія! заговорила разъ Маша, твердо рѣшившись наконецъ во что бы то ни стало отобрать отъ Serge'а объясненія на счетъ невыполняемыхъ обѣщаній.

Они сидѣли на диванѣ: Serge только что прочелъ газету и бросилъ ее на столъ; Маша, обвившись рукою вокругъ его шеи, пристально, нѣжно смотрѣла ему въ лицо, словно желая проникнуть въ его сокровенныя думы, которыя въ послѣднее время стали нагонять на его чело морщинки и хмурить его черныя брови.

— Хотѣлъ работы искать—ничего нѣтъ; а время уходитъ, и деньги уходятъ, продолжала она, стараясь придать своимъ словамъ шутливый тонъ, но напрасно; въ словахъ ея все-таки слышался энергическій протестъ. — Отецъ и мать, поди, съ ума сходятъ, никакихъ вѣдь извѣстій отъ тебя нѣтъ... Что же это? Я тоже безъ дѣла сижу... Развѣ мы сюда разгуливать пріѣхали? Я даромъ хлѣбъ ѣмъ! Я никакъ не думала, да и не хотѣла, чтобъ ты меня такъ вотъ барыней и посадилъ! Я была такъ увѣрена... Да что же ты молчишь? Скажи что нибудь!.. Голубчикъ, Сереженька, ты знаешь, я тебя люблю, вотъ какъ люблю, не могу и сказать, не умѣю... Ей Богу, я все боюсь чего-то... Пожалѣй хоть меня, найди мѣстечко... Сокровище ты мое, я не скрываюсь, я откровенно говорю тебѣ все, все, отъ души! Станемъ жить такъ, какъ помнишь ты говорилъ мнѣ еще дома... Сдѣлаемъ же такъ, ненаглядный мой! говорила Маша съ жаромъ, съ увлеченіемъ, и послѣднія слова произнесла уже неровнымъ голосомъ, а когда кончила, по щекамъ ея катились слезы.

Молодой человѣкъ при началѣ монолога нахмурился и собрался, было, ходить по комнатѣ, что̀ онъ обыкновенно дѣлалъ въ подобныхъ случаяхъ, но Маша такъ крѣпко обнимала его, такъ дѣтски чистосердечно ласкалась къ нему, что онъ не могъ оттолкнуть ее отъ себя. Брови, было, насупились, по лбу складки прошли, а глаза смотрѣли въ полъ, точно высматривая что-то тамъ, въ паркетѣ.. Все же это въ переводѣ значило: «Ну, опять поднялась съ своими назиданіями!» Но когда тонъ Машиной рѣчи принялъ жалобный, тоскливый оттѣнокъ, Serge не выдержалъ: полузабытыя мечты ожили съ новою силой, чело мгновенно разгладилось, а глаза прямо посмотрѣли на Машу.

— Завтра же найдемъ квартиру! Объ урокахъ буду публиковать въ «Вѣдомостяхъ», пріищу переводы! Слышишь, Маша? Ну, довольна ли ты теперь, безпокойное, но милое созданье? и краснорѣчивымъ поцѣлуемъ закончилъ Serge свое краткое объясненіе. Да! Много ему напомнили Машины слезы, много ему придали силы Машины слова!

Дѣйствительно, дня черезъ три послѣ только-что набросанной сцены, ввечеру перебрались они на Петербургскую сторону и пріютились на маленькой, но чистенькой и свѣтленькой квартирѣ, вдали отъ шума и грома, по близости съ островами. Маша была за работой съ

утра до ночи: уборка комнатъ, приготовленіе къ обѣду, шитье, вязанье, акуратно разбирали ея время. Весело трудилась Маша, не примѣчая, какъ бѣжали дни за днями и недѣля за недѣлей съ неуловимою быстротой... Сережѣ тоже скоро удалось добыть себѣ работу, переводъ съ нѣмецкаго — описаніе какого-то путешествія. Съ большимъ одушевленіемъ принялся Свержинскій за дѣло, просиживалъ дни и ночи напролетъ, такъ что Маша стала ужъ опасаться за него.

— Ты, право, голубчикъ, заболѣешь, если станешь все такъ заниматься; хоть бы отдохнулъ сколько нибудь, а то нѣсколько часовъ сряду спины не разгибаешь — все надъ книгой! говорила Маша и сама радовалась въ душѣ, любуясь на своего милаго; ея мечты завѣтныя сбывались; она жила тою самою дѣйствительностью, которую уже давно создала подъ вліяніемъ Сережиныхъ откровеній...

— Ничего! Не слабаго десятка, небойсь! успокоивалъ весело тотъ, не отрываясь отъ дѣла, и просилъ набить себѣ папиросу, поправить лампу или налить въ чернильницу чернилъ; въ благодарность за подобныя услуги онъ цѣловалъ свою «Машурку», оставался весьма доволенъ и бодро продолжалъ работать.

Казалось, добрый ангелъ парилъ надъ этимъ тихимъ уголкомъ; такъ было все въ немъ честно, мирно и свѣтло!

Напрасны, были опасенія Маши; Сережа не заболѣлъ;

опасный періодъ кипучей дѣятельности прошелъ благополучно. Юноша на первыхъ порахъ, какъ говорится, готовъ былъ бога слопать, а потомъ мало по малу сталъ охладѣвать, находя переводимое сочиненіе сухимъ, безтолковымъ и до крайности скучноватымъ. Послѣ такого неожиданнаго открытія, работа пошла вяло, нехотя, да къ тому же и времени удобнаго стало находиться все меньше и меньше, хотя Маша и замѣчала, что «дни, слава Богу, стали прибывать». Выпадетъ, бывало, часокъ — другой свободный, Сережа сядетъ за книгу, почитаетъ, попишетъ, но вдругъ ему сдѣлается тяжело, глазамъ больно, да что-то и головѣ не ловко, какъ будто угаръ...

Крылья начинали опускаться у сокола яснаго...

Мрачный, низкій духъ притворства, слабости и лжи приступалъ; отъ его тлетворнаго дыханія въ мирномъ дотолѣ уголкѣ распространялось недовольство и уныніе...

Но кое-какъ работа кончена, послѣдняя страница переведена и переписана — а тутъ-то и вышелъ скандалъ. Издатель-книгопродавецъ остался рѣшительно недоволенъ Сережинымъ переводомъ; Сверджинскій, конечно, страшно разобидѣлся, исправить переводъ не предложилъ, наговорилъ издателю много несовсѣмъ пріятныхъ вещей и, пасмурнымъ пріѣхавъ домой, объявилъ Машѣ за чаемъ, что переводы пустое дѣло: «работа самая неблагодарная... Лучше мостовую идти мостить! Напрасная трата времени

и больше ничего! Съ книгопродавцемъ разошелся: дрянной онъ человѣкъ и подлецъ... Денегъ не получилъ... Чортъ знаетъ! Ерунда!» и проч. Маша сочла за лучшее не вдаваться въ подробности: проклятіямъ и безъ того не было бы конца, если бы не подоспѣла ночь на помощь. Ночь утишила волненіе.

Машу сильно начинала озабочивать раздражительность Сережи—явленіе доселѣ небывалое. Неопытная дѣвушка не могла еще догадываться, что Сережа ненатураленъ, что порядочность его — напускное украшеніе, что подобный ходъ дѣлъ долго не могъ продолжаться, что ненормальность положенія естественно должна была вызвать реакцію, что неудобную маску не ловко носить... Все и произошло, какъ слѣдовало произойти: реакція явилась, Сережа становился самъ собой, а Маша находила, что онъ вовсе не походитъ на себя... Очевидно, выходило недоразумѣніе...

Послѣ печальнаго происшествія съ переводомъ, Свержинскій пропадалъ куда-то дня два, а Маша по немъ чуть съума не сходила: «Не приключилось ли съ нимъ какого нибудь несчастья? Или, просто, загулялъ съ друзьями?» На третій день Serge явился живъ и невредимъ. «Уроки нашелъ!» было его первою фразой, когда онъ вступилъ въ комнату.

— Господи! Да гдѣ же ты былъ все это время? Ну, разсказывай же скорѣе, мой миленькій! Я ждала, ждала...

Здоровъ ли ты? Смотри, какое лицо у тебя блѣдное! Не случилось ли, голубчикъ, чего? заботливо распрашивала Маша, крѣпко цѣлуя Свержинскаго и снимая съ него шарфъ.

— Да, ну! Пожалуйста, безъ восклицаній! По Петербургу скитался — вотъ и все! Словно чудо какое... съ досадой проворчалъ Serge, освобождаясь изъ нѣжныхъ объятій.

Маша обомлѣла, а онъ опять смотрѣлъ въ полъ, по лбу протянулись складки, а на лицо набѣжала тѣнь... Собралась Маша съ духомъ и твердо, серьезно сказала:

— Чуда тутъ, конечно, никакого нѣтъ... Но къ чему же кричать, съ чего этотъ презрительный тонъ! Если тебѣ непріятны мои вопросы, ты бы могъ и безъ крику сказать мнѣ это... Ты, право, Сережа, странный какой-то нынче... Разумѣется, я и прежде... давно уже привыкла, чтобы меня... тутъ голосъ оборвался.

Свержинскій смолчалъ. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ сдернулъ онъ съ себя галстухъ, повалился на диванъ и закрылся газетой.

О деньгахъ Маша уже не спрашивала послѣ того, какъ ей рѣзко отвѣтили, что деньги отосланы, куда слѣдуетъ, и чтобы она не изволила безпокоиться. Ей лгали. Мечты замѣтно стали терять для Сережи свою обаятельную прелесть отъ соприкосновенія съ грубою дѣйствитель-

ностью: Свержинскій началъ примѣчать, что мечты, какъ мечты, весьма хороши, но осуществленіе ихъ на дѣлѣ трудно и тяжело: «Силы измѣняютъ, да и общество-то того еще», ну и т. п... На урокахъ онъ тоже «разошелся»: ученики достались слишкомъ ужь тупы! такъ по крайней мѣрѣ значилось по его донесеніямъ Машѣ, передъ которою онъ все еще хотѣлъ выгораживать себя отъ упрека въ слабости и лѣни... Прежде онъ фальшивилъ съ увлеченіемъ, безсознательно, фальшивилъ передъ собой и передъ другими искренно, честно — если можно такъ выразиться; теперь же онъ фальшивилъ обдуманно, холодно, съ цѣлью рисоваться, обманывать только другихъ: онъ поднимался на ходули, самъ то сознавая, и разыгрывалъ всѣмъ хорошо извѣстную роль Хлестакова...

Борьба, между тѣмъ, съ небесными силами завязывалась снова.

— Ну, ужъ кушанье у насъ — признаться! Все одно и то же! До смерти надоѣло — въ ротъ ничего нейдетъ ворчалъ разъ Свержинскій за обѣдомъ: онъ уже успѣлъ побывать въ «Палермо».

— Постой же ты, погоди! Не торопи меня! Вотъ скоро научусь и пирожное дѣлать: «Авдѣева» поможетъ... дай только срокъ! Строгій баринъ!... замѣтила Маша, насильно улыбаясь, и съ болью подумала: «мое кушанье перестало ему нравиться! Въ ротъ ничего нейдетъ! А,

вѣдь, прежде онъ хвалилъ его; былъ сытъ, доволенъ, ѣлъ съ аппетитомъ»...

— Да ужъ все не поварское, что ни говори! твердилъ Serge, хмуря брови, и въ воображеніи его являлись разныя заливныя рѣдкости, пирожки, тающіе во рту и т. п.

Но Маша не теряла надежды на возвратъ лучшихъ дней: надежды очень цѣпки...

Время подходило къ масляницѣ. На Адмиралтейской площади воздвигались балаганы; въ театральныхъ кассахъ шла давка; кафе-рестораны, трактиры, харчевни, танцклассы и тому подобныя не совсѣмъ веселыя увеселительныя заведенія оживлялись все болѣе и болѣе: петербургскій людъ сбирался встрѣтить Великій постъ...

— Забрались же мы съ тобой въ трущобу! говорилъ Serge, придя домой навеселѣ съ пріятельской пирушки.— Вѣдь мы въ самомъ дѣлѣ на краю свѣта живемъ! Тебѣ скучно, Маша? Признайся! Будемъ откровенны...

— Вотъ еще что выдумалъ! перебила съ удивленіемъ дѣвушка, не ожидавшая, чтобъ ее заподозрили въ чемъ нибудь подобномъ.—Ты, Сережа, никакъ съума рехнулся! «Мнѣ скучно!» Что ты!... Только вотъ жаль, что тебѣ-то все неудачи, непріятности такія...

— Неудачи-то къ чорту! рѣшилъ хмѣльной Сережа, разваливаясь на кушеткѣ.—Не въ томъ дѣло!... Надо бы вотъ поближе куда нибудь перебраться, а то, просто, со скуки

пропадешь въ такой преисподней! продолжалъ ораторъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, разумѣя подъ словомъ «ближе» поле битвы, то есть Невскій.

Эта несвязная рѣчь кольнула Машу: не добромъ отъ нея отзывалось... «Онъ скучаетъ! Скучаетъ со мной!» подумала бѣдная, пробуждаясь отъ сладкихъ сновъ. Этого-то именно она пуще всего и боялась. Оправдались, значитъ, опасенія Маши, которыя она была еще не въ силахъ высказать себѣ: какъ можно высказать вслухъ то, что такъ страшно, такъ больно, что такъ хотѣлось бы скрыть!... Не всякій же рѣшится прочесть самому себѣ смертный приговоръ.

— На какіе же доходы наймемъ мы квартиру тамъ... въ городѣ? Вѣдь твои сорокъ рублей съ уроковъ уже почти прожиты... спросила наконецъ Маша, съ великимъ усиліемъ подавляя стонъ.

— Знакомыхъ-то у меня нѣтъ, что-ли? Сто рублей ужь занялъ! возразилъ Serge, глупо какъ-то махнувъ головой: «знай, молъ, нашихъ!»

— Да, впрочемъ, тутъ толковать ужь нечего! закончилъ онъ и сморщилъ брови, а черезъ минуту расхохотался...

Робко, нерѣшительно задавала Маша вопросы, сама ихъ трепеща; теперь же, заслышавъ дикій Сережинъ хохотъ, она дрогнула: кумиры свои разбивать не легко... «Не послалъ онъ денегъ домой! Ей Богу, не послалъ!»

прошептала Маша и уныло посмотрѣла на Serge'а. Глаза затуманились и точно говорили: «Прощай, мой богъ! Нѣтъ больше бога!»

А Serge, развалясь на кушеткѣ, игралъ цѣпочкой и, прищурившись, взглядывалъ то въ темный уголъ, то на Машу...

Золотые дни увлеченія, скоропреходящіе дни, миновали для Маши, унося съ собою все то очарованіе, которое одухотворяло мечты, давало жизнь и силу призракамъ, придавало плоть и кровь, жизнь и красоту блѣдному скелету, осыпало его цвѣтами... Маша начинала терять вѣру. Все стало мало по малу окрашиваться въ свой собственный цвѣтъ, все страшное принимало ужасающіе размѣры, вся гадость и мерзость, вся мертвечина являлась въ отвратительномъ видѣ — желтый, костлявый скелетъ показался безъ покрывала и цвѣтовъ...

Перебрались наши знакомые опять въ самый омутъ столичной жизни, гдѣ немолчно по мостовой гудятъ, гремятъ кареты, трясутся ваньки и ломовики, гдѣ крикъ и шумъ повисли въ воздухѣ. Но тутъ, на новой квартирѣ, «дѣло гораздо не хорошо пошло», выражаясь по старинѣ: началась разгульная жизнь. Сережа кутилъ и кутилъ, позабывъ всѣ радужныя мечты свои о честномъ трудѣ; въ чаду оргій онъ хотѣлъ заглушить напоминанія, топилъ ихъ въ винѣ, а Маша являлась ему живымъ укоромъ,

Маша растравляла раны... Въ «Bierhalle», сидя за стаканомъ пива и говоря съ пріятелемъ по душѣ, онъ ругалъ свою жизнь, (какъ актеръ на сценѣ)... «Пустая жизнь!» говорилъ онъ; пріятель соглашался и въ видѣ утѣшенія предлагалъ спросить еще бутылку «баварскаго».

Утромъ Свержинскій обыкновенно раскаявался, что оставляетъ Машу по цѣлымъ днямъ одну,—Машу, которая такъ любитъ его, что рѣшилась все оставить и пошла съ нимъ въ безвѣстную сторону, а вечеромъ онъ опять летѣлъ въ притонъ какой-нибудь Анны Васильевны, и ночь опять проходила въ обильныхъ возліяніяхъ Бахусу и въ сладострастныхъ объятіяхъ, купленныхъ за деньги, между тѣмъ какъ Маша томилась одна всѣ эти длинные дни и ночи, бродя какъ тѣнь, въ пустыхъ, богато-убранныхъ покояхъ, прощаясь со своими несбывшимися надеждами, со всѣмъ обольщеніемъ прошлаго...

Преобразованіе Маши давно уже было отброшено на второй планъ, а теперь уже и вовсе вычеркнуто изъ программы дѣятельности. «Гдѣ намъ!» думалъ Serge не безъ горечи, когда бывалъ трезвъ. «Мы любимъ уже готовое!» Всѣ добрыя желанія, всѣ благія намѣренія прахомъ пошли, и тутъ только, въ часы невеселаго раздумья, Свержинскій увидалъ, что строилъ карточные домики... Страшное сознаніе! И больно и стыдно!... Впрочемъ, страданія эти, скользя только по поверхности, не запа-

дали глубоко, не пускали корней въ негодной почвѣ. Свержинскій, просто, затыкалъ уши, зажмуривалъ глаза, чтобъ не слыхать и не видать самого себя: слабыя натуры только бѣгствомъ и спасаются...

«Что съ нимъ сдѣлалось такое? Пропадаетъ подолгу, неизвѣстно куда; ничего не говоритъ, только хмурится!» невесело думала Маша разъ вечеромъ, дошивая Сережѣ рубашку, сидя у окна и пользуясь послѣднимъ угасающимъ свѣтомъ зимнихъ сумерекъ.

Дверь стукнула, вошелъ Свержинскій.

— Уже темно! Лампу надо зажечь, затопить каминъ! проговорилъ онъ, бросая на столъ шляпу и перчатки и ложась, по обыкновенію, на кушетку.—Маша, позвони!

Звонокъ раздался, явился человѣкъ, затопилъ каминъ и освѣтилъ комнату.

Прошло полчаса. Закрывъ глаза, лежалъ Serge и точно, будто бы, дремалъ. Маша сидѣла поодаль, сложа на колѣняхъ шитье, и тихо плакала.

— Маша! Ты плачешь? спросилъ вдругъ молодой человѣкъ, не поднимаясь съ кушетки и взглядывая изъ-подлобья на дѣвушку.

Маша не отвѣчала.

И опять молчаніе, молчаніе убійственно-тяжелое для обоихъ!

— Да, плачу! промолвила наконецъ дѣвушка едва

слышно, и звуки ея словъ болѣе походили на шепотъ вѣтерка, на шелестъ листьевъ, чѣмъ на звуки человѣческаго голоса. Грудь ея высоко поднималась, слезы текли по блѣднымъ щекамъ и падали на ея платокъ, падали ей на руку, на шитье, на ея черное, шерстяное платье... Въ эти минуты Маша представляла собой само отчаяніе; скорбь глубокая, безнадежная просвѣчивала въ чертахъ ея лица... И видно было, что непритворное горе наклонило эту головку, что тоска грызущая, страшная тоска волновала эту молодую грудь...

— Ты не любишь меня! продолжала Маша также тихо, словно боясь сама себя. — Я вѣрила тебѣ, ты обманулъ меня... Гдѣ же то, о чемъ ты говорилъ?... То ли ты дѣлаешь, что обѣщалъ?... Я давно ужь плачу... Да что тебѣ говорить, мнѣ не высказать всего... Ты и самъ знаешь...

— Маша! началъ Serge, зѣвая и прикрывая ротъ рукой. — Что ты, Маша, за глупости все говоришь! Какъ тебѣ хочется тревожить себя, не понимаю! Забрала себѣ въ голову чортъ знаетъ что... пустяки какіе-то...

— Ничего я не забрала себѣ въ голову: ты самъ меня навелъ на это... Помнишь, ты говорилъ какъ... Бранилъ людей пустыхъ... возражала Маша и голосъ ея становился тверже и сильнѣе.

— Ну, и бранилъ! Что же изъ этого?... Теперь пусть меня ругаютъ... И ты ругай! Можешь! — Сережѣ пришла

охота самоуничижаться; да его жиденькая, хилая натура и безъ того не могла устоять противъ сильной натуры Маши.

— Ты меня не любишь, Сережа! начала она, немного погодя, и голосъ ея, какъ порванная струна, задрожалъ.

— Ну, вотъ еще! заговорилъ Serge недовольнымъ тономъ. — Вѣдь я тебѣ ужь говорилъ и повторяю, что я люблю тебя! Чего же тебѣ еще?

— Да что ты правды-то не скажешь? Мучишь меня...

— Да ты мнѣ не вѣришь, что-ли? обидчиво спросилъ Serge.

При этомъ губы Маши подернулись, она вся вздрогнула: «не вѣрю» блеснуло въ ея головѣ... Маша приподнялась, зашаталась и со стономъ упала въ кресло... Рыданія душили ее...

Serge спустилъ торопливо ноги съ кушетки и бросился къ ней.

— Маша, Машурочка! Полно, ну полно же! шепталъ онъ, цѣлуя ее. — Послушай, успокойся! Прости же меня, ну прости, моя голубушка! уговаривалъ онъ Машу, приходившую въ себя.

Машѣ показалось, что на нее пахнулъ знакомый воздухъ, она дышала прежнимъ: ей казалось, что надъ нею раскидывается то же небо, что̀ было надъ нею въ Тино-

водскѣ; ей чудилось, что вкругъ нее раздается знакомый шелестъ стариннаго сада, что надъ нею зажигаются въ вышинѣ тѣ же золотыя звѣзды, что горѣли когда-то давно надъ ея головой... И Маша не устояла: всхлипывая, довѣрчиво, попрежнему склонила она на грудь Сережи свою разгоряченную голову и, какъ прежде бывало, припала къ нему съ страстной любовью. Она, словно, искала защиты у своего Сережи противъ того слабаго, дрянного Сережи, который былъ къ ней такъ недобръ...

И къ Свержинскому, казалось, возвращался добрый геній въ тѣ мгновенія, какъ онъ держалъ въ своихъ объятіяхъ плачущую дѣвушку и горячими поцѣлуями осушалъ ея слезы; казалось все, что̀ было въ немъ чистаго, свѣтлаго, поднялось изъ глубины, заговорило... Но это такъ — минута... вспышка... Догоравшее пламя съ трескомъ вспыхнуло еще въ послѣдній разъ, погорѣло-погорѣло и угасло совсѣмъ... Только свѣтильня дымится еще, а вокругъ мракъ и тьма...

Прошло немного времени.

Опершись однимъ колѣномъ на кресло и прислонившись къ стѣнѣ головой, стояла Маша у окна и задумчиво смотрѣла на улицу: тамъ ярко горятъ фонари, еще ярче горятъ большія окна магазиновъ; темныя фигуры являются въ свѣтѣ, отбрасываемомъ фонаремъ; имъ предше-

ствуютъ, за ними идутъ длинныя, фантастическія тѣни и снова пропадаютъ...

Маша думаетъ: «Какъ-то матушка зиму зимуетъ со старымъ Игнатьичемъ! Вѣсточку бы получить!... Не на радость я ее покинула одну-одинешеньку, на радость ли и сама-то ввязалась въ этотъ шумный городище, въ которомъ люди днемъ и ночью бѣгаютъ и суетятся; точно всѣ проклятые какіе, мѣста, словно, не имѣютъ, слоняются. Сережа тоже суетится... Его рѣдко видно дома — покажется не на долго, холодный и скучный, да и спрячется ни вѣсть куда! Ласки не тѣ ужь, что̀ были... Какъ были сказаны, напримѣръ, въ тотъ вечеръ эти слова: я тебя люблю... Лѣниво, безучастно... Тѣмъ же тономъ приказалъ онъ и каминъ затопить. Такъ ли, бывало, говорилось прежде! Да развѣ ужь это очень давно было: вѣдь года еще не прошло послѣ того, какъ сиживали мы по темнымъ, осеннимъ вечерамъ подъ тремя соснами на берегу пруда! Гдѣ же вы, рѣчи чудныя, крѣпкія объятія, гдѣ же вы, поцѣлуи долгіе, долгіе, что̀ грезились мнѣ на яву и во снѣ?! Все, видно, времячко унесло... А какъ онъ жить хотѣлъ, какъ работать!... Охъ, тяжело, тяжело, какъ все-то припомнишь, что̀ говорилось, а какъ посмотришь, что̀ отъ всего-то осталось, такъ куда какъ горько станетъ... Слезы застлали ей глаза. Она крѣпче прижалась головой къ холодной, каменной стѣнѣ

и машинально-сосредоточенно принялась вглядываться на улицу. Тамъ тѣни и свѣтъ, тамъ блескъ и темнота; тѣни людскія бѣгутъ, тѣни скрываются; люди, экипажи являются и пропадаютъ, какъ показываются и изчезаютъ отраженія въ громадномъ китайскомъ фонарѣ.

Рѣзко рисуются бѣлыя зданія на темномъ фонѣ... Тучами задернутъ мѣсяцъ...

Не разъ уже Маша съ восторгомъ, со страхомъ и трепетомъ чувствовала, что скоро она будетъ матерью. И жутко и отрадно было ей помышлять о томъ времени, когда у нея явится дитя... Что̀ ждетъ его? Какъ жить онѣ будутъ? Замѣнитъ ли одна любовь любовь другую? Но рядомъ съ этими тревожными вопросами шли думы свѣтлыя, успокоительныя... Она сдѣлаетъ дитя свое работникомъ, человѣкомъ не злымъ. Подъ словомъ «злой» Маша понимала не одно извѣстное качество, а много качествъ въ сходномъ направленіи. «Я буду не одна!» говорила Маша сама себѣ, и сердце ея билось сильнѣе. Но отъ будущаго она опять обращалась къ близкому прошлому, къ настоящему.

«Эти пять мѣсяцевъ точно во снѣ я жила. Что-то будетъ моимъ пробужденіемъ?.. Не жалуйся, матушка! Не завидуй! Ты не одна горюешь... Я тоже вотъ...» слезы опять покатились по ея щекамъ...

Такъ тосковала Маша...

Уплыла Сережина тысяча, за нею послѣдовала и другая. Уплыли онѣ туда же, куда уплывали, уплываютъ и уплывать будутъ многія тысячи: уплыла она широкою волной по Невскому и его притокамъ, по танцклассамъ, по кафе-ресторанамъ, у Доминика и Дюссо... Serge'а какъ холодною водой обдало, когда онъ въ одно не прекрасное утро, вынимая изъ шкатулки деньги, замѣтилъ, что у него осталась только сотня рубликовъ съ копѣйками. Одумался Сережа, протрезвился... Вскорѣ послѣ того было брошено имъ письмецо въ почтовый ящикъ.

«Нѣтъ! Видно, приходится все бросить! Лучше избрать иное: съ голода неловко умирать!» раздумывалъ онъ, отходя отъ почтоваго ящика, идя по панелямъ и добросовѣстно заглядывая подъ шляпки, что̀, какъ извѣстно, составляетъ обычный предметъ ревизіи для извѣстнаго рода пустыхъ тварей, толкущихся на Невскомъ. «Съ ума я сошелъ, право!» рѣшилъ Свержинскій и погнался сперва за сѣренькою тальмой, а потомъ за шляпкой съ чернымъ перомъ.

«Съ голоду не умретъ!» утѣшалъ онъ самъ себя, кончая обѣдъ и допивая рюмку шато-лафита. «Ей-то работу легче найти, чѣмъ мнѣ... Да! Взять въ Тиноводскъ ее положительно нельзя: и та-то исторія, думаю, чуть-чуть забылась... Опредѣлюсь служить, помогать и оттуда могу... Странное дѣло!.. Конечно... Шампанскаго!» закон-

чилъ онъ уже вслухъ. Въ бокалѣ запѣнилась шипучая влага, и участь Маши была рѣшена.

Черезъ двѣ недѣли полученъ желаемый отвѣтъ на письмо: блудный сынъ призывался въ отчій домъ; ему все прощалось, все забывалось, ему сулили прекрасное мѣсточко; его ждали съ нетерпѣніемъ... Serge предугадывалъ уже содержаніе письма и тутъ, увидѣвъ, что все совершилось, какъ по писанному, былъ доволенъ своею проницательностью, чувствительностью родителей и мысленно гладилъ себя по головѣ.

Около этого времени разъ за чаемъ Serge разфилософствовался о томъ, что чувство не птичка, его не удержишь; что развитому человѣку ревновать не подобаетъ и т. д.

— Встрѣться, напримѣръ, тебѣ достойный человѣкъ,— сказалъ онъ Машѣ,—я благословлю и тебя и его! «Еще бы!» невольно мелькало въ его головѣ. «Теперь благословляй на всѣ четыре стороны, благословляй обѣими руками!... Потѣшился, поигралъ—и довольно! А зачѣмъ же прежде не объяснялъ этого?» Больно язвили его эти жестокіе проблески какого-то назойливаго чувства.

«Онъ меня разлюбилъ и хочетъ избавиться отъ меня!» съ отчаяніемъ подумала Маша.

— Тебѣ не жаль меня, я вижу... ты меня обманываешь, ты идешь окольною дорогой... А я все еще люблю

тебя... чувствую, что люблю... пробормотала она невнятно и, опустивъ голову, тоскливо поглядѣла на свою работу: простая дѣвушка хотя и не доросла еще до сознанія тѣхъ великихъ истинъ, что̀ такъ охотно брался проводить на практикѣ ея милый, но видѣла ясно, что эти великія истины, о которыхъ прежде умалчивалось, ничто иное, какъ маска для Сережи.

Свержинскій и на этотъ разъ отдѣлался какими-то пошлыми увѣреніями. Маша чувствовала, что перестаетъ уважать этого слабаго, фальшиваго, двуличнаго человѣка, и странно! этотъ человѣкъ-тряпка все еще былъ для нея дорогъ, милъ по воспоминанію, по прошлому: она все еще смѣшивала Сережу, сбиравшагося на борьбу, и Сережу, тщательно устранявшагося отъ боя... Она любила въ немъ Гиноводскаго Сережу, помогшаго ей выбраться изъ грязнаго болотца, и презирала, жалѣла Сережу петербургскаго, Сережу-пустозвона...

Однако, какъ ни былъ легко сложенъ Сергѣй Свержинскій, какъ ни мелочна, какъ ни тщедушна была его жалкая, водянистая натура, но, уходя въ послѣдній разъ изъ своей квартиры и цѣлуя крѣпче обыкновеннаго Машу, онъ почувствовалъ, что̀ въ немъ зашевелилось что-то доброе-старое, что заставило его подать руку бѣдной женщинѣ и помочь выбраться ей на вольный воздухъ. Сильно забилось его сердце, когда Маша, провожая его, спросила: «Вѣдь ты не надолго? Къ обѣду будешь?»

Онъ взглянулъ еще разъ ей въ глаза: голубые глаза смотрѣли ласково, но грустно. Да, это тѣ же глаза, въ которыхъ нѣкогда Сережа читалъ для себя блаженство райское, которые для него сводили небеса на землю... Опять злыя мысли пробѣжали въ головѣ: «Бѣдная, бѣдная! Оставляю тебя на распутіи... Вспомянешь ты меня... добромъ ли?»

— Ты не надолго! повторила дѣвушка, стоя въ дверяхъ и опираясь о косякъ рукой.

— Буду... скоро... проговорилъ Свержинскій, худо уже владѣя собой и накинувъ наскоро плэдъ, сталъ спускаться съ лѣстницы. «Прощай!» раздалось ему вслѣдъ сверху. «Прощай!» пробормоталъ онъ, словно про себя, и выбѣжалъ на подъѣздъ...

Третью ночь Маша глазъ не смыкаетъ: все ждетъ-не-дождется Сережу. Измучилась...

Опять стоитъ Маша у окна и смотритъ въ него тоскливо.

— Письмо къ вамъ, сударыня! вдругъ раздается за нею.

Человѣкъ на подносикѣ держитъ письмо, запечатанное голубою облаткой.

Маша судорожно разрываетъ конвертъ. Посланіе гласитъ: «Добрая, безцѣнная Маша! Я скрывалъ отъ тебя: дѣла мои были очень плохи. Я уѣзжаю (У Маши въ

глазахъ потемнѣло, она опустилась въ кресло). Я не предлагаю тебѣ ѣхать со мною потому, что ты сама не захотѣла бы возвратиться въ тотъ омутъ, куда меня толкаетъ моя злая судьба. Не открывалъ я тебѣ моего намѣренія оставить Петербургъ изъ боязни, чтобъ прощаньемъ еще пуще не растревожить тебя. Въ бюро я оставилъ 25 рублей — это твои деньги. (Почтовый листокъ задрожалъ въ рукѣ Маши, какъ будто бы она держала страшную тяжесть). Каждый мѣсяцъ сверхъ того я стану высылать тебѣ; сообщи только свой адресъ. За полмѣсяца заплачено впередъ за номеръ, живи! Можетъ быть скоро увидимся. (Рука задрожала сильно). Прости, мой дружочекъ, за всѣ огорченія, которыхъ невольною причиной былъ я. Прощай же, прости. Цѣлую тебя. Твой С. С. P. S. какъ мнѣ было тяжело въ то утро прощаться съ тобой, какъ мнѣ жаль тебя было, Маша, — ты не повѣришь?...»

Какъ дымъ разсѣялись и скрылись чудныя видѣнія, и Маша вдругъ очутилась одна...

Всю ночь Маша тяжко рыдала, уткнувшись въ подушку, омоченную слезами, сердце ныло, темныя пред-

чувствія томили Машу, такъ, въ слезахъ, и заснула она уже на разсвѣтѣ.

Послѣ пробужденія опять первая мысль была о немъ, о миломъ... Каждая бездѣлушка напоминала ей о пережитомъ счастьи, каждая вещичка громко ей говорила о Сережѣ, разсказывала цѣлыя сцены изъ недавняго прошлаго...

Когда же миновалъ первый, тягостный взрывъ отчаянія, близкаго къ безумію, Маша бросила взглядъ вокругъ себя. «Онъ увезъ меня изъ Тиноводска — раздумывала она — вырвалъ изъ грязи... Но вырвалъ и оставилъ на распутіи! Зачѣмъ ему было лицемѣрить, притворяться до послѣдняго часа! Онъ — ученый такой, умный, знающій все—сказалъ бы мнѣ, по крайней мѣрѣ, что̀ должно дѣлать, куда идти! Лживый Сережа... Онъ первый меня приголубилъ, первый... да. А потомъ этотъ послѣдній предательскій поцѣлуй, поцѣлуй Іуды—съ чѣмъ его сравнить!... Я одна...» но тутъ Машѣ являлась страшная и отрадная мысль. Она блѣднѣла, сердце сильно билось. «Дитя мое, дитя мое!» восторженно и тоскливо взывала она мысленно къ невидимому. «Что̀ я тебѣ дамъ? Все, все отдамъ тебѣ, сироткѣ безъ отца!...»

А теперь надо что нибудь предпринять, приложить къ чему нибудь свои руки и обезпечить себѣ хоть какое нибудь существованіе... О возвратѣ назадъ нечего и думать.

И переѣхала Маша въ Щербаковъ переулокъ, въ довольно грязную каморку, ходившую за два рубля съ полтиной. Одно окошечко, упиравшееся въ стѣну сосѣдняго дома и выходившее на заднюю лѣстницу, не слишкомъ много пропускало свѣта. Хозяйка попалась женщина ловкая, умѣвшая выжимать сокъ изо всего сухаго.

Анна Перфильевна — женщина лѣтъ 45-ти, средняго роста, курносая, съ желтымъ лицомъ и быстро бѣгающими, сѣрыми глазками, суетливая до крайности—представлялась Машѣ хорошею, энергическою хозяйкой. Хозяюшка скоро сошлась съ Машей на короткую ногу: она нерѣдко обращалась къ постоялкѣ съ просьбой сшить что нибудь, скроить, пришить, въ чемъ Маша, имѣвшая и свою работу, за которую, сказать кстати, ей платили очень недобросовѣстно, не отказывала никогда и исполняла просьбы, конечно, безвозмездно. Анна Перфильевна съ своей стороны, бывая съ Машей наединѣ, заводила рѣчь о «женишкахъ», но Маша отказывалась отъ обязательно предлагаемыхъ услугъ. Страннымъ, загадочнымъ явленіемъ казалось дѣвушкѣ то, что какъ ни была ласкова хозяйка съ своими жильцами, бо̀льшая часть изъ нихъ разставалась съ Анной Перфильевной вслѣдствіе ссоры. Мягкосердечная хозяйка слезно жаловалась и все сбиралась бросить «эти заведенія», то есть содержаніе квартиры. Къ хозяйкѣ нерѣдко собирались гости, ея лучшіе, искренніе

други, и въ такихъ случаяхъ и Маша получала приглашеніе. Но дикарка- жиличка только благодарила и, удаляясь отъ веселой компаніи, уединялась въ своей комнаткѣ, въ которую никогда — ни утромъ, ни вечеромъ, ни зимой, ни лѣтомъ — не заглядывало красное солнышко и сырость лежала на всемъ.

Было Машѣ времени раздумывать о своемъ невеселомъ бытьѣ-житьѣ: вѣдь, заняты руки да глаза, а голова безъ дѣла... И ждала Маша въ страшномъ томленіи, съ замираніемъ сердца, со страхомъ и мольбой того часа, когда станетъ матерью...

— Марья Васильевна! раздался разъ вечеркомъ за дверью голосъ Анны Перфильевны. Вы не работаете ли?

— Да, работаю, отвѣчала дѣвушка. А вамъ что угодно?

— Да ничего-съ! Ко всенощной ужъ отзвонили...

— Домѣтать немного осталось — скоро кончу! отозвалась Маша.

— Кончайте-съ, да идите-ка посидѣть ко мнѣ... что̀ однѣмъ-то... съ разстановкой проговорила хозяйка.

— Заработались, милочка, заработались! обратилась ласково Анна Перфильевна къ Машѣ, когда та появилась на хозяйской половинѣ. А я только-что о васъ думала...

— Что же бы вы думали обо мнѣ такое? спросила Маша, улыбаясь.

— Жизнь-то ваша вотъ такая скучная! Что ужъ это, прости Господи, за жизнь! запричитала хозяйка, съ состраданіемъ взглядывая на дѣвушку.

— Что за скучная, Анна Перфильевна! Скучать-то некогда, да не всѣмъ же и веселиться.

— Такъ-то такъ, матушка! перебила хозяйка. Это что и говорить... Конечно... да, вѣдь, извѣстно, какія еще ваши лѣта! Помилуйте! Пристало ли вамъ такъ жить... Ужъ вы извините меня — я попросту... Ужь, пожалуйста...

— Напрасно, Анна Перфильевна, вы такъ говорите! Я, право... Тутъ Маша, не прибравъ выраженія, вспыхнула и смутилась.

— Работой-то, вѣдь, немного выручите! уже нахально ввернула хозяйка.

— Сколько выручу, столько и проживу: по одежкѣ протягивай ножки... возразила дѣвушка, перебирая конецъ скатерти, покрывавшей столъ: не нравилась ей Анна Перфильевна въ тѣ минуты, очень не нравилось ея къ ней состраданіе...

— О-ох-хо-хо! Въ ваши-то годы... начала было съ преглубочайшимъ вздохомъ сердобольная Анна Перфильевна, взглядывая на раскраснѣвшееся личико Маши.

— Да что вамъ дались мои годы! перебила ее та.

— Ахъ, вы, моя родная! Бѣдность-то, недостатокъ-то до чего не доведетъ! Конечно, не приведи Богъ — это что и говорить... да, вѣдь, все можетъ случиться... Теперь вотъ такъ живете — въ конурочкѣ такой, не доѣдаете, не досыпаете, а, вѣдь, не ждешь — не гадаешь — можетъ и горше придется...

Какъ зловѣщія предсказанія, повѣяли на Машу эти слова, но она пересилила непріятное впечатлѣніе и съ беззаботностью сказала:

— Что вы меня стращаете-то! Можетъ, и выживу что нибудь хорошенькое — почемъ знать... Поправлюсь: силы есть, работать буду... И ѣсть, и спать стану вдоволь... Маша смогла даже улыбнуться.

— Дай Богъ, дай Богъ! А я, знаете... просто вамъ скажу... при этомъ хазяйка наклонилась къ ней на ухо и вкрадчиво принялась нашептывать что-то... Слышно было — рѣчь шла о какомъ-то «хорошенькомъ и богатенькомъ»...

Маша отшатнулась, ничего не промолвила... А хозяюшка холодно отодвинулась, какъ особа, «не солоно хлѣбавшая», посмотрѣла вскользь на Машу и скрылась по хозяйству...

Маша ушла къ себѣ; тѣмъ тотъ вечеръ и кончился...

Несказанно удивилась Маша, когда, возвратившись

въ праздникъ отъ обѣдни, она нашла свой сундучокъ пустымъ и все свое маленькое имущество расхищеннымъ.

— Меня обокрали! Все утащили, все... даже и чужую работу! Господи! Да что же это такое?! въ отчаяніи говорила дѣвушка самой себѣ, обводя глазами комнату.—Анна Перфильевна! Анна Перфильевна! звала она хозяйку, отворяя дверь и выходя въ корридоръ.

— Что, матушка? Чего угодно? отозвалась та изъ кухни.

— Меня обокрали! Все растащили... Посмотрите!... крикнула бѣдняжка, чуть не плача отъ праздничнаго сюрприза.

— Какъ? Чтой-то вы говорите, Христосъ съ вами! Что у васъ украли? затараторила хозяйка, показываясь въ корридорѣ съ засученными рукавами—вся въ маслѣ, въ тѣстѣ и мукѣ.

— Почемъ я знаю—кто!... Все у меня украли, все... повторяла Маша, идя за хозяйкой въ свою опустошенную каморку.

— Заперто у васъ было? спросила та съ озабоченнымъ видомъ жилицу.

— Какъ же! Я постоянно запираю, когда ухожу.

— Вотъ такъ чудно, право чудно!... Гм! Я то, вѣдь, тоже у обѣдни была, начала хозяйка, почесывая плечо.— Квартиру заперла, какъ пошла... никого не было и дома-то! продолжала Анна Перфильевна и такъ тщательно ре-

визовала каждую щель, какъ будто бы подозрѣвала въ ворѣ способность пролѣзать даже и въ такую щелку, черезъ которую и мышь съ трудомъ просунетъ мордочку.— Вотъ ужъ штука, такъ штука!... Гм! Исторія, ей Богу, исторія! Тфу ты, оказія!... удивлялась все болѣе и болѣе хозяйка.

— Что же мнѣ-то теперь дѣлать? проговорила Маша, смотря растерянно на хозяйку, а та промычала что-то себѣ подъ носъ, смела со стола хлѣбныя крошки, собрала ихъ въ кулакъ и, утомившись безплодными поисками, удалилась во свояси, заглянувъ предварительно въ нетопленную печь и не разъяснивъ еще на тотъ разъ Машѣ, что «теперь ей дѣлать».

Долго, безмолвно просидѣла Маша надъ своимъ пустымъ сундучкомъ, глядя на его изломанный замокъ. Тутъ хранился флаконъ съ остатками духовъ, какъ воспоминаніе о Сережѣ, о свѣтлыхъ дняхъ... тутъ въ желтенькой чайной бѣмагѣ была завернута карточка Сережи; тутъ въ уголку стоялъ маленькій образокъ, который Маша унесла изъ роднаго дома, образокъ простой, старинный, почернѣлый, безъ всякой ризы... Нерѣдко, перебирая въ сундукѣ, брала она его въ руки и всматривалась въ полустершійся ликъ своей патронессы... Тутъ лежало и сѣренькое платье, которымъ нѣкогда любовался *онъ*... Тутъ много было кое-чего дорогаго для Маши, святаго, завѣт-

наго — и вотъ все это вдругъ кому-то понадобилось, все это взяли у нея — ея послѣднее достояніе!

Вставъ по утру съ тяжелою головой послѣ мучительно проведенной ночи, Маша отправилась на Толкучку. Долго бродила она туда и сюда со своею хорошенькою шубкой, стоившей недавно 50 рублей, и наконецъ продала ее за 12 цѣлковыхъ одному молодчику, сильнѣе другихъ божившемуся, что шубка и того не стоитъ.

— Вы мнѣ рубликъ-то должны... помните, брали? встрѣтила ее хозяйка.

— Вотъ вамъ рубль, а съ квартиры я съѣзжаю! объявила Маша.

— Да вы куда же? Что вы! Если у васъ недостаетъ, такъ можно и подождать—сочтемся, храни Богъ... предлагала обязательно Анна Перфильевна... Если вамъ денегъ нужно, такъ я могу снабдить... немного-то у меня найдется... Все, знаете, по людямъ больше роздано... Много роздано.., Такъ-то-съ! А съѣзжать вамъ для чего? Что вы, что вы, Марья Васильевна! Да и какъ вамъ не стыдно, право...

— Нѣтъ, ужъ я найму подешевле... стиснувъ зубы, проговорила дѣвушка: зло и досада разбирали ее. Ей отвратительны, гнусны показались теперь всѣ эти люди: хозяйка услужливая, до приторности ласковая и ея частые посѣтители, ея грязные гости... Отъ нихъ она гото-

ва была бы убѣжать хоть на край свѣта — бѣдная не знала, что человѣкъ — вездѣ человѣкъ, что вездѣ отъ него Машѣ приходится плохо подчасъ...

— Не угодно ли вамъ, Марья Васильевна, съ нами кофейку откушать? спросила черезъ дверь хозяйка, не много времени спустя послѣ прихода Маши съ Толкучаго.

— Благодарю васъ, не хочу! былъ отрывистый отвѣтъ.

— Какъ угодно-съ! пискнула Анна Перфильевна, улетучиваясь.

Между тѣмъ, Маша собралась и переѣхала на другую квартиру. Теперь передъ ней лежали два міра...

Одинъ блестящій, веселый и шумный: тутъ живетъ довольство, живутъ тихія радости семейнаго очага; живетъ роскошь, нѣга и наслажденіе; тутъ поютъ пѣсенки, благодушествуютъ; тутъ пользуются услугами наукъ, искусствъ, ремеслъ; тутъ являются отъ поры до времени очень добрые, очень образованные люди... Но дорожка въ этотъ міръ запала для Маши. Куда же пойдетъ она?...

. . . .

На другой день, начала Маша устраиваться на своемъ новомъ пепелищѣ. Это былъ «уголъ». (Подъ этимъ словомъ темный петербургскій людъ разумѣетъ буквально уголъ, разыгрывающій роль квартиры).

Пріютилась Маша въ Болотной улицѣ, въ подземномъ этажѣ одного стараго, грязнаго дома. Тотъ аппартаментъ, гдѣ ей собственно привелось поселиться, состоялъ изъ большой, квадратной, низкой комнаты, раздѣленной двумя поперечными перегородками, сходившимися крестъ-накрестъ подъ прямымъ угломъ, и вмѣщавшей въ себѣ такимъ образомъ четыре отдѣленія, соединенныя между собою открытыми дверями. Каждое отдѣленіе, значитъ, имѣло четыре угла, а каждый изъ шестнадцати угловъ составлялъ квартиру и отдавался извѣстному лицу или даже и цѣлой семьѣ въ наемъ гривенъ за семь въ мѣсяцъ — и дешевле: цѣна подобнымъ помѣщеніямъ установляется, смотря по той части города, гдѣ обрѣтаются «углы». Таковое-то убѣжище у петербургскаго класса пресмыкающихся именуется «угломъ».

Пыльно, грязно, сумрачно, сыро и вообще прегадко было въ тѣхъ «углахъ», гдѣ пришлось жить Машѣ. Небольшія окна съ глубокими амбразурами немного пропускали яснаго свѣта во внутрь мрачнаго подземелья и верхними своими частями поднимались лишь немного выше уровня земной поверхности, вслѣдствіе чего изъ нихъ весьма удовлетворительно были видны взбитые камни мостовой, панели, наклоненныя тумбы, мелькавшія ноги пѣшеходовъ и лошадиныя подковы. Міазмами пропитанный, душный воздухъ носилъ уже въ себѣ всѣ благопріят-

ные задатки холеры, тифа и всякой иной гибельной заразы.

Машѣ отвели помѣщеніе въ передней клѣткѣ, не подалеку отъ входной двери. Въ углу положены были три доски на невысокихъ обрубкахъ—это кровать, столъ, стулъ,—все что угодно, вся мебель въ совокупности. Доски, прилегавшія къ нимъ, части двухъ перекрещивавшихся перегородокъ, мѣстечко на полу около досокъ, на пространствѣ двухъ-трехъ половицъ, составляли Машину квартиру, далѣе же шло ager publicus. Впрочемъ, должно замѣтить, что съ открытой стороны въ квартирахъ фактическихъ границъ не существовало: границами служили геометрическія, то есть умственныя линіи. Противъ Машиной квартиры уголъ оставался не занятъ, потому что въ немъ возвышалась дымная печь съ перетрескавшеюся вдоль и поперегъ плитою и закоптѣлою настолько, насколько представлялось къ тому физической возможности. Изломанная корзина съ сырымъ угольемъ постоянно валялась у ея отверстія, лишеннаго заслонки.

Въ углахъ по большой части царствовала тишина, но то не была самодовольная, пріятная тишина отдыха и покоя, то была тяжелая тишина болѣзни, голода... Временемъ по угламъ поднимается кое-гдѣ лѣнивый говоръ, чаще прорывается ругань — но звуки опять же скоро и стихаютъ... Сюда люди, словно, сошлись на перепутье

по дорогѣ отъ жизни къ кладбищу или къ сибирскимъ рудникамъ.

Vis-à-vis съ печкой, въ одномъ отдѣленіи съ Машей, обитали мужъ съ женой. Эта злополучная парочка надрывала сердце Машѣ... Мужъ — «чинашъ Бога нашего», какъ звали его жильцы — какой-то отставной чиновникъ, пьяненькое, несчастненькое существо, съ вѣчно подвязанною щекой, безсловесное, жалкое; днемъ его дома не видать, да и ночью-то онъ рѣдко заходитъ, и такъ какъ о его мѣстопребываніи никто никогда не освѣдомляется, то оно и остается въ полнѣйшей безизвѣстности. Жена — болѣзненная, чахоточная женщина будитъ по ночамъ Машу своимъ страшно удушливымъ кашлемъ и хрипѣньемъ; жильцы прозвали ее «дохлою».

— Вамъ бы напиться какого нибудь груднаго чаю! сказала разъ ей Маша по утру.

— Какой тутъ чай! перекусить-то хоть было бы что... Вотъ еще... чай!... Пробормотала больная, насупившись, поправляя рваный войлокъ, замѣнявшій ей постель, и точно негодуя за что-то на Машу; но тутъ же закашлялась, покраснѣла, слезы брызнули изъ глазъ, а на губахъ показалась кровавая пѣна...

Машу покоробило.

Въ другомъ углу, противъ Маши, проводилъ дни свои въ уединеніи и постѣ какой-то провинціальный актеръ

безъ мѣста, донашивавшій гамлетовскій плащъ. Онъ по ночамъ часто пугалъ Машу.

— Проклятіе! Проклятіе отнынѣ и до вѣка! грознымъ голосомъ вскрикивалъ отставной Гамлетъ, вѣроятно, воображая себя на театральныхъ подмосткахъ передъ лицомъ благосклонной публики. Иногда же во снѣ, сквозь зубы, но очень ясно, распѣвалъ онъ сладчайшимъ теноромъ разные водевильные куплетцы и чаще одинъ изъ нихъ, начинавшійся словами: «Вотъ формуляръ всѣхъ вашихъ штучекъ!» Исполнялъ ли онъ этотъ куплетъ лучше прочихъ, связывалось ли съ нимъ какое нибудь милое воспоминаніе — невѣдомо... Только какъ бы то ни было, благодаря частымъ, почнымъ репетиціямъ, почти всѣ жильцы ужъ знали наизустъ «формулярчикъ».

Въ одномъ изъ угловъ задняго отдѣленія помѣщалась мать съ дочерью. Мать, женщина часто пьяная, всегда грубая и никогда неумытая, непріглаженная и неодѣтая, какъ слѣдуетъ, чуть не ежедневно колотила свою 15-тилѣтнюю, черноглазенькую Соню и безъ малѣйшаго стѣсненія поносила ее самыми площадными ругательствами.

— Отчего не пойдешь? Ну, говори: отчего не пойдешь, сквалдырь ты этакая! шипѣла мать однажды вечеромъ — слышала Маша.

— Онъ, старый, больно дерется! отвѣчала Соня. И въ тотъ разъ бутылкой такъ по спинѣ хватилъ... просто, на

силу вздохъ перевела... Какъ осерчаетъ, такъ точно лѣшій какой ..

Въ остальныхъ углахъ таились болѣе или менѣе темныя личности.

Вотъ въ такомъ-то вертепѣ страданій, нищеты, немочей и разврата очутилась Маша, сходя все ниже и ниже по житейскимъ ступенькамъ... Думы темныя, какъ тучи, облегали Машу — и сквозь эти тучи, какъ ясный лучъ свѣта, пробивалась одна отрадная, блестящая мысль. Ночью, впотьмахъ, ворочаясь на своей жесткой постели, больная и слабая, молясь и отчаяваясь, Маша вперяла свой взглядъ въ непроницаемый мракъ сыраго подземелья, словно надѣясь увидать тамъ что-то, а сухія, горячія уста шептали все одно и то же: «Дитя мое! Дитя мое!» Дитя для нея будетъ ангеломъ, предвѣстникомъ лучшихъ дней... Дитя милое, единственное дитя скраситъ для нея нерадостную жизнь, свѣтомъ надежды и добра освѣтится ея тернистая тропинка жизни. Не одна она будетъ... Какъ она полюбитъ свое родное дѣтище — Господи Боже!... Праздникамъ праздникъ будетъ тотъ день, когда оно, давно желанное, явится утѣшителемъ Машѣ!... Маша, конечно, отыщетъ работу; Маша станетъ холить свое дитя, унесетъ его изъ этого грязнаго жилья, подальше отъ этихъ страшныхъ людей, отъ этихъ несчастныхъ, голодныхъ, холодныхъ людей... И вотъ уже услужливое воображеніе

рисуетъ Машѣ картинку за картинкой, одну другой лучше, ярче, свѣтлѣе... Маша — въ чистенькой, теплой комнаткѣ, живетъ припѣваючи, много работаетъ, зашибаетъ денежку... Устала она — играетъ съ *нимъ*, со своимъ ненаглядным... Милая крошка! Ручонкой маленькою своей онъ треплетъ волосы Машѣ, глазенки блестятъ... О радость, — крошка... Вотъ засыпаетъ малютка — Маша глядитъ на спокойное, боззаботное личико и сердце ея бьется ровно и довольно... Счастлива Маша!...

Сѣрый, плачущій октябрскій день темпѣлъ все болѣе и болѣе, намѣреваясь перейти въ холодную ночь. Актеръ, стоя на колѣняхъ передъ своею постелью, писалъ что-то при дрожащемъ свѣтѣ сальнаго огарка, ворчалъ себѣ подъ носъ, жаловался на перо, а отъ поры-до-времени принимался насвистывать «Близко города Славянска»; но вдругъ пламя такъ сильно заколебалось и заметалось изъ стороны въ сторону, что не оставалось никакой возможности при такомъ фантастическомъ освѣщеніи продолжать начатую работу.

— Что у васъ тамъ? Окно что-ли гдѣ открыто? вопросилъ безразлично всѣхъ окружающихъ заштатный Гамлетъ, выпрямляясь и обводя глазами аппартаменты, погруженные въ тьму.

— Ничего не открыто!... Щели-то на что! Вона какія фортки славныя!... отвѣчалъ сиплый женскій голосъ.

Маша лежала на своей постели, закрывъ глаза; слабость одолѣвала ее, а тревожныя мысли роились въ головѣ, не давали ей покоя, не давали сна...

Между тѣмъ въ одномъ углу темненькій человѣкъ зажегъ ночникъ и сталъ рыться въ своей рухляди, отыскивая что-то, а пьяный старикъ-нищій поднялъ страшную руготню и тѣмъ собралъ около себя кружокъ тѣней-слушателей...

Маша чувствовала себя очень дурно: она дрожала, какъ въ лихорадкѣ; каждый звукъ волновалъ ее, причиняя ей невыразимыя мученія... Ее тяготилъ шумъ, поднимавшійся иногда по угламъ, ее страшила тишина, наступавшая за этимъ шумомъ...

Въ одномъ изъ уголковъ кто-то шопотомъ передавалъ другому свои дневныя похожденія...

Актеръ загасилъ свой оплывшій огарокъ и улегся на свое жалкое ложе. Соня ушла куда надо, ушла, горько плача, прогнанная матерью... Мать ея во снѣ призывала всѣхъ чертятъ и дьяволятъ... Жильцы «угловые» погрузились въ тревожный сонъ, и безмолвіе нарушалось только храпѣньемъ и хрипѣньемъ спящихъ, завываньемъ вѣтра за окномъ и въ трубѣ, да шумомъ дождевой воды на улицѣ, стекавшей изъ трубъ... Ночь въ подземельи.

Не спитъ одна Маша: она лишена послѣдняго утѣшенія — сна, даже такого сна, какимъ пользуются другіе

несчастные... Маша страдаетъ, Маша томится... Мысль ея путается: то ей представляется живо памятный осенній вечеръ подъ тремя соснами, вечеръ, когда она сквозь слезы страстно цѣловала Serge'а, трепетала въ его крѣпкихъ объятіяхъ, умоляла его, страшилась, хотѣла бѣжать и осталась... То вдругъ съ чего-то приходитъ ей на память Евангеліе, которое она еще читала дома, въ Тиноводскѣ... читала она его подъ вишней... Запомнилось ей необычайно ясно то мѣсто изъ него, гдѣ описывается тяжелая ночь, которую проводилъ Іисусъ въ саду съ своими учениками... Онъ молится, апостоловъ одолѣла дремота, а тамъ межъ деревьевъ уже малькаютъ огни — идетъ Іуда... То является Машѣ лицо старухи Васильевны: старуха грозитъ, жалѣетъ ее, упрекаетъ... Пьяная мать и старый Игнатьичъ—и вдругъ подобострастная, гадкая Анна Перфильевна... Маша стискиваетъ голову руками... Какая ночь!... Но пробилъ часъ, роковая минута наступила,—мучительная и своимъ одиночествомъ, и страхомъ въ первый разъ испытываемыхъ мукъ. По временамъ слышались глухіе стоны, мольбы и горячечный бредъ... Наконецъ раздался рѣзкій, дѣтскій крикъ.

Кто-то въ сосѣднемъ углу завозился и въ просонкахъ промычалъ: «лѣшій!» — и опять все смолкло.

Утро тусклое, туманное разсвѣло, глянуло въ окна подземелья... Маша сидѣла, склонившись на постели и

укутывала своего новорожденнаго мальчугана... Малютка разѣвалъ ротикъ, щурилъ глазки и всхлипывалъ, слабо, тихо, немощно...

Жильцы еще не поднимались... Больная чиновница изрѣдка стонала, ворочаясь на кравати. Вѣтеръ попрежнему вылъ и дождь не переставалъ...

Маша благодаритъ, плачетъ и цѣлуетъ сына...

На утро собрались къ ней жильцы; судили, рядили, давали совѣты... «Въ Воспитательный домъ», говорятъ, отослать надо... раздумывала Маша, оставшись одна. Хорошо имъ говорить это, легко — а мнѣ-то, мнѣ-то каково!... Ждала я, ждала — и вдругъ бросить, отдать, не зная куда! Намъ, нищимъ, и дѣтей-то нельзя держать и послѣдней-то возможной на землѣ отрады мы должны лишиться... Мы кормить ихъ не можетъ!»... Бѣдная мать ломала руки въ отчаяніи. Но вотъ съ умиленіемъ взглядываетъ она на сына и мысли утѣшительныя, славныя мысли тѣснятся въ голову, вытѣсняютъ прежнія злыя, докучныя мысли, не смотря на грустную дѣйствительность, тяжелымъ камнемъ гнетущую, убивающую всякій порывъ... «Онъ другъ мнѣ будетъ!» говоритъ Маша сама себѣ. «Я дала ему жизнь, я дамъ ему силы, я сдѣлаю для него жизнь хорошею: я буду работать, биться изо всѣхъ силъ, буду ѣсть въ половину, спать урывками, вырощу, выхолю его — и не отдамъ я имъ моего сына!... Господи! У меня

сынъ!»... Мать смѣется и плачетъ, глядя на спящаго малютку. «Только бы здоровья достало, силъ хватило — все вынесу, все вытерплю!...» Тутъ съ горячею мольбой взоръ ея поднимался къ почернѣлымъ сводамъ подземелья: эти мрачные своды не останавливали его — онъ рвался выше ихъ, онъ летѣлъ къ небу... Такъ и радуются и молятся въ этихъ грязныхъ углахъ! Да еще какъ молятся... Молятся ли такъ въ фешонебльныхъ молельняхъ, въ раззолоченныхъ храмахъ?!...

Бѣдная Маша! Какъ ни искренно было ея желаніе тотчасъ же приняться за работу, но привести его въ исполненіе она, больная, слабая, едва передвигавшая ноги — не могла... Духъ бодръ, плоть же немощна...

Прошло дня три—у Маши денегъ нѣтъ... За квартиру за полмѣсяца не изъ чего отдать 30 копѣекъ!.. Хозяйка грозится и хочетъ прогнать ее.. Черезъ силу Маша подымается съ постели и идетъ къ кухаркѣ купца Савина, добываетъ стирку бѣлья, стираетъ, везетъ на рѣку, дрожитъ отъ вѣтра, а вечеромъ приноситъ домой 40 копѣекъ... 30 копѣекъ отдаются хозяйкѣ—10 копѣекъ остается на продовольствіе... Мало копѣекъ — гдѣ же ихъ взять?

Потомъ удалось Машѣ гдѣ-то полы мыть.... Вотъ она опять сидитъ на постели у своего сынишки и пересчитываетъ мѣдныя деньги на ладони. Вотъ беретъ она свой

кожаный мѣшокъ и роется въ немъ: не завалился ли какъ грошикъ.... Пустъ мѣшочикъ — Маша вздыхаетъ и глядитъ на копѣйки.... Какая же она стала нынѣ жадная, корыстолюбивая!... Маша думаетъ: нельзя ли купить ваты и сшить сынку своему теплое одѣяльце.... Но какъ она ни ухитряется — денегъ все недостаетъ.... Вотъ почему Маша выворачиваетъ кожаный мѣшочикъ и такъ внимательно перебираетъ въ рукѣ мѣдь.

Послѣднія копѣйки уплываютъ, а работы — нѣтъ: все просятъ рекомендаціи, спрашиваютъ: въ какомъ магазинѣ, гдѣ, да у кого прежде шила, чѣмъ занималась.... А малютка плачетъ, зябнетъ, и собственный аппетитъ силенъ, здоровый желудокъ исправно работаетъ и требуетъ пищи, и требованія, имъ заявляемыя, такъ скромны, такъ настоятельны и логичны, что не удовлетворять имъ — невозможно.... И начинаетъ бѣдная мать сознавать, что голодъ и холодъ дурные совѣтники и могутъ на многое натолкнуть человѣка. Конечно, это «многое» являлось ей еще неясно, въ неопредѣленныхъ, смутныхъ образахъ, но все-таки ужь отъ него не добромъ вѣяло....

Много провела Маша безсонныхъ ночей, дней безпокойныхъ, тревожныхъ, тоскливыхъ.... а умные люди говорили и говорили хорошія рѣчи....

Въ одномъ магазинѣ ей обѣщали работу и просили ее навѣдаться въ пятницу. Пятницъ послѣ того прошло много, работы Маша не получала. Невыносимо тяжело было ей, когда она возвращалась въ одну изъ пятницъ изъ своихъ неудачныхъ поисковъ. Не радовалъ уже болѣе Машу блестящій, «развеселый» Петербургъ. Уже она не засматривалась на его великолѣпные памятники и статуи, на его огромные дома съ зеркальными окнами, съ лѣстницами, покрытыми коврами и уставленными зеленью; не любовалась она на красоты столицы: холодомъ вѣяло отъ этихъ красотъ на нее.... Идетъ Маша и выходитъ на Невскій, на тотъ знаменитый рынокъ, гдѣ можно продать и купить все: чудесный сервизъ, пышный шиньонъ, изящные сапоги, развратную душенку и красивое тѣло....

На эту выставку, на этотъ рынокъ явилась Маша вечеркомъ одного довольно холоднаго ноябрскаго дня, когда истасканный бурнусъ плохо защищалъ ее отъ пронизывающаго насквозь ладожскаго вѣтра. На блѣдно-голубомъ небѣ выступали уже звѣзды, и очень красиво горѣли золотые огни въ фонаряхъ. Шумно и людно было на улицѣ, какъ и всегда.... Смѣшно и жалобно плакала гдѣ-то шарманка.... Маша вчера доѣла послѣднюю сухую корку хлѣба, завалившуюся у ней между тряпками въ узелкѣ, и потому съ особеннымъ чувствомъ, долго и пристально всматривалась она въ освѣщенное газомъ окно

булочной, гдѣ съ изящнымъ разнообразіемъ были расположены на благосклонное вниманіе публики воздушныя и полувоздушныя печенья, вкусныя булочки, сахаромъ осыпанныя, и хлѣбцы сытные, и все такое чрезвычайно заманчивое для голоднаго желудка. Маша поглядѣла въ окно, какъ бы провѣряя мысленно: стоитъ ли ради того, что она теперь видитъ — идти на рынокъ и продавать себя, свой покой, свое будущее, все и все.... Завернувшись поплотнѣе въ бурнусъ, раздуваемый порывами свирѣпаго вѣтра, Маша пошла далѣе.... туда.... а вѣтеръ мѣшалъ ей идти, не давалъ ей дороги, словно отталкивалъ....

«Теперь Коля плачетъ дома — мелькало въ головѣ у Маши — холодно ему, бѣдному, дуетъ на него отовсюду, никто его не погрѣетъ, не пожалѣетъ: двери, можетъ, настежь стоятъ.... А ѣсть-то какъ хочется!... Господи!....» Маша была, дѣйствительно, очень голодна, дрожала отъ холода и мучилась за свое дѣтище, которое она съ трудомъ прокармливала своимъ скуднымъ запасомъ молока.... Ей страшно было просить милостыню: «Какъ подойти? Какъ сказать? Да развѣ — преступленіе, что я бѣдна и умираю съ голода со своимъ Николаемъ, а тѣ — богаты, и сыты и довольны!... Но какъ взглянуть на людей? Какъ они взглянутъ?.... Но, опять-таки, развѣ не могу я попросить ихъ удѣлить какія нибудь крохи отъ ихъ достатковъ мнѣ? Я должна работой до-

ставать хлѣбъ, скажутъ.... А работы мнѣ нѣтъ!... Худо ищешь, скажутъ.... Ноги болятъ отъ ходьбы.... худо ищешь!...» Такіе вопросы и возраженія возникали въ ея головѣ, когда шла она по «большой улицѣ».

Какой-то господинъ въ бекешѣ стоялъ противъ окна магазина и любовался на выставленные ландшафты. Маша нѣсколько разъ уже подходила къ нему, порывалась, но подойти не могла. То остановится она сзади его и тоже, будто бы, глядитъ на живописные ландшафты, на изящныя группы, а сама дрогнетъ отъ холода; изъ-за шума уличнаго ей слышится тихій плачъ, жалобный, ноющій, надрывающій сердце, ей видится ея Коля, посинѣвшій отъ холода.... То пройдетъ Маша дальше и остановится.... «У него, кажется, лицо доброе!» разсуждала она. «Попрошайка, попрошайка!» мелькаетъ укоризненно въ головѣ. Но, вотъ, господинъ въ бекешѣ отшатнулся въ сторону и собрался идти — медлить нечего.... Сердце сильно, сильно забилось въ груди Маши, въ головѣ застучало....

— Помогите, господинъ, больной.... ребенокъ маленькой! проговорила Маша, — а зубы стучали и кровь приливала къ лицу.

Господинъ, ничего не отвѣчая, вскользь поглядѣлъ на Машу, поискалъ въ боковомъ карманѣ и, проговоривъ въ полголоса: «мелкихъ нѣтъ», заложилъ руки въ карманы и удалился мѣрною поступью, — по-

ступью человѣка довольнаго, самостоятельнаго, чувствующаго почву подъ собою и, въ то же время, готоваго помочь ближнему, еслибы «были мелкія....».

Маша закусила губы, чтобы не заплакать, задернулась въ бурнусъ и поникла головой.... Затуманились ея милые, задумчивые глазки.

Вотъ идетъ молодой человѣкъ, худощавый, съ глубоко-впалыми глазами, съ волосами длинными и съ палкой въ рукѣ. Идетъ онъ тихо-тихо, понурившись, видно, раздумываетъ о чемъ нибудь.... Почемъ знать, можетъ быть, этотъ юноша думаетъ о несчастномъ, придавленномъ человѣчествѣ.... «Этотъ пожалѣетъ! Этотъ не заплылъ еще жиромъ....» думаетъ бѣдная мать, слѣдя за юношей. Маша приблизилась....

— Помогите, Христа ради! трепещущимъ, прерывистымъ голосомъ сказала она.

— Самому ѣсть нечего! жестко, угрюмо проворчалъ юноша, не подымая даже головы, и еще сердитѣе, сосредоточеннѣе сталъ смотрѣть на плиты панелей, по которымъ шелъ.... Шагъ его ускорился, палка застучала по камнямъ.... «Этотъ бы и далъ, да у самого, видно, мелкихъ нѣтъ!» рѣшила Маша.

Дѣвушка сжала губы и взглядъ скорби, взглядъ отчаянія бросила съ нѣмымъ упрекомъ на небеса: небеса были звѣздны, ясны и холодны....

Когда она поровнялась съ однимъ изъ многихъ фонарей, ее обогналъ какой-то франтикъ, искоса посмотрѣлъ на нее, убавилъ шагу и вдругъ подошелъ къ ней смѣло и развязно.

— Позволите съ вами пройтись? Вечеръ отличный!... Не хотите ли прокатиться? Заѣдемъ куда нибудь.... закусимъ! Да? — Все это было проговорено полу-небрежнымъ, полу-вкрадчивымъ тономъ.

Маша, молча, перешла на другую сторону панелей. «Господи!... Коля мой бѣдный!» шептала она, ускоряя шагъ.

— Ну, что же! Поѣдемъ, что ли? продолжалъ, между тѣмъ, охотникъ до катанья.

Сильный порывъ вѣтра налетѣлъ на Машу и обдалъ ее холоднымъ, сухимъ снѣгомъ и пронизалъ насквозь....

— Поѣдемъ! проговорила она, чуть-чуть не задыдаясь отъ усталости и волненія.

Саночки быстро понесли Машу вдоль «большой улицы». Скоро извощикъ остановился у освѣщеннаго подъѣзда.

— Выходи же, бѣги! обратился господинъ къ Машѣ, разсчитываясь съ возницей.

— Я не могу.... я больна! проборматала Маша и словно во снѣ выскочила изъ саней и бросилась бѣжать прочь отъ освѣщеннаго подъѣзда, какъ будто бы за ней гнались какіе-то темные духи, которые хотѣли воротить

ее и ввергнуть въ преисподнюю, гдѣ разносится плачъ и скрежетъ зубовный.

Убѣжала Маша.

Пришла она въ свой «уголъ» — и тамъ худо, и тамъ невыносимо. Маленькій Коля жалобно хныкалъ, ежился отъ холода.... Утомленная, разбитая, Маша сѣла, схватила его, прижала къ груди и старалась согрѣть бѣдняжку. Дитя какъ будто, дѣйствительно успокоилось на груди матери и скоро задремало, не предчувствуя, не угадывая еще, что за адъ бушевалъ въ той груди, къ которой прильнуло оно, вытягивая послѣднія капли скуднаго молока. Несчастной матери порой казалось, что она недостаточно любитъ Колю, это безпомощное существо, недостаточно самоотверженна для него, слишкомъ эгоистична и холодна: ей казалось, что Коля, если бы зналъ все, обвинилъ ее въ безчеловѣчіи.... То ей казалось, что если бы Коля понималъ, — онъ оправдалъ бы свою горемычную мать и счелъ бы себя несчастнымъ, если бы могъ послужить предлогомъ для нея къ преступленію.... И судорожно прижимала она къ груди просыпавшагося Колю и со слезами укачивала его на рукахъ.

На-завтра Коля занемогъ.... Онъ въ жару, онъ весь горитъ, бьется, плачетъ, надрываетъ сердце Маши.... Но если Маша прежде не могла бросить его, свое сокровище, въ «Воспитательный домъ», то какъ же теперь,

когда она уже къ нему привыкла, когда стала считать его своимъ, — откажется отъ него, отречется отъ него, когда онъ боленъ, еле дышетъ!... Нѣтъ! Это ужь сверхъ ея силъ!... Когда она глядѣла на страданія безгласнаго, безпомощнаго, милаго существа, Маша чувствовала, что сердце ея рвется на части и голова идетъ кругомъ.... Разсудокъ мутился. Физическая боль отъ голода и холода расплывалась въ боли сильнѣйшей, въ нравственной боли. Металась, металась Маша и пришла къ тому же....

Она отправилась вечеромъ изъ дома, воротилась поздно съ краюшкой хлѣба и въ сопровожденіи медика-студента. Медикъ осмотрѣлъ Колю, прописалъ ему какія-то капли, посовѣтовалъ Машѣ перемѣнить квартиру, съ любопытствомъ обозрѣлъ «уголъ», выкурилъ папироску и ушелъ. На утро у Коли явилась шубка, явились капли; вскорѣ послѣ того у Коли завелось и одѣяльце тепленькое и теплые чулочки, а немного погодя Колю перевезли въ маленькую теплую комнатку и положили на мягкую постель....

. . . .

Но не даромъ прошла Машѣ такая жизнь. Маша похудѣла, подурнѣла, опустилась, въ два мѣсяца постарѣла пятью годами, да, впрочемъ, о томъ ужь нечего и говорить, что̀ само собою разумѣется, что слѣдуетъ изъ самого хода дѣлъ. Въ манерахъ хотя и уцѣлѣла прежняя порядочность, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ появилась не-

бывалая рѣзкость, грубость и жесткость. Глаза задумчиво-тревожные позатуманились и смотрѣли презрительно строго, и суше былъ взглядъ ихъ, въ былое время такой ласковый и мягкій.... Только улыбка прежняя, дивная, милая улыбка сохранилась какимъ-то чудомъ въ чистотѣ и полной цѣлости; она также, какъ и въ былые дни, затрогивала за живое, въ душу заглядывала, пробуждая въ ней все доброе и хорошее.... Эта улыбка становилась еще чище, еще лучше, когда обращалась къ маленькому Колѣ.... Такъ жила Маша, плача, смѣясь и голодая, но Колѣ за то жилось привольно: онъ спалъ на мягкой постелькѣ, въ теплой комнатѣ, пилъ хорошее, свѣжее молоко, днемъ его тѣшили погремушками. Онъ былъ здоровъ, спокоенъ, доволенъ, часто смѣялся, на яву и во снѣ. Вотъ, онъ бодро прискакиваетъ на рукахъ матери, протягиваетъ ручонки къ ея глазамъ — ему хочется, видно, схватить, что̀ блеститъ тамъ.... Малютка веселъ; ему жилось еще безъ заботъ, безъ тревогъ, безъ волненій, которыя отравляютъ ежечасно, ежеминутно людскую жизнь.... А у матери надрывалась грудь отъ жизни каторжной, которую она наложила на себя изъ любви къ жизни и сыну. Болѣла часто голова, болѣло изнуренное тѣло.... Горько и тяжко приходилось несчастному созданью, когда какой-то голосъ принимался ей нашептывать что-то страшное, ужасное, что приподымало дыбомъ волосъ и заморажи-

вало въ жилахъ кровь: шепотъ не то припоминалъ ей минувшее, не то грозилъ, неотступно требуя чего-то.... И чудилось Машѣ, что въ шепотѣ этомъ слышалась грустная сага о томъ, какъ въ маленькомъ городкѣ, далеко отъ Петербурга была-жила одна дѣвушка съ матерью старухой, какъ эта дѣвушка гуляла въ тѣнистыхъ аллеяхъ заглохшаго сада и встрѣтилась съ кѣмъ-то.... То въ шепотѣ слышался ей насмѣшливый вопросъ: «А что ты будешь продавать, когда состаришься, когда износится твое тѣло, истощится твой капиталъ? Чтò тогда понесешь на рынокъ?» Замолкни же ты, дьявольски-насмѣшливый голосъ! Смолкни, зловѣщее карканье!

Тяжелою, длинною вереницей тянулись для Маши дни за днями, утекалъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ... Одна отрада, одно утѣшеніе — Коля! За то сильно же и любила она его. Она все для него въ жертву принесла: здоровье, покой, доброе имя, даже самую надежду на загробное блаженство... Онъ дорого стоилъ ей, за то же и любила его она сильно.

Разъ вечеромъ возвратилась Маша съ Невскаго сильнѣе обыкновеннаго разстроенная. Тихо, на цыпочкахъ, подошла она къ спавшему Колѣ, въ изнеможеніи опустилась на полъ, и приникла головой къ его ножкамъ... Слезы текли по ея блѣднымъ щекамъ, рука судорожно сжимала рублевую ассигнацію, стоны, рыданія поднимались изъ груди, но Маша давила ихъ; за то неудержимо

катились слезы по щекамъ, смачивая ея пылающее лицо... Губы невнятно что-то нашептывали... «Я хочу быть доброю! говоритъ она сама себѣ. Мнѣ нельзя быть доброю, честною; мнѣ можно быть только такою, вотъ какова я теперь, мерзкою, развратною женщиной.»

Маша заболѣла и слегла въ постель. Какъ-то однажды попросила она подать себѣ зеркало, работница подала. Долго Маша глядѣла въ зеркало и вдругъ горько заплакала. Тревожная жизнь и наконецъ болѣзнь совсѣмъ испортили ея личико: пожелтѣло ея молодое лицо, потускли ясные глазки, страшно похудѣла Маша. Дѣвушка отвернулась отъ зеркала... «Что же будетъ теперь съ моимъ Колей?» какъ ножомъ скользнуло ей по сердцу. Вздрогнула Маша... «Теперь у меня ничего уже нѣтъ... Онъ будетъ рости въ нищетѣ и присоединится къ той толпѣ хилыхъ, чахлыхъ дѣтей, изъ которыхъ такъ много попадаетъ въ Сибирь, а еще больше преждевременно валится въ могилу...» У Маши волосъ дыбомъ поднялся, когда она взглянула на то, что̀ по всему вѣроятію будетъ.

И такъ, остается опять — «Воспитательный домъ».

— Унесите его, голубушка, унесите! Онъ умретъ, умретъ! раздражительно говорила Маша хозяйской работницѣ и указывала на Колю.

Маша съ отчаяніемъ заломила руки за голову и поворотилась къ стѣнѣ.

Старуха скоро собралась и явилась за малюткой.

— Вы идете ужъ? Идите! вскрикнула Маша, дрожа.— Нѣтъ, постойте! Дайте мнѣ его, дайте мнѣ на него посмотрѣть...

Маша сѣла на постели.

Старуха подала ей сына. Больная посмотрѣла на сына сквозь слезы, сынъ промычалъ «га-а» и потянулся рученкой къ ея волосамъ... Маша задыхалась отъ боли и горя. Опьянѣвъ, обезумѣвъ отъ отчаянія, прижала она къ себѣ Колю и смачивала своими горячими слезами его личико, покрывала поцѣлуями его глазенки, его щечки, его худенькое плечико... Старуха стояла у изголовья и глотала слезы — у нея дрожали губы...

— Ну, матушка, простилась! Что ужь тутъ дѣлать! нерѣшительно заговорила она.

— Да, простилась! Возьми же его!... Закрой хорошенько!... Ножки-то ему укутай!... Вонъ какія онѣ холодныя... Ой, нѣтъ, постой! Еще минуточку... — Маша, обливаясь слезами, снова прильнула къ своему маленькому Колѣ, для котораго она всѣмъ пожертвовала... Куда она отсылаетъ сына? На что̀ родила его? Зачѣмъ принимала на душу столько грѣха изъ-за него?...

Коля несвязно бормоталъ «га-а... го-о...», тянулся къ матери, дергалъ ее за серьгу, водилъ ручонкой по ея щекамъ, мокрымъ отъ слезъ, и закрывалъ ей ротъ...

— Прощай, моя крошечка, прости, милочка! Ничего я не жалѣла для тебя... да и теперь не жалѣю... радость ты моя!... шептала Маша и все-таки не выпускала изъ рукъ Колю...

Наконецъ Коля разхныкался, заплакалъ и... оставили его дома, положили спать. Старуха, напрасно обезпокоенная, раздѣлась и принялась за работу. Маша какъ будто бы поуспокоилась немного.

Тревожнымъ сномъ забылась Маша... И видитъ — мелькаютъ, снуютъ передъ ней оборванныя, исхудалыя, посинѣвшія отъ холода, ноющія существа, ея Коля трется тутъ же... Вся эта ватага, ежится, дрожитъ, вопитъ: «Христа ради!», тѣснится къ кладбищу и увлекаетъ Колю за собой... «Сколько ихъ, сколько ихъ тамъ! О Господи!» шепчетъ съ ужасомъ Маша во снѣ.

Холодный потъ крупными каплями выступилъ у Маши на лбу, когда она проснулась... Этотъ страшный сонъ принесъ рѣшеніе: на другой день Коли уже не было въ комнатѣ Маши, не раздавалось его «га-а», и постельку его вынесли, только розовенькая рубашенка-распашенка висѣла на гвоздикѣ у Машиной кровати...

Коли нѣтъ! Маша вдругъ ощутила пустоту вокругъ себя, ощутила пустоту и въ себѣ самой... Эта мертвен-

ная, беззвучная, безпризывная пустота страшнѣе всякой пустоты: она задергиваетъ чернымъ флеромъ весь міръ... До сихъ поръ въ жизни Маши звучала одна пѣснь, — пѣсня унылая, мрачная, съ мелодіями, вѣчно навѣвавшими раздумье и грусть, но въ той же пѣснѣ звучала и одна чистая, отрадная нотка, слушая которую, Маша примирялась, хотя бы на время, съ тяжелымъ настоящимъ, но струна, издававшая этотъ свѣтлый, успокоительный тонъ, порвалась. Нота отзвучала...

. . . .

Не лучше ли бы было, думалось Машѣ, еслибъ она безъ борьбы жила, также какъ и другіе добрые люди живутъ? Она вышла умереть на свѣтъ, на просторъ. Для чего? Зачѣмъ? Стоило ли выбиваться изъ силъ для послѣдняго часа жизни?... Но Маша, слабая, больная, гордо за то взглядывала на окружающее...

Въ то же время Машѣ чудилось, что чуткія чувства ея притупляются, нѣмѣютъ, что она, живая, перестаетъ ужь жить... Сознаніе такого холоднаго равнодушія тяжелѣе самаго необузданнаго, глубокаго отчаянія: отчаяніе — борьба, моментъ усиленной, жизненной дѣятельности, напротивъ— то неподвижное равнодушіе, которое испытывала Маша, близко граничило съ покоемъ смерти, съ гробовымъ покоемъ... Надежда, которую она лелѣяла, вырощая ее, поливала пòтомъ, слезами и кровью, — сокрушена, окутана

саваномъ, да сырою землею засыпана: дитя, ея доброе дитя, въ которомъ были сосредоточены всѣ ея радости земныя, она сама оттолкнула отъ себя... Цѣной чести, силъ, здоровья, цѣною спокойствія всей жизни покупалось каждое мгновеніе этого безпомощнаго, слабаго существа!... Но одна надежда все-таки горитъ впереди, какъ погребальный факелъ. Это — надежда скончанія лихорадочно, каторжно прожитой жизни... *А, между тѣмъ, какъ бы могла быть эта самая жизнь и полна и свѣтла!*...

Съ приближеніемъ весны, Маша стала чувствовать себя хуже, стала холодѣть, особенно зябли у нея ноги... Маша слегла.

Когда веселый лучъ свѣта прокрадывался въ маленькое окно ея комнатки, слезы дрожали на ея рѣсницахъ... Вспоминала ли она въ ту пору, раскаявалась ли — осталось тайной. Только можно догадываться, что она видѣла далѣе своего окна, видѣла болѣе того клочка неба, которое просвѣчивало въ окошко... Въ бреду, нѣсколько разъ, призывала она Колю, называла его своимъ миленькимъ, просила прощенья у кого-то, кого-то отталкивала... Но бредъ проходилъ — она оставалась спокойною... Хозяйка не мало удивлялась.

Разъ только вечеромъ, когда хозяйка, зажегши свѣчу въ ея комнатѣ и окутавъ ее одѣяломъ, собралась идти на свою половину, — Маша судорожно схватила ее за

руку и, задыхаясь, прошептала: «Охъ... не хочется умирать!.. Пожить бы еще!...» и жалобно посмотрѣла на хозяйку, словно бы отъ той зависѣло: продлить иль оборвать ея жизнь... Хозяйка, разумѣется, не полѣзла въ карманъ за утѣшеніями: «Она выздоровѣетъ... Не такая ужь у нея, храни Богъ, болѣзнь... Какъ это можно отчаяваться въ ея лѣта!» и т. д. Маша скоро послѣ того успокоилась, только не отъ утѣшеній старухи-хозяйки...

Ночь проносилась. Сальный огарокъ въ комнатѣ Маши догоралъ...

И въ этотъ тихій часъ ночи, когда все покоилось сномъ, ненапутствуемая ни чьимъ благословеніемъ, грѣшница отошла изъ міра, никѣмъ неоплаканная, всѣми позабытая...

ВОЛЧИХА.

ВОЛЧИХА.

И слышится начало пѣсни, но напрасно....
Никто конца ея не допоетъ.

М. Л.

ГЛАВА I.

Ночь наканунѣ Покрова дня.

Темная осенняя ночь спустилась надъ Верейкинымъ. Черныя тучи тяжело ползли по поднебесью, то разрываясь клочьями, то сливаясь въ одну дымчатую массу. Порывистый, юго-западный вѣтеръ нагонялъ тучи — и мракъ, окутывавшій небеса и землю, все болѣе и болѣе сгущался. Дождь то моросилъ, то принимался хлестать ручьями, то снова стихалъ не надолго. Съ глухимъ шумомъ проносился по деревнѣ вѣтеръ, постукивая на своемъ пути стрехами, ставеньками, досками караульными и стаскивая съ кровель гнилую солому, со свистомъ несся за

околицу, огибалъ риги и сараи, неистово срывалъ въ рощѣ послѣдній, трепещущій листъ съ осины, дорывалъ орѣшникъ, подымалъ съ земли давно опавшіе красно-желтые листья рябинъ и черемухъ и, покрутивъ ихъ въ воздухѣ, какъ бѣшеный, разметывалъ по сторонамъ, бушевалъ на просторѣ по полямъ и оврагамъ и воемъ-ревомъ отдавался въ глубинѣ сосѣднихъ лѣсовъ. Гнулись старыя вербы, жалобно поскрипывая, и наклонялись надъ тинистымъ, зацвѣтшимъ прудомъ своими обнаженными вѣтвями....

Огни въ избахъ погашены, только въ оконцахъ постоялаго двора свѣтъ свѣтитъ и изъ растворяющихся по временамъ дверей вырываются крики, громкій говоръ, покрываемый пѣснью, и бренчанье балалайки.

Тамъ, въ просторной, высокой и грязной избѣ собралась большая компанія. Оплывшая сальная свѣча, воткнутая въ низенькій покривившійся подсвѣчникъ изъ красной мѣди, стоитъ въ переднемъ углу на столѣ, у божницы, и тускло свѣтитъ въ душной и спертой атмосферѣ, пропитанной запахомъ махорки, лука и смазныхъ сапоговъ. Вокругъ этого инвалида-подсвѣчника валяются въ разброску хлѣбныя корки, ножи, два стаканчика и разбитый полуштофъ.

По одну сторону, около двери, ведущей на другую половину, сидитъ сама хозяйка, содержательница Верейкинскаго постоялаго двора — женщина лѣтъ подъ трид-

цать, красивая, стройная, съ смуглымъ, выразительнымъ лицомъ, одѣтая довольно щеголевато — въ сѣрый сарафанъ и въ бѣлую съ красною прошивкой рубаху. Сидитъ она, откинувшись небрежно къ стѣнѣ и наклонивъ немного на бокъ свою хорошенькую голову; волосы, какъ смоль черные, свѣсились на лобъ и нѣсколько змѣистыхъ прядей разсыпалось по разгорѣвшейся щекѣ; томно проглядывали глаза изъ подъ густыхъ, полуопущенныхъ рѣсницъ. Сладострастнымъ обаяньемъ вѣяло отъ этой женщины, полной красоты, здоровья и силъ.

Въ тѣни у окна виднѣлся мужикъ — широкоплечій, коренастый, съ огромною, всклокоченною головой, въ синей пестрядинной рубахѣ и въ коричневомъ, сильно-обдерганномъ кафтанѣ. Мужикъ этотъ сидѣлъ, прижавшись къ почернѣлой стѣнѣ, и, облокотясь на подоконникъ, смотрѣлъ черезъ стекло на улицу, только изрѣдка въ полъ-оборота взглядывая на веселую компанію. За нимъ на лавкѣ растянулся какой-то верзила въ сермягѣ и оралъ что-то невообразимо дикое. Три парня сидѣли тутъ-же на лавкѣ — и одинъ изъ нихъ лихо наигрывалъ на трехструнной балалаечкѣ; ему подтягивали. Порой одинъ изъ молодцовъ пускался и въ присядку, если ужь больно за живое задѣвало. Въ дальнемъ уголку, куда смутно достигалъ свѣтъ сальнаго огарка, пріютился старикъ — церковный сборщикъ; его худощавое, желтое, морщинистое лицо съ длинною, серебристою

бородой по временамъ выступало изъ мрака и вновь, какъ призракъ, пропадало.

— День-то какой заутра! А они.... Охо-хо, прости Господи! шепталъ неслышимо сборщикъ, позѣвывалъ и, отворотившись отъ гулякъ, творилъ крестное знаменіе и изъ-подлобья оглядывалъ избу.

Непогода загнала его въ такой вертепъ. Непріятно сборщику, неловко и боязно — да, вѣдь, не подъ дождь же идти, не проводить ночь на такомъ вѣтрѣ: онъ старъ и хилъ, не прежняя молодая пора; усталое тѣло проситъ тепла и покоя. Хоть притонъ и не пригожъ, да все-таки притонъ: ни вѣтеръ, ни дождь не беретъ, — а по утру, когда станетъ уходить — утро же недалеко — онъ и прахъ отрясетъ отъ ногъ своихъ, переступая порогъ этого нечистаго мѣста. Его присутствіе ни мало не смущало веселившихся: струны балалайки чуть не порывались — такъ старался паренекъ.... На полатяхъ расположились извощики, остановившіеся на ночлегъ, и, свѣсивъ головы, смотрѣли на происходившее внизу.

Гвалтъ въ избѣ стоялъ немалый.

— Коли же они дрыхнуть-то будутъ? Али до свѣту продурятъ этакъ? разсуждали извозчики, не безъ досады, не безъ интереса взирая на разгулье съ высоты полатей. Они не прочь бы и соснуть: день-то умаялись тоже по

такой дорожкѣ, идучи съ обозомъ — да въ избѣ-то больно забавно и угомониться не можно̀.

Щелеватый полъ трещалъ, вздрагивалъ дубовый столъ и прыгало все, что̀ лежало и стояло на немъ; дрожали оконницы, заглушался шумъ вѣтра на улицѣ, когда лихой, разудалый молодецъ пускался въ плясъ съ громомъ, стукомъ, съ присвистомъ.

— Распотѣшь-ка, Авдотья Васильевна! Плясни.... началъ одинъ изъ молодцовъ, взглядывая на хозяйку своими маслянистыми глазками.

— Еще что выдумаешь! насмѣшливо возразила хозяйка и сбросила со стола таракана, упавшаго съ закоптѣлаго потолка. — Этакъ ноги отпляшешь совсѣмъ.... добавила она, немного погодя.

— Послѣдній разочекъ! Вотъ, ей-богу! Больше и просить не станемъ! умолялъ парень, облизывая свои толстыя губы. Ты то попомни — завтра базаръ большой....

— Хоть бы и того больше! упорствовала хозяйка.

— Мы, значитъ, Васильевна, съ тобой и того... по лавочкамъ-то... Парень вмѣсто окончанія фразы подмигнулъ и остался, очевидно, въ полнѣйшей увѣренности, что выполнилъ свой маневръ чрезвычайно выразительно.

Хозяйка поднялась. Горделиво посмотрѣла она на окружающихъ, словно чувствуя, что красота ея надо всѣмъ верхъ беретъ, что она въ этой закоптѣлой избѣ, какъ

звѣзда въ небѣ ясная.... Откинувъ назадъ свои черные волосы, она пошла плясать и запѣла сильнымъ, звучнымъ контральто — и пѣснь ея звучала страстью, горячимъ, трепетнымъ желаньемъ.

Мужики на полатяхъ, тиская другъ друга въ бока, толковали:

— Ишь ты, что дѣлаетъ!... Нашимъ бабамъ и во вѣки вѣковъ этакихъ колѣнцевъ не выкинуть.... Глядит-ка! Э-эхъ, да ну!

Парень, игравшій на балалайкѣ, пришелъ въ такой азартъ, что разомъ оборвалъ двѣ струны; струны дрогнули, звуки замерли.... Старикъ-сборщикъ незамѣтно сотворилъ крестное знаменіе, а парень съ безмолствующею балалайкой въ рукахъ пустился отплясывать вмѣстѣ съ хозяйкой. Задребезжали стекла и посуда, ходенемъ заходила чашка хлѣбная на поставцѣ.

— Ну, робята! Шабашъ да и полно! Комедь! рѣшилъ голосъ съ полатей.

Но вотъ наконецъ плясунья остановилась передъ косматымъ человѣкомъ, сидѣвшимъ у окна.

— Ты чего, Митюха, навалился-то тутъ, къ самой оконницѣ? крикнула она, запыхавшись и переводя духъ. — Проломи стекло-то.... добавила она и отвернулась.

Митюха лѣниво обернулъ голову. Его сѣрые, ястребиные глаза хмуро-холодно глянули на честную компанію

изъ-подъ густыхъ, почти сросшихся бровей, какъ бы мимоходомъ скользнули по хозяйкѣ и затѣмъ опять устремились на улицу, въ ночную мглу.

Хозяйка, отуманенная пляской и виномъ, повалилась на лавку.

Вдругъ постучались въ окно; къ окну обратились глаза всѣхъ. Тамъ, съ улицы въ темнотѣ мелькнуло чье-то лицо и при наступившей тишинѣ можно было разслышать слова: «Ночевать можно.... съ конями?».... Митюха поднялъ окошко.

— Отколева? спросилъ онъ, вглядываясь въ пришельца.

— Съ Горбачева.... съ работой! Привезъ писаря.... отвѣчали съ улицы.

— Да это — Скорбѣевъ Алексаха! Онъ и взаправду! крикнулъ одинъ изъ молодцовъ. — Погоди! Отворимъ....

Спустя нѣсколько минутъ, въ избу вступилъ и новопріѣзжій, поставившій лошадокъ къ сѣну и все заправившій, какъ слѣдуетъ.

— Съ чего къ намъ-то приворотилъ? обратилась къ новому гостю хозяйка. — Вѣдь вы съ батькой-то все у Митрошки приставали....

А гость, между тѣмъ, перекрестившись трижды и мотнувъ головой на образа, пробирался къ печкѣ.

— Достучаться не могъ: возилъ, возилъ кнутовищемъ-

то.... объяснилъ онъ. — Разоспались ужь больно.... А здѣсь огонь завидѣлъ и привалилъ....

Пареньки запѣли «солнце на закатѣ», опять поднялся крикъ и шумъ.

Новоприбывшій былъ молодецъ лѣтъ 20, съ добрыми, голубыми глазами, съ свѣтлыми кудрями, съ небольшою русою бородой и усами и вообще наружности открытой и симпатичной. Онъ, видимо, былъ смущенъ всѣмъ тѣмъ, что̀ встрѣтилъ на постояломъ дворѣ въ такой неурочный часъ.

— Не хошь ли водки? предложила ему хозяйка, зорко слѣдившая за тѣмъ, какъ онъ разоболокался и вѣшалъ къ печкѣ свой измокшій кафтанъ и отряхалъ шапку.

— Спасибо! отвѣчалъ гость. — Эфтимъ баловствомъ не занимаемся...

— А я такъ пью! Да еще вона какъ!... Хозяйка засучила рукавъ и, обнаживъ такимъ образомъ свою бѣлую, полную руку, опрокинула себѣ въ ротъ стаканчикъ зеленоватой влаги.

Молодой ямщикъ отвернулся и разсматривалъ свое кнутовище, словно бы только-что въ первый разъ увидалъ его. Хозяйка взглянула изъ-подъ своихъ темныхъ рѣсницъ на его опущенную голову, взглянула вскользь, но какъ-то очень странно, потомъ злобно и дико повела глазами и

глухо повторила: «а я пью!» Степенность и воздержность ямщика, точно, ее обижали — и вотъ она, какъ бы изъ желанья досадить ему, повторяетъ: «а я пью!»

— Молодчина ты, Васильевна! прикрикнули ребята.

— Чего горло-то дерете? огрызнулась хозяйка и опять искоса посмотрѣла на бѣлокурую, наклоненную голову. Хозяйка одернула у рубахи воротъ и провела рукой по лбу.

— Звать-то тебя какъ? спросила она и, пошатываясь, подошла къ ямщику.

— Александръ, отвѣчалъ тотъ, подымая голову, и смотрѣлъ не на разгорѣвшееся лицо Авдотьи Васильевны, а прямо въ печную заслонку.

— А величанье-то?

— Андреевъ, процѣдилъ сквозь зубы ямщикъ, и впервые съ безпокойствомъ взглянулъ на стоявшую передъ нимъ женщину.

Тревожно встрѣтились на мгновенье его глаза съ темными глазами хозяйки, горѣвшими страстнымъ блескомъ; ему, словно, было страшно и больно глядѣть въ черные глаза, лихорадочно, настойчиво впивавшіеся въ него. Ямщику казалось, что эти дьявольскіе глаза насквозь прожигаютъ его, въ душу заглядываютъ и видятъ все, что̀ есть на душѣ...

— Ну-ка, Александръ, спой намъ что ни на есть! пробормотала хозяйка.

— Ничего не пою, отозвался Александръ и тревожно глянулъ въ сторону.

— Эхъ ты, святоша! Чего ты дуешься-то? Не укушу... крикнула хозяйка и, наклонившись къ ямщику, хватила его по спинѣ ласково, но довольно крѣпко. Ея трепещущія груди почти касались его плеча... Горячее дыханіе обвѣвало Александра...

— Не балуй!... заговорилъ парень несвязно, весь вспыхнулъ и старался отшатнуться отъ хозяйки, какъ отъ огня. Онъ находился въ нерѣшимости: что лучше— надуться ли ему или улыбнуться?—Такъ вотъ и хвачу!— Александръ тряхнулъ арапникомъ и хлестнулъ по полу.

— Охъ ты, дурья голова! Баба сама лѣзетъ, а онъ— ременницей! Охъ, голова!... языкъ Авдотьи Васильевны начиналъ уже запинаться. Вдругъ она громко захохотала, злою улыбкой скривились ея губы—и она тяжело опустилась на лавку.

Митюха съ ядовитою усмѣшкой посмотрѣлъ на ея раскраснѣвшееся лицо, словно хотѣлъ промолвить: «что взяла!»

Но вотъ посреди веселыхъ пѣсень и пляски, посреди всего этого гвалта и шума раздался ударъ колокола. Торжественные, густые звуки не успѣли еще замереть въ воздухѣ, какъ прокатился другой ударъ, затѣмъ третій... Отчетливо, мѣрно загудѣлъ колоколъ. Словно чудомъ

преобразилась пьяная, разгульная компанія: всѣ сотворили крестное знаменіе, всѣ, точно сговорясь, посмотрѣли въ передній уголъ, откуда темнѣлъ ликъ чудотворца Николая, осѣненный мѣднымъ вѣнчикомъ.

— Къ заутренѣ! проговорилъ одинъ изъ молодцовъ, принимаясь опоясываться и разглаживать ладонью свои взбившіеся волосы.

— Темень-то какая! проворчалъ Митюха, едва перекрестивши свой морщиноватый лобъ и смотря пристально въ окно.

На полатяхъ началось движенье. Поднялся сборщикъ изъ угла и сталъ натягивать себѣ на плечи свой кожаный мѣшокъ, обронилъ сучковатую палку и закашлялся. Хозяйка сидѣла неподвижно у стола, положивъ голову на руки и закрывъ лицо. Волосы ея ужъ совсѣмъ распустились — малиновая ленточка, придерживавшая ихъ, валялась на полу — волосы разсыпались по ея спинѣ, по плечамъ... Тяжело дышала Авдотья Васильевна, словно ее что̀ душило... Молодой ямщикъ на нее украдкой взглядывалъ, робко, боязливо — и тѣнь пробѣгала по его лицу; онъ взглядывалъ на ея черные волосы, упавшіе на столъ, на ея бѣлую шею, сквозившую изъ-подъ рубахи.

Изба опустѣла, а колоколъ гудѣлъ и гудѣлъ надъ Верейкинымъ, съ котораго ночь не сняла еще своихъ мрачныхъ покрововъ — лишь по горизонту на востокѣ за-

бѣлѣлась полоса... Но для Авдотьи Васильевны всходило уже солнце, ясный день занимался въ ея небѣ... Сквозь сіянье первыхъ лучей этого дня ей рисовался свѣтлый образъ милаго юноши съ голубыми глазами... Она поднялась и еще въ чаду похмѣлья, пошатываясь, подошла къ окну, отодвинула раму и высунулась въ окно... Сырой, холодный воздухъ пахнулъ на нее; онъ обвѣвалъ ее, отрезвлялъ, успокоивалъ ея взволнованную кровь... Авдотья Васильевна поглядѣла на улицу: на пригоркѣ бѣлая церковь съ ярко-освѣщенными окнами едва еще выступала изъ темноты при слабо брезжущемъ разсвѣтѣ октябрскаго утра... Вѣтеръ стихъ — и надъ Верейкинымъ межъ разорвавшихся облаковъ сіяли золотыя звѣзды...

ГЛАВА II.

Чаровница.

Авдотья Васильевна родилась на Верейкинѣ и, рано оставшись круглой сиротою, не запомнила ни отца, ни матери. Досужимъ праздничнымъ вечеркомъ, когда обитатели Верейкина высыпали на улицу, ее, бывало, съ усмѣшкой спрашивали добрые люди: кто у нея батька? Дуня не знала, кто у нея батька — и не давала отвѣта добрымъ людямъ. Но тутъ же какая нибудь старушонка,

не то съ презрѣніемъ, не то съ сожалѣніемъ, покачивая головой, замѣчала: «Кажиный мужикъ — тебѣ батька...»

Сиротку пріютилъ какой-то дальный ея родственникъ по матери, одѣвалъ ее, какъ умѣлъ, кормилъ, чѣмъ могъ, и билъ, сколько и когда хотѣлъ. Изрѣдка по праздникамъ бѣгала она изъ своей убогой хатки въ сосѣднюю усадьбу въ гости къ теткѣ, занимавшей въ барскомъ домѣ мѣсто ключницы. Тотъ праздникъ, когда Дунѣ удавалось урваться въ Знаменское, былъ для нея истиннымъ праздникомъ: тетка снабжала ее огрызками сахара, кусочками булокъ или пироговъ и сверхъ того, если барыни не было дома, водила ее по большимъ комнатамъ — и Дуня съ великимъ изумленіемъ осматривала себя въ зеркалѣ съ ногъ до головы, примѣчала свой образъ на полу и робко оглядывалась на двѣ гигантскія тѣни — ея и тетки, которыя росли и тихо двигались за ними по бѣлымъ стѣнамъ пустыхъ покоевъ. Иногда она ходила съ теткой по саду — тутъ тоже много видѣла она никогда прежде невиданнаго: сѣрыя статуи съ разбитыми головами и руками, забытый фонтанъ, бесѣдки необыкновенныя, мостики съ цѣпями... Много Дуня приносила розсказней въ деревню, долго описывала она, съ прикрасами собственной фантазіи, видѣнныя ею диковинки: и доски свѣтлыя, въ которыхъ все видно, и скользкія, какъ ледъ, полы, и столбы каменные въ комнатахъ и чудеса стариннаго сада...

По четырнадцатому году тетка взяла ее къ себѣ, съ дозволенія старой барыни. Поселившись въ господскомъ домѣ, Дуня могла видѣть ежедневно тѣ чудеса, которыя сводили ее прежде съ ума, и перестала дивиться; изъ дикой она скоро сдѣлалась ручной, но не бойкой: забитая дѣвочка въ семьѣ, сирота взросшая въ-проголодь и никому не нужная, она и въ барскомъ домѣ явилась тихимъ, смиреннымъ существомъ, безропотнымъ и безгласнымъ. Физически развивалась она медленно, такъ что и въ 17 лѣтъ казалась еще дѣвченкой; но старая барыня, смотря на нее внимательно, съ видомъ знатока изволила разъ замѣтить, что изъ этой pauvre gamine выйдетъ красавица... Дуня, между тѣмъ, и сама уже знала, что она хороша; объ этомъ ей говорили на деревнѣ, въ барскомъ домѣ, но объ этомъ ей всего краснорѣчивѣе докладывали большія барскія зеркала... Умственное же развитіе Дуни далеко опередило физическое: дѣвушка, будучи съизмала принуждена быть внимательною ко всему окружающему, быть на-сторожѣ, быть готовою дать всегда врагу надлежащій отпоръ, рано развила въ себѣ наблюдательность, смышленость и осторожность, доходившую до скрытности. Жалкая жизнь въ деревенской избѣ, затѣмъ переходъ въ иную сферу и жизнь съ другою обстановкой, съ другими людьми — послужили ей умственною школой. Много она увидала въ Знаменскомъ...

Въ Знаменскомъ же изъ барскаго рода жили въ то время только два существа: собственно барыня-хозяйка и сестра ея, извѣстная болѣе подъ именемъ «полоумной». Лѣтомъ барскія хоромы оживали: наѣзжали изъ-за границы молодые господа съ гостями, шумѣли, пѣли, играли, задавали банкеты, а къ осени опять куда-то скрывались въ своихъ щегольскихъ экипажахъ. Въ остальныя времена года въ Знаменскомъ было пусто и тихо, какъ въ могилѣ.

Дунею въ домѣ больше всѣхъ занималась «барынина сестра», старая дѣва. Она въ околодкѣ, какъ уже сказано, слыла за помѣшанную: никуда не показывалась, часто хворала, носила старомодное, страннаго покроя платье, и все сидѣла у себя въ комнатѣ передъ большимъ портретомъ. А на томъ портретѣ масляными красками былъ нарисованъ темноволосый, темноокій мужчина, безъ сюртука, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, съ книгой и пистолетомъ въ рукахъ. Мастерски было сдѣлано лицо этого красиваго брюнета: оно точно живое глядѣло съ темнаго фона полотна... У нижняго края рамы бѣлою краской было написано: 1804 годъ, мѣсяца апрѣля 26 день... Старая дѣва подолгу засматривалась на выразительное лицо мужчины, на его задумчивые глаза, которые на нее, быть можетъ, производили такое же сильное впечатлѣніе и теперь, какъ и 26 апрѣля много лѣтъ тому

назадъ... Знакомыя черты, живо схваченныя художникомъ, должно быть, много-много будили воспоминаній... Да, это — одна темная исторія стараго времени.

Былъ тихій, ясный вечеръ одного изъ тѣхъ іюльскихъ дней, которые томятъ и нѣжатъ, волнуютъ и покой даютъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца красноватымъ отливомъ ложились на портретъ и на блѣдное лицо старой женщины, сидѣвшей по обычаю на своемъ урочномъ мѣстѣ и смотрѣвшей, облокотясь о ручку кресла, на озаренный вечернимъ сіяніемъ знакомый, дорогой ей ликъ. Когда Дуня вошла въ комнату, барыня, не оборачивая головы, подозвала ее къ себѣ и, указывая на нортретъ, спросила:

— Хорошъ ли, Дуня, былъ этотъ баринъ?

Дуня, конечно, отвѣчала, что «баринъ были очень хороши». Барыня промолвила тихо «да», опять, было, погрузилась въ созерцаніе портрета, но, немного погодя, взяла Дуню за руку и сказала:

— Живи, Дуня! Не упускай ни одной минутки въ жизни даромъ. Веселись, забавляйся, работай, что хочешь дѣлай, только дѣлай, голубушка, все такъ, какъ тебѣ самой хочется, а не какъ другимъ надо. Понимаешь?

— Понимаю-съ! проговорила Дуня, стараясь понять слышанное.

Дѣвушка удивлялась: барыня хоть и была добра къ ней всегда, но никогда еще такъ не говаривала: старуха словно

преобразилась — на ея исхудалыхъ, старческихъ щекахъ игралъ румянецъ и потускнѣвшіе глаза точно прояснѣли.

— Да! Ты понимаешь меня, милая... Понимаешь... бормотала барыня и, лихорадочно-торопливо схвативъ Дуню за руку, продолжала, видимо позабывъ, что она говоритъ съ простою, необразованною дѣвочкой, взросшей совершенно въ другихъ условіяхъ, при другой обстановкѣ и для которой, значитъ, всѣ вещи кажутся въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ ей самой. — Жизни не воротишь! Что прожито, то прожито навсегда, на вѣки вѣчные. Каждый часъ, который проведешь не такъ, какъ хочешь, — не твой часъ! Онъ потерянъ... Живи такъ, чтобы не пришлось раскаяваться, пѣнять на себя... Ахъ, скажешь, зачѣмъ я шла туда, куда меня толкали? Не туда бы слѣдовало идти... Вотъ и горько будетъ. Да! Люби, Дуня, кого хочешь, кто полюбится! Люби, какъ можешь, какъ Богъ на душу положитъ! Люби и не думай — хорошо будетъ... Не слушайся, помни меня. Главное: не слушайся! На весь свѣтъ не угодишь... Барыня остановилась и поникла головой.

— Да вы сами-то, сударыня, для чего же такъ скучно живете? Въ гости никуда не ѣздите, и къ вамъ никто, и все такъ... осмѣлилась замѣтить дѣвушка.

— Гм. Веселье-то мое вонъ... въ могилѣ оно... Хорошее было у меня счастье, да не долго жило оно... проговорила уже, какъ бы нехотя, барыня и посмотрѣла на портретъ...

Но тѣни вечернія уже сгущались, заря догорала, въ комнатѣ сумракъ ложился и съ темнаго фона уже тускло выглядывало блѣдно-желтое лицо. Старушка отерла слезу и со вздохомъ подошла къ раскрытому окошку, опустилась на него и принялась смотрѣть въ темнѣвшій садъ... Дуня слышала, какъ старая барыня уныло-тоскливо шептала: «Родной мой! Охъ, ты, радость моя! Зачѣмъ это?... Зачѣмъ ты идешь туда?... Ну, иди, иди!» У Дуни сердце защемило; Дунѣ жутко стало: «Баринъ-то тотъ кабы съ ней не заговорилъ!» промелькнуло у ней въ головѣ. «Такъ, вѣдь, пристально смотритъ!»

Дѣвушка юркнула изъ комнаты.

Всѣ, исключая Дуни, побаивались старой дѣвы; умненькая дѣвушка жалѣла ее, догадываясь, что она не столько съумасшедшая, сколько несчастная женщина. И много услыхала Дуня отъ «полоумной барыни» такого чуднаго, необычнаго. Старушка, когда находили на нее часы откровенія, говорила Дунѣ о какомъ-то равенствѣ, о свѣтломъ царствѣ всеобщаго мира и любви, о правѣ всѣхъ жить не по-собачьи, перебиваясь какъ нибудь со дня на день, а жить привольно и счастливо. Говорила она ей и о другихъ земляхъ, о другихъ мірахъ, далеко отъ Верейкина, — о необыкновенныхъ людяхъ, о людяхъ-полубогахъ, умиравшихъ за любовь къ людямъ: дѣвушкѣ вѣрилось и не вѣрилось... Дворовые — слыхала Дуня —

говорили о полоумной такъ: «Сидитъ, сидитъ у себя въ комнатѣ-то, да и выдумаетъ какую нибудь околесную...» Но «полоумная барыня» не всегда сидѣла въ Знаменскомъ; жила она нѣкогда и въ столицѣ, среди блестящей обстановки; въ Знаменскомъ же похоронила она себя съ конца декабря 1826 года.

Запомнился Дунѣ одинъ осенній, сумеречный денекъ. Въ осеннюю непогодь, когда холодный вѣтеръ шумѣлъ по полямъ, и сѣрыя, дождливыя облака ходили надъ Знаменскимъ, старая барыня хандрила и уединялась еще пуще обыкновеннаго. Въ саду голыя деревья уныло скрипѣли; сѣрый, тусклый свѣтъ лился въ комнату; задернутое тучами небо сыпало частымъ, мелкимъ дождикомъ.

— Охъ, Дуня, Дуня! говорила барыня, дико посматривая въ окно. — Не дружись ты съ ними: все это — волки ненасытные, голодные... Звѣри лютые... Помни мое слово! Всякій другому яму роетъ, въ яму валится и другого тащитъ за собой... Такъ ужъ у нихъ заведено. Всякій завидуетъ чужому счастью и хочетъ отнять его для себя, всякій думаетъ и гадаетъ только о себѣ. Не вѣрь, Дуня! Особенно, не вѣрь друзьямъ своимъ да близкимъ... Другъ первый отъ тебя отступится, какъ въ бѣду попадешь. А близкій... близкій самъ тебѣ готовъ шею сломать. Когда тебя кто нибудь станетъ увѣрять, что онъ о другихъ за-

ботится, что онъ всѣхъ любитъ — не слушай лучше! Не вѣрь, говорю тебѣ — лжетъ! Если онъ о всѣхъ заботится, всѣхъ любитъ — значитъ, насчетъ всѣхъ поживиться хочетъ... Все лицемѣры! Заѣдальщики чужой минутной радости... Супостаты другъ другу... Торгаши, шпіоны... Старушка смолкла и начала прислушиваться къ шуму дождя на улицѣ; зубы стиснулись, брови нахмурились...

Дуня ничего не спрашивала на этотъ разъ. «Сердита сегодня!» рѣшила она про-себя... Но всѣ эти и подобныя имъ проповѣди не проходили мимо ушей Дуни; западали онѣ глубоко ей въ душу и запечатлѣвались въ ея молодой памяти. Потомъ, по прошествіи многихъ, многихъ лѣтъ, не разъ припоминалась ей старая барыня, ея безумныя рѣчи о любви, о людяхъ, о злобѣ ихъ непримиримой, о войнѣ, что̀ ведется ежечасно, ежеминутно на всей землѣ, о жизни на свободѣ, о страсти, о наслажденіи жизнью... Припоминались ей ея гнѣвныя рѣчи противъ какого-то человѣка, особенно для нея ненавистнаго, имени котораго она никогда не упоминала; старуха страшно проклинала его и, проклиная, вздрагивала и озиралась испуганно по сторонамъ... Пошла ли Дунѣ въ прокъ барская мораль — читатель увидитъ впереди.

Сынъ приказчика въ Знаменскомъ думалъ на ту пору жениться, и всѣ порѣшили, что хорошенькая Дуня, какъ племянница ключницы, непремѣнно угодитъ въ приказ-

чицы. Но вышло не такъ, какъ думали всѣ. Не нравился Дунѣ рыжій приказчикъ, а тотъ-то, дѣйствительно, былъ не прочь отъ такой невѣсты. Дунѣ воли надо было, а выйдя замужъ за крѣпостнаго, сама себя свяжешь; но страстная ея натура, распаленная проповѣдями «старой дѣвы», не давала ей покоя... На 20-мъ году слюбилась она съ однимъ молодцомъ изъ казенныхъ крестьянъ, разсорилась съ теткой, принуждена была удалиться изъ барскаго дома и «только что до грѣха» — какъ говорили въ деревнѣ — успѣла выйти замужъ за своего любовника.

Черезъ годъ уже Дуни нельзя было узнать. Робкая, часто краснѣвшая дѣвушка-смиренница исчезла; на мѣсто ея явилась смѣлая, страстная женщина.

— Сорвалась баба! Смотрѣть ажно срамно! говорилъ деревенскій людъ.

Авдотья Васильевна, что̀ называется, развернулась; До сихъ поръ она ходила сгорбившись, съежившись, также точно ежились и всѣ ея стремленья и желанія. Теперь она выпрямилась и гордо и прямо посмотрѣла на міръ; страсти и желанья, такъ долго придавленныя, — выпрямились, поднялись, заговорили... Сила отпора пропорціональна силѣ давленія... Авдотья Васильевна загуляла. Мужъ ея, построившій постоялый дворикъ и сбиравшійся пожить ладкомъ съ молодою женой, увидалъ,

что дѣло плохо: жена на всѣ его ласковыя и грозныя рѣчи и ухомъ не ведетъ, бьется и мечется, какъ степная лошадь. «Удержу ей нѣту! Словно бѣсъ вселился въ нее...» оправдывался онъ передъ своими родными, осаждавшими его многоразличными совѣтами и упрекавшими его въ слабости. Мужъ не могъ изгнать бѣса изъ жены своей и скоро умеръ, а съ нимъ и послѣдняя тѣнь зависимости исчезла для Авдотьи Васильевны.

Въ околодкѣ ее величали «вѣдьмой кіевской» и «Волчихой», (мужъ ея звался Волкомъ, а прозвище мужа перешло и къ ней послѣ его смерти). «Точно что ужь Волчиха!» говаривали верейкинцы. Помѣщики ее звали «Синею Бородой»: ловко она головы кружила обитателямъ мирныхъ весей. Да и Волчиха была хороша удивительно. Что она была хороша, зналъ это, напримѣръ, пономарь верейкинскаго прихода, то же знала и чувствовала жена его. Пономарь этотъ только лишь женился, только-что опредѣлился на мѣсто — и первая свадьба на Верейкинѣ, при которой ему случилось присутствовать, была свадьба Авдотьи Васильевны... Не стало житья молодой пономарихѣ: и щи-то варитъ она не ладно, и хлѣба-то испечь не смыслитъ, и работать не умѣетъ, и шлюха-то... бѣда! А тутъ еще толки — догадки сосѣдей-прихожанъ о томъ, что мужъ, будто, за то не взлюбилъ ее, что она не въ порядкѣ замужъ пошла за него... Поно-

мариха крѣпилась-крѣпилась да и сама наконецъ стала, было, побраниваться — пономарь драться принялся; пономариха пустилась въ слезы — пономарю домъ опостылѣлъ. Причетникъ то и дѣло катитъ себѣ на постоялый дворъ, гдѣ что̀ вечеръ — то пирушка; попивать сталъ, о службѣ не зарадѣлъ, хозяйство запустилъ. Несчетное число разъ жаловалась пономариха и священнику; священникъ уговаривалъ его опомниться и не блажить, напоминалъ кстати и о гееннѣ огненной, но все напрасно: единственнымъ результатомъ таковыхъ выговоровъ и напоминаній было то, что все тѣло доносчицы-пономарихи покрывалось кровавыми рубцами, а пономарь отъ постоялаго двора не отставалъ... Эта адская семейная жизнь закончилась тѣмъ, что пономаря послали на покаянье въ какой-то дальній монастырь, гдѣ разъ послѣ заутрени послушникъ и нашелъ его повѣсившимся въ своей кельѣ... Жена его и до сихъ поръ гдѣ-то умираетъ съ голода, да все еще умереть не можетъ... Здоровье и жизнь ея разбиты.

Мужичокъ одинъ — Степаномъ звали — тоже зналъ, что Волчиха красива; съ горя по ней онъ спустилъ пріятелю-цаловальнику все свое имѣньице, какое было скоплено имъ и отцами его; по міру пустилъ свою семью — жену съ дѣтками, самъ обнищалъ, оборвался и жилъ, какъ птица, гдѣ Богъ пошлетъ. Зимой онъ отморозилъ руки хмѣльной; жена его съ дѣвочками упокоилась на-

вѣкъ — лежатъ онѣ рядкомъ за церковною оградой, а онъ, какъ жалкая тѣнь, скитается по деревнямъ, Христовымъ именемъ побирается. На постояломъ дворѣ осталось его счастіе, его покой, вся радость жизни и благоденствіе его семьи...

Алешка, длинновязый парень, тоже увѣрился въ томъ, что дворничиха «больно пригожа». Когда только можно урваться, онъ тотчасъ бѣжитъ къ Авдотьѣ Васильевнѣ и сидитъ себѣ у ней. Дома отецъ ругаетъ, мать плачетъ и тоже ругаетъ, а ему до нихъ словно и дѣла нѣтъ. Отецъ старикъ жаловался было и міру, чтобы уняли Алешку; но міръ благоразумно устранилъ себя отъ вмѣшательства въ семейныя дѣла... Отецъ послѣ того самъ было хотѣлъ управиться, наставить сына уму-разуму, но сынъ чуть не убилъ его. Тѣмъ дѣло пока и кончилось...

Всѣ несчастные поклонники ругали Волчиху на чемъ свѣтъ стоитъ, а все-таки бѣжали и льнули къ ней, какъ льнетъ банный листъ къ голому тѣлу, или — если выразиться поэтичнѣе — какъ летаетъ мотылекъ вокругъ свѣчи, пока не обожжетъ своихъ крылышекъ...

Много народа знало о красотѣ Авдотьи Васильевны, но всѣхъ лучше зналъ это Митюха Бурунинъ, по прозвищу Косматый...

— Ворожитъ она, бабоньки! Вотъ тѣ истинно ворожитъ! шепчутъ про Волчиху бабы межъ собой. — Гляди-

кось! Сына противу отца возставляетъ, по міру пущаетъ крещеныхъ... И смотритъ-то, такъ ужасть беретъ! Какъ взглянетъ этто своими черными-то глазами — ровно, вотъ, огнемъ опалитъ...

И пошелъ въ народѣ такой слухъ, что если кто свяжется съ Волчихой — не бывать добру, не видать тому ни на этомъ свѣтѣ радости, ни на томъ прощенья...

ГЛАВА III.

Косматый.

Митюха былъ субъектъ замѣчательный. Впрочемъ, такія личности выдаются въ нашемъ народѣ нерѣдко, но только проходятъ онѣ незамѣтно, какъ и многое изъ міра тѣхъ голодныхъ, злыхъ людей, которые, на нашемъ образованномъ языкѣ, называются простымъ, сермяжнымъ людомъ.

Двѣнадцати лѣтъ остался Митюха послѣ смерти отца (мать умерла еще ранѣе), выростилъ младшаго брата, поддержалъ хозяйство, женилъ брата наконецъ и жилъ съ нимъ нераздѣльно, или, вѣрнѣе сказать, состоялъ при домѣ въ качествѣ безсмѣннаго, неутомимаго батрака, самъ не думая обзаводиться женой, хоть ему и перевалило уже за тридцать; онъ, казалось, весь предался дѣламъ братнинымъ и мірскимъ.

Деревня о немъ толковала, что онъ человѣкъ «непокладный, несговорный», т. е. по нашему сказать—безпокойный: на сходкахъ онъ шелъ почасту противъ міра, противъ мірскихъ приговоровъ, шумѣлъ и оралъ страшно. Если бы можно было подслушать, съ какимъ пренебреженіемъ, съ какою злостью разсуждали о немъ мужики по своимъ хатамъ, странно было бы видѣть послѣ того, какъ они притихали и съ какимъ вниманіемъ выслушивали его толковыя, понятныя имъ рѣчи, приправленныя бранью, остротами, пересыпанныя притчами, пословицами и поговорками. И откуда только брались у него эти рѣчи! Митюха былъ человѣкъ совсѣмъ непросвѣщенный, даже неграмотный, но общественная жизнь, сходки, споры, разсужденья были школой для него. Не даромъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ не пропускалъ Митюха ни одной сходки безъ того, чтобы не потолковать, не погрызться съ кѣмъ нибудь... Въ первый разъ явился онъ на сходъ, когда ему еще не было 16-ти лѣтъ, и старики хотѣли было прогнать его, но онъ, къ общему ихъ удивленію, распуталъ и порѣшилъ чрезвычайно запутанный вопросъ о магазинной повинности, надъ которымъ старики не одну ужь сходку напрасно ломали головы; Митюха настоялъ на своемъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлался самымъ толковымъ и энергическимъ членомъ сходки и своего «общества»... Изъ-за подводъ, мостовъ и вѣчной поправки

дорогѣ Митюха не разъ вступалъ въ диспуты съ становымъ и даже съ самимъ исправникомъ и былъ неоднажды жестоко наказанъ за свою строптивость, за дерзость и грубіянство, но не унимался, а словно подгоняемый какимъ-то деменомъ противорѣчія, наживалъ себѣ враговъ все болѣе да болѣе между сельскимъ и городскимъ начальствомъ.

Но еще больше было у него недруговъ «своихъ», однодеревенцевъ, недруговъ тайныхъ, подколодныхъ. Открытой войны ему не объявлялось: физическая сила его была извѣстна, а передъ этою самою силой и преклонялся Верейкинскій людъ. Когда старшина въ угоду сытому большинству обижалъ какого нибудь убогонькаго бѣдняка, взваливая на него мірскую тяготу, Митюха возставалъ на притѣснителей, боролся съ азартомъ и съ пѣной у рта вырывалъ побѣду у врага. Искоса смотрѣли на него зажиточные, а бѣдняки хотя въ душѣ и любили, и уважали Косматаго, но выражать свои чувства ему не смѣли и нерѣдко шли противъ него же съ большинствомъ, въ ущербъ собственнымъ интересамъ. За это Митюха ругалъ ихъ въ лицо собаками и дубьемъ, а при случаѣ все-таки стоялъ за нихъ горой и помогалъ, чѣмъ могъ. Озорникомъ его звали за его безпокойный, придирчивый нравъ, за его рѣчи ярыя; но когда нужно было потолковать съ властями о дѣлѣ — міръ съ общаго согласія выдвигалъ

впередъ Митюху и молчаніемъ подтверждалъ каждое слово рѣчистаго мужика. И тутъ Митюха позабывалъ уже о своихъ недругахъ-землякахъ и бросался и кидался, какъ дикій звѣрь, на большихъ своихъ враговъ, на главныхъ, на мірскихъ враговъ... Но не смотря на всѣ подобныя услуги, все-таки Митюху считали подколодною змѣей... Даже и благодарность-то къ Митюхѣ какъ-то позабывалась. Случился, напримѣръ, однажды по сосѣдству пожаръ. Загорѣлась сначала одна изба, вѣтеръ перебросилъ огонь на другую избу и пошелъ пылать весь порядокъ. Митюха прибѣжалъ на пожаръ въ числѣ первыхъ и тотчасъ же, по обыкновенію, энергично принялся за дѣло... А тутъ въ толпѣ охаетъ и мечется старичекъ въ лохмотьяхъ, сѣденькій, искалѣченный, ползаетъ по землѣ въ пыли, вопитъ и молитъ добрыхъ людей достать ему съ божницы Святцы: въ нихъ у него положены 5 рублей — послѣдніе его рублики. Ошалѣлый отъ испуга и горя, народъ бѣгаетъ, кричитъ, не слышитъ старика, а кто и слышитъ — не внемлетъ мольбамъ его слезнымъ... Митюха влѣзъ въ окно (изъ входной двери полымя вырывалось) и скоро выпрыгнулъ опять съ книжкой въ старомъ, кожаномъ переплетѣ и бросилъ ее старику... Въ тѣ минуты старикъ призывалъ на его голову всѣ благословенія неба.

Но скоро эта исторія позабылась.

Въ другой разъ пожаръ былъ сильнѣе еще перваго, случай выпалъ поопаснѣе. У одной молодой бабенки въ избѣ младенецъ остался, спалъ, сердечный, въ колыбели: дѣло-то случилось ночною порой. Изба уже давно горѣла и можно было ожидать каждое мгновенье, что вотъ-вотъ крыша обрушится и завалитъ колыбель съ спящимъ въ ней младенцемъ. Мать въ отчаяніи бросалась то къ одному, то къ другому и въ безпамятствѣ готова была сама кинуться въ огонь спасать отъ лютой смерти свое первое, единственное дѣтище. Всѣ окружающіе сочувствовали ея тяжкому горю, но жизнь, какъ оказывалось, была для всѣхъ мила и дорога. Митюха ужь нѣсколько разъ сильно чесалъ себѣ затылокъ и зло посматривалъ на мужиковъ, какъ тѣ покачивали головами и не смотрѣли въ глаза молившей ихъ слабой женщины, наконецъ скинулъ шапку и проворчалъ сквозь зубы бабѣ:

— Погоди, не вой! Схожу...

Стропила трещали, лопались стекла, подламывались балки, огонь вырывался изъ-подъ крыши, облака дыма стлались и разносились по темному, ночному небу, искры сыпались и разлетались... Митюха взбѣжалъ на възъѣздъ и пропалъ въ горѣвшей избѣ. Всѣ — кто видѣли — перекрестились и рѣшили, что за Митюху Косматаго можно панихидку отслужить, потому — на добромъ дѣлѣ живота лишился, за чистую душу младенца свою душу грѣшную

положилъ. Но вотъ на верху взъѣзда, среди дыма и огня, промелькнуло что-то черное, мелькнуло ниже... ближе... Митюха, опаленный, закоптѣлый, несъ ребенка, закрывъ его отъ пламени своими огромными, окровавленными ручищами... Посреди чада, огня и разрушенья онъ твердо шелъ съ своею ношей; словно не человѣческая фигура, а какая-то черная тѣнь двигалась на этомъ огненномъ фонѣ... Мать со слезами валялась въ ногахъ Митюхи...

Сдѣлай то другой кто нибудь, онъ много и долго бы разсказывалъ объ этомъ всюду, заставилъ бы и другихъ говорить о себѣ; но Митюха былъ не таковскаго десятка... Онъ не зналъ, что такое значитъ подвигъ и къ чему пригодны восхваленія людскія.

Такимъ образомъ всѣ подобные факты изъ жизни Митюхи какъ-то забывались, не забывалась только дурная слава о немъ... Онъ буянъ, задирало, неряха, Косматый онъ... И мужики и бабы много удивлялись, когда на деревнѣ сдѣлалась извѣстна связь Митюхи съ Волчихой.

— Этакій неражій, неказистый, одно слово мразь... толковали люди. — А она-то королевна, ровно... тфу ты! Съ чего это она такого чумазаго поддѣла... Диво!

Впрочемъ, потомъ имъ стали приписывать совершеніе одного темнаго дѣла, которое, будто бы, и скрѣпило ихъ

союзъ... Слухи здѣсь не передаются: мало ли что можетъ выдумать людское недоброжелательство!..

Сватались къ Волчихѣ, подъѣзжали молодцы — и пригожіе, и богатые: одни предлагали ей сердце, другіе и руку — да Авдотья Васильевна отказывалась отъ ихъ обязательныхъ предложеній: новаго она въ нихъ ничего не видала, да и въ будущемъ не ждала; «цѣловаться-то всѣ умѣютъ!» думала она...

Прежде всего въ Митюхѣ видѣла она личность рѣзко выдающуюся изъ всего того, что вращалось передъ нею. Ее манила къ Митюхѣ дурная о немъ слава, нелюбовь къ нему всеобщая, его неустрашимость, замкнутость, дикость его. Много въ ней находилось струнокъ общихъ съ Митюхою; особенно же оба сходились они въ необузданности. Митюха, какъ загадка, внушалъ ей къ себѣ сильное влеченіе, сочувствіе, противостоять которому Авдотья Васильевна не смогла, да и не захотѣла. Предпочтеніе было явно оказано Косматому. Косматый, давно уже видѣвшій въ дворничихѣ женщину умную, не чета деревенскому бабью, сблизился съ красавицей. Она его тоже интересовала, какъ нѣкое существо совсѣмъ изъ другого міра, да и самолюбію его очень польстило вниманіе гордой дворничихи, отвергавшей заискиванья многихъ молодцовъ, чистенькихъ, пригоженькихъ. Это же была первая женщина, которая приласкала его, первая,

на грудь которой онъ склонилъ свою косматую, буйную головушку...

Когда Авдотья Васильевна сходилась съ Митюхой — она сходилась съ неизвѣстною для нея силой, съ неизвѣстнымъ міромъ скрытыхъ помысловъ, желаній и страстей. И много въ этомъ мірѣ нашлось для Волчихи милаго... Самая неуклюжесть, грубость Митюхи плѣняла франтиху-дворничиху; въ его неловкости она видѣла удаль; смѣялась надъ нимъ, не насмѣхаясь, смѣялась весело, самымъ довольнымъ, любовнымъ смѣхомъ. Сначала ей самой странною казалась любовь такого звѣря, но потомъ она уже невольно, незамѣтно поддалась обаянію той любви, той силы дикой, которою каждая жилка дрожала въ Митюхиномъ организмѣ. Но подчиненіе шло не отъ одной ея стороны, и Косматый, въ свою очередь, неожиданно очутился подъ чужимъ вліяніемъ, межъ тѣмъ какъ до сихъ поръ еще онъ ни подъ чье вліяніе не подпадалъ. Но зависимость отъ Волчихи для него до того казалась легкою, что онъ не желалъ бы и освобождаться отъ нея... Что Митюха былъ очень ревнивъ, это понятно: такой l'homme de la nature, какимъ былъ Косматый, не могъ стоять выше животныхъ инстинктовъ... Впрочемъ Митюха не допускалъ и возможности измѣны съ ея стороны. Кѣмъ она его замѣнитъ? Чьи рѣчи будетъ охотнѣе слушать? Чьи думы болѣе понравятся ей? Хотя подчасъ она и ша-

литъ, балуетъ съ парнями, а все-таки она — его, онъ весь — ея, и тѣломъ, и душой...

И, дѣйствительно, Митюха не такъ уже заботливо, какъ прежде, относится къ братнинымъ дѣламъ; не такъ горячо борется съ своими недругами: неукротимый духъ его, казалось, вовсе заснулъ въ объятіяхъ Волчихи... Чѣмъ тѣснѣе онъ сближался съ этою загадочною женщиной, тѣмъ далѣе отступали мірскіе, общественные интересы и тѣмъ болѣе теряло для него силу и значеніе все то, что до тѣхъ поръ было ему всего милѣе и дороже...

ГЛАВА IV.

Первыя тѣни.

Года черезъ три послѣ того дня, какъ Волчиха дала Косматому первый поцѣлуй, ей стало казаться, что въ первое время знакомства Митюха былъ лучше, что теперь онъ сдѣлался хуже, но что именно въ немъ стало вдругъ хуже — она опредѣлить не могла. Чѣмъ далѣе удалялся Косматый съ поля битвы, чѣмъ болѣе привязывался онъ къ Волчихѣ, чѣмъ чаще и охотнѣе засиживался онъ у нея на постояломъ дворѣ, тѣмъ болѣе она старалась отъ него отшатнуться. Къ той осени, съ которой пошла ис-

торія, настроеніе Волчихи особенно сдѣлалось лихорадочно-тревожнымъ. Въ глубинѣ души Волчиха чувствовала, что боится Косматаго, что ей не избавиться изъ подъ вліянія того страха, который стала она ощущать еще сильнѣе съ тѣхъ поръ, какъ въ ней зародилось смутное желаніе избавиться отъ Митюхи. Она боялась, но не хотѣла признаться въ томъ... Самое же главное, что ухудшило значительно противъ прежняго Митюху въ глазахъ Авдотьи Васильевны — былъ тотъ бѣлокурый юноша-ямщикъ, приставшій на постоялый дворъ пообогрѣться въ ненастную ночь наканунѣ Покрова дня.

Въ неукротимой, живучей натурѣ Волчихи зажглась страсть, загорѣлось страшное, неопредолимое желаніе любить и быть любимой не такимъ косматымъ звѣремъ, какимъ былъ Митюха, — а молодымъ и робкимъ молодцомъ. Такимъ представлялся ей молодой ямщикъ, краснѣвшій и смущавшійся подъ ея огненными взглядами. Митюха же, видя молчаливость Авдотьи Васильевны и не догадываясь о причинѣ, приписывалъ ее просто женской блажи... Ямщикъ же не показывался, такъ что Волчиха начинала уже отчаяваться въ осуществленіи своихъ мечтаній...

Второй разъ увидѣла она Александра уже о Филипповкахъ.

Морозная, декабрская ночь заузорила оконца постоялаго двора, сквозь которыя на почернѣлый полъ блѣдными полосами ложилось лунное сіянье. Въ избѣ тихо было, только морозъ на дворѣ гдѣ-то потрескивалъ да пощелкивалъ. Авдотья Васильевна одна-одинешенька валялась на печи и не то дремала, не то бодрствовала.

«Страшна я кажусь ему! мелькало въ ея головѣ. Поди-ка, наслушался ужъ онъ про меня — и такая-то я и сякая-то.... Охо-хо, горе! О дѣлахъ-то моихъ судятъ, а что отъ тѣхъ-то дѣловъ мнѣ приходится — не видятъ и казнятъ!... А какъ бы знали, сколь это мнѣ легко...» и Авдотьѣ Васильевнѣ показалось, что люди, дѣйствительно, очень несправедливы. Особенно теперь они показались ей злы и жестоки, теперь, когда отгоняли, отпугивали отъ нея молодого ямщика, вырывали у ней счастье изъ рукъ. По ихъ разсказамъ, вѣроятно, она представляется ему такою грязною, развратною, такою тварью мерзкою, на которую порядочный парень и взглянуть не захочетъ... Никогда еще до сихъ поръ люди не казались ей такъ холодны, мелочны: никогда еще она не ощущала сильнѣйшаго желанья растоптать, раздавить этихъ чистыхъ тварей, гордящихся своею праведностію; никогда еще не испытывала она такой дикой ненависти къ ихъ ханжеству и фарисейству... «И онъ-то, вѣдь, тоже изъ нихъ...» задумала, было, она и — вздрогнула: подъ окномъ кто-то не-

смѣло стукнулъ разъ, другой. Волчиха торопливо накинула себѣ на плеча шугай и пошла впускать гостя.

То былъ Александръ съ конями...

Дворничиха, какъ въ первый разъ, приняла его насмѣшливо, потомъ заговорила, было, съ нимъ и серьезно, но тотъ отдакивался, отнѣкивался, а въ разговоръ не вступалъ. Сказалъ онъ: кого привезъ и куда, замѣтилъ о стужѣ, о томъ, что «оченно сегодня сѣверко» и т. п. Подъ конецъ вечера дворничиха стала любезнѣе, тороватѣе, но все напрасно: Александръ не разогрѣвался — онъ, словно, все боялся чего-то.

— Чудной ты! промолвила наконецъ Волчиха, впиваясь своими черными очами въ его голубые глаза.

Александръ вздохнулъ, хотѣлъ было тоже попристальнѣе всмотрѣться въ хозяйку, сбирался и сказать ей что-то; но голова, видно, не поднялась и языкъ не пошевелился.

Послѣ тяжелой, мучительной ночи, по утру, при прощаньи, дворничиха зазывала Александра и «напредки» къ себѣ, но тотъ вмѣсто всякой благодарности какимъ-то болѣзненнымъ, передразнивающимъ тономъ проговорилъ «ладно» и, презрительно глянувъ на хозяйку, вышелъ изъ избы, пристукнувъ сильно дверью, точно досадуя, гнѣваясь на что-то...

Передъ святками Алексаха не надолго опять заворо-

тилъ на постоялый — опять лаконичный разговоръ, смущенье, досада, а подъ конецъ презрительный взглядъ...

По долгу не смыкая глазъ, лежитъ Волчиха на теплой печи по длиннымъ зимнимъ ночамъ — не спится ей: взволнованная кровь клокочетъ, не даетъ покоя. И проклинаетъ Авдотья Васильевна свою прошлую, бѣшеную жизнь, загородившую ей дорогу къ счастью, жизнь, опозорившую ее, обезславившую до того, что любимый человѣкъ ею гнушается, смотритъ на нее, какъ на гадину. Проклинаетъ она и Косматаго, который злымъ демономъ стоялъ возлѣ нее и денно и ночно, всюду слѣдуя за нею темною, неотступною тѣнью. Она его почти прогнала вчера... Онъ вчера все хмурился, жаловался, что ему худо живется въ братниной семьѣ, что горько ему и не весело; раздѣлиться съ братомъ, раззорить его — семейнаго человѣка — не хочется, а и такъ жить — тошно... Въ иное время Волчиха съумѣла бы утѣшить Косматаго, но теперь у нея — свое горе, и чуждо стало ей горе Косматаго. Прежде онъ возбуждалъ въ ней сочувствіе, а теперь лишь надоѣдаетъ... Благодѣтельный источникъ, изъ котораго Митюха пилъ и запивалъ горечь жизни дѣйствительной, — изсякъ для него... Волчиха перестала понимать Косматаго.

Дикая злоба поднялась въ ней противъ себя, противъ Александра, противъ Митюхи. «Онъ ровно дьяволъ въ когтяхъ меня держитъ!» думала она въ отчаяніи, чуть

не плача со злости. «А тотъ — чистенькій, куколка — смотрѣть не хочетъ... мразь, дескать!... Анафемы они всѣ!» Но скоро Волчиха прояснялась — и въ ея настроенномъ воображеніи рисовался ей тотъ же свѣтлый, ясный образъ молодаго, неопытнаго существа, который такъ часто ей грезился и на яву, и во снѣ; онъ то затемнялся другимъ образомъ, страшнымъ, сильнымъ, грѣшнымъ, то снова просвѣтлялся и носился передъ нею въ какихъ-то волнистыхъ, сѣрыхъ туманахъ...

И снилось ей разъ — сидитъ она съ милымъ въ полѣ подъ рябиной, сидитъ — воркуетъ, къ груди его припадаетъ; все поле, все голубое небо, что раскинулось надъ ними, все, все щебечетъ, говоритъ, поетъ о любви и нѣгѣ... Но вотъ изъ-за овина выходитъ Митюха, хохочетъ, кривитъ свою рожу... Хохотъ его нехорошій расходится дальними отголосками... Замираетъ сердце Волчихи, дыханіе порывается; она чуетъ, какъ перестаетъ кровь биться, какъ холодомъ обдаетъ ее, точно изъ могилы... Авдотья Васильевна просыпается и, устрашенная сновидѣньемъ, творитъ дрожащею рукой крестное знаменіе.

Примѣчаетъ кое-что Косматый, а додуматься не можетъ: «кой лѣшій обошелъ ее...»

— Дуритъ у меня Дуняха! рѣшаетъ онъ неувѣренно.

ГЛАВА V.

Невѣстины слезы.

Въ Благовѣщеньевъ день — день, когда птица, по народному повѣрью, гнѣзда не вьетъ — солнышко надъ Верейкинымъ взошло ясно. Спокойнѣе, яснѣе духомъ встала на этотъ разъ и Волчиха, а встрѣтившій ее послѣ обѣдни сюрпризъ и вовсе ужъ скрасилъ для нея праздничный день: пріѣхалъ Александръ. Пріѣздъ Александра, хотя и сумрачнаго, молчаливаго, и безъ того бывалъ для Волчихи праздникомъ не малымъ, но въ Благовѣщеньевъ день Алексаха явился веселѣе и развязнѣе обыкновеннаго — онъ даже съ праздникомъ поздравилъ хозяйку, весело такъ помолился образамъ и даже спутилъ что-то...

Косматаго на ту пору въ избѣ не случилось.

Волчиха, подавая Александру перекусить что̀ Богъ послалъ, сказала ему тихо, но какъ-то особенно добродушно и любовно:

— Покушай-ка на здоровье! Щи-то сегодня — удача, да и рогулечки-то хороши, воложныя такія...

Въ словахъ Авдотьи Васильевны много было дружескаго, много ласки звучало; такъ бы мать сказала сыну: «не бѣги же, сердечный! Побудь у меня!» Александръ, видно, замѣтилъ тонъ, какимъ были сказаны эти простыя слова, и немного закраснѣлся. При прощаньи презритель-

наго взгляда не было брошено, а на вопросъ Волчихи: скоро ли паренекъ будетъ опять въ ихъ сторону, — послѣдовалъ отвѣтъ такого рода:

— Надо быть по скорости завернуть придется!

Волчиха ничего не проронила изъ того, чтò въ этотъ разъ говорилъ молодой ямщикъ, все замѣтила и запомнила: женскій тактъ подсказалъ ей, что желѣзо смягчалось, а Волчиха была не таковская женщина, чтобы дала безполезно застыть металлу, трудно плавимому...

Послѣ того уже Алексаха сталъ бывать все чаще и чаще на постояломъ дворѣ и засиживаться у Волчихи все долѣ и долѣ...

Александръ былъ родомъ съ Горбачева — изъ сосѣдней деревни — изъ хорошей, работящей семьи. На Горбачевѣ была ужь у него и невѣста на примѣтѣ: Дарья — дѣвка здоровая, румяная, изъ себя красивая, нравомъ тихая — никакимъ баловствомъ не занималась и обѣщала сдѣлаться для семьи все выносящею, многотерпѣливою труженицей. Вся деревня говорила, что Алексаха да Дарьюшка — заглядѣнье, а не пара! Оба — смирные, пригожіе, оба — изъ зажиточныхъ домовъ... По лѣтнимъ вечерамъ балагуритъ Сашка съ красными дѣвушками, а съ Дарьюшкой пуще всѣхъ; зимой, на посидѣлкахъ, съ дѣвками играетъ, шутитъ, а съ Дарьюшкой пуще всѣхъ... Передъ Дарьюшкой виднѣлась ужь дорога въ церковь,

стоянье тамъ передъ алтаремъ съ сіяющимъ вѣнцомъ на головѣ, а затѣмъ на многіе, долгіе годы жизнь трудовая, жизнь безпечальная съ любимымъ, добрымъ мужемъ... Но вотъ къ концу зимы Алексаша сталъ какъ-то норовистѣе, точно въ него какой духъ вселился; Дарья рѣдко стала видать его — покажется, да и скроется надолго. То ужь онъ больно веселъ, то ужь слова отъ него не добьешься — ходитъ, словно въ воду опущенный. Дарьюшка разъ и говоритъ ему:

— Чтой-то, Саша, ты ровно объѣлся чего! Какъ я погляжу на тебя — ты точно какъ не прежній... Подѣялось что ли что?.. Ну-кась!..

Но Саша Дарьюшку цѣлуетъ и, смѣясь, увѣряетъ ее, что онъ все тотъ же, что̀ и былъ... Шутками отдѣлывался Алексаха. Но плохія вышли шутки, когда на деревнѣ стали поговаривать, что Алексаха Скорбеевъ съ чего-то началъ приставать къ этой ягѣ-бабѣ, къ Волчихѣ, на постоялый дворъ, когда пріѣзжалъ на Верейкино; что онъ просиживаетъ подолгу у нея; что онъ сбился, значитъ, съ пути истиннаго и пошелъ на совѣтъ нечестивыхъ; что въ погибель Алексаха норовитъ попасть... Такіе зловѣщіе слухи о погибели христіанской души дошли и до невѣсты и тяжелымъ камнемъ запали въ ея довѣрчивую, дѣвическую грудь; они съ ея щекъ румянецъ посогнали, слезы горькія изъ глазъ выжали, глаза

свѣтлые потускнѣли. Вздыхала Дарья, доя коровку свою буренушку; вздыхала тяжело она и за ткацкимъ станкомъ, вздыхала, пристукивая подножкой и перебрасывая челнокъ — и кропили ея слезы нитки сѣрыя — и сквозь слезы, какъ сквозь туманъ, видѣла она свой станокъ старый, частыя берда, натянутыя нити, темный уголъ, окно, и за окномъ блѣдную зелень ранневесеннюю и свѣтлое небо... Вздыхала Дарьюшка да отирала украдкой непрошенныя слезы: женихъ ея, Саша милый, разлюбилъ, промѣнялъ ее на ту страшную ягу-бабу, что̀ сидитъ на Верейкинѣ да добрыхъ людей на злое совращаетъ. Околдовала его совсѣмъ Волчиха — чтобъ ей ни дна, ни покрышки! Разрушила она, ехидна, Дарьюшкино молодое счастье, затемнила своими дьявольскими чарами ея будущее... Распутная Волчиха украла у нея Сашу, украла покой ея и радость...

Узнавъ о подвигахъ сына, и отецъ тоже пришелъ въ ужасъ и гнѣвъ.

— Ты съ чего это выдумалъ, ась? оралъ онъ на Алексаху. — Я разѣ приставалъ коли къ вѣдьмѣ этой, къ кіевской!... Разѣ я тебѣ не заказывалъ? Дворовъ-то на Верейкинѣ не стало, штоли! Али только и свѣта ужь для тебя, безстыжій, что Дуняшкино оконце!? Плеха проклятая!.. Не пущу я тебя на Верейкино — провались оно, не пущу...

Мать совѣтовала женить поскорѣе сына и тѣмъ спасти его отъ дальнѣйшихъ несчастій: она, какъ женщина простая, была вполнѣ увѣрена въ томъ, что если человѣкъ женится — непремѣнно перемѣнится, остепенится, одумается и поведетъ свою жизнь, какъ быть да слѣдуетъ; а не знала она, что, поступая такимъ-то образомъ, можно было вмѣсто одной бѣды накликать десять бѣдъ. Впрочемъ, Алексаха не поддавался ни на ея увѣщанья-причитанья, ни на отцовскія угрозы и, несмотря на всевозможные уговоры, на-отрѣзъ отказался отъ женитьбы, отъ невѣсты, даже радъ былъ отказаться отъ отца съ матерью, только бы отъ Волчихи не отказываться.

На первыхъ порахъ онъ, однако, смирился, убоявшись отца. Хоть и тошно ему стало подъ роднымъ кровомъ, тошно ему было встрѣчаться съ Дарьей, встрѣчать ея тоскливый взглядъ, ноющій, укоряющій; хотя опротивѣло ему Горбачево, хотя мыслью и мечтой онъ постоянно леталъ около Верейкина, но вырваться и разомъ освободиться отъ всего того, что̀ его держало вдали отъ Волчихи — онъ не могъ: силъ не хватало. Но напрасно грозился отецъ, напрасно мать хныкала. Пришла нужда — отецъ самъ послалъ сына на Верейкино, только, разумѣется, съ строгимъ наказомъ, чтобы «окромя Митрошки никуда не приворачивалъ, сучій сынъ».

Подъѣзжая къ Верейкину, только еще издали завидѣвъ

его соломенныя крыши, почернѣлыя, высокія трубы, его прудъ, еще издали заслышавъ глухой шумъ старыхъ сухихъ ветелъ, Александръ чувствовалъ уже, что онъ не въ Горбачевѣ, что онъ подъ другимъ небомъ, въ иномъ мірѣ, что онъ близехонько къ *ней*... Гналъ онъ своихъ лошадокъ нещадно, вздымая за собой облако пыли — и лихая тройка, звеня и бренча, подкатывала къ постоялому двору и, какъ вкопанная, со всего маха останавливалась у его тесовыхъ воротъ. Мало-по-малу Александръ дѣлался съ Волчихой смѣлѣе, все откровеннѣе, разговорчивѣе и любезнѣе. Онъ весьма услужливо передавалъ ей деревенскія новости, разсказывалъ ей, по ея же просьбѣ, что̀ и какъ о ней думаютъ и говорятъ у нихъ на селѣ; разсказывалъ ей о невеселомъ житьѣ-бытьѣ своемъ, о приневоливаньи жениться на Дашкѣ, распространялся кстати о своей семьѣ, о ссорахъ съ отцомъ, — но о нѣжныхъ чувствахъ помину еще не было...

Въ томъ слоѣ народа, въ которомъ разыгрывается описываемая исторія, любовныхъ объясненій не существуетъ и люди сходятся другъ съ другомъ безъ всякихъ предисловій. Тамъ нѣтъ пошлыхъ, оффиціальныхъ заявленій по казенной формѣ, въ родѣ «я васъ люблю»; тамъ нѣтъ ненужныхъ, приторныхъ изліяній въ вѣчной привязанности, несокрушимой даже и за гробомъ — за предѣломъ всяческихъ нелѣпостей, которыя расточаютъ въ высшемъ об-

ществѣ направо и налѣво со всею щедростью идіота, разбрасывающаго куда ни попало вещи, которыхъ значенія онъ не разумѣетъ... Нѣтъ тамъ клятвъ и увѣреній, нѣтъ постоянныхъ обниманій и лобызаній, ежечасныхъ, сладостныхъ, глядя на которыя даже чувствуешь тошноту, какъ точно чего сладкаго объѣлся... Тамъ, въ средѣ простыхъ людей всѣ акты жизненные совершаются просто, безъ эффектовъ, безъ прологовъ и увертюръ. Тамъ мало словъ... Лаконичная, часто неконченная фраза, взглядъ, жестъ — вотъ и все!...

Волчиха, бывало, слушаетъ, слушаетъ Алексаху, но и тотъ, въ свою очередь, спрашивалъ кое-что у нея. Волчиха отдѣлывалась темными отвѣтами и не любила много говорить о своей особѣ. Но какъ ей ни было хорошо и привольно сидѣть съ Алексашей, а все-таки ей, словно, чего-то недоставало...

Не думаетъ ли она, быть можетъ, что вотъ, дескать, тамъ за лѣсомъ, что̀ виденъ изъ ея окна — на Горбачевѣ дѣвка ноетъ, сохнетъ по Сашѣ, а Саша съ нею сидитъ да и отходить не хочетъ... Она его отбила отъ той дѣвки! Но вѣдь дѣвка та, въ свою очередь, при случаѣ подставитъ ей ногу... Развѣ всѣ они не враги ея?! Нѣтъ, не то смущаетъ Волчиху, не слезы невѣстины тревожатъ ее! Не думаетъ ли, наконецъ, она о семьѣ скорбящей за сына, за брата? Ой, нѣтъ. Не о томъ она думаетъ, не о томъ

ея тревога и волненье... Другія думы, другія заботы щемятъ ея сердце, заползаютъ въ ея гордую душу и поднимаютъ въ этой душѣ бурю...

ГЛАВА VI.

Ласточки прилетѣли.

По утру ранымъ-рано сидѣла Авдотья Васильевна за работой подъ окномъ и не столько работала, сколько на улицу глядѣла. Поднялась она сегодня до солнышка; обрядилась, управилась, выдалось времечко и кошелекъ пошить для Алексаши. Свѣжій весенній воздухъ вливался въ окно и, какъ одуряющій напитокъ, хмѣльно дѣйствовалъ на Волчиху. Солнце, невысоко поднявшееся надъ крышами, не успѣло еще осушить росы; роса блистала по травѣ и отъ нея запыленный листъ подорожника казался зеленѣе, свѣжѣе раскидывался и разросшійся у плетня лопушникъ; изумрудомъ отливала полевая даль. Небеса свѣтлѣли — ни одно облако не темнило ихъ; съ высоты неслась переливчатая, замирающая пѣснь жаворонка... Стали подыматься на деревнѣ — заскрипѣли на ржавыхъ петляхъ ворота, забродили бабы съ ведрами и ребятишки, показались мужики съ боронами и сохами, задымились высокія, корзиночныя трубы, замычали коровы, овцы заблеяли, отправляясь на выгонъ — и день деревенскій начался.

— Вишь ты! И угомонъ-то ее не беретъ! замѣтила одна баба другой, видя открытое Волчихино окно, а подъ окномъ красавицу-хозяйку.

Во истину не стало Волчихѣ угомону съ тѣхъ поръ, какъ разбушевалась ея дикая, порывистая страсть. Подступившая весна еще пуще будитъ ея чувства, и жжетъ и волнуетъ... Весна коварная, своею прелестью, всѣмъ обаяньемъ воскресающихъ жизненныхъ силъ, вливаетъ и въ нее свой тонкій ядъ капля по каплѣ...

Вдали послышался колокольчикъ. Звучно, отчетливо отдается онъ, разливается въ тихомъ, утреннемъ воздухѣ. Вотъ слышится стукъ колесъ, быстро летящихъ по гладкоукатанной дорогѣ, слышны лихія покрикиванья... Колокольчикъ ужь звенитъ въ деревнѣ и звонъ его стозвучными отголосками отдается межъ строеньемъ, пыль клубами стелется, а въ облакахъ сѣрой пыли — видно — несется тройка вороныхъ... Волчихѣ знакомы эти вороные, и, высунувшись всею полною грудью изъ окна, она глядитъ на нихъ, прикрывъ отъ солнца рукою свои черные, огневые глаза...

Мимо пролетѣли вороные.

Скоро послѣ того, усталая тройка подъѣхала къ постоялому двору и Алексаха — не прошло пяти минутъ — ужь сидѣлъ у Волчихи и въ ожиданіи чая и закуски бесѣдовалъ съ хозяйкой объ обычныхъ заботахъ дня.

— Теплынь же Богъ далъ! Яровые-то важно пойдутъ у насъ... замѣтилъ ямщикъ, смотря въ окно и отирая рукавомъ рубахи потъ съ лица. — У тебя, Васильевна, подъ стрехой-то тутъ видно много ласточьихъ гнѣздъ? Этакъ онѣ все взлетываютъ?.. спросилъ, немного погодя, Александръ, когда первое его замѣчаніе осталось безъ отвѣта.

— Да, много ихъ у меня. Весь день пискотня стоитъ... отвѣчала хозяйка.

— Куда же это онѣ по осени-то отсюдова улетаютъ? Опослѣ Успенья ихъ, кажись, ужь рѣдко видать... полюбопытствовалъ гость.

— Куда! Въ теплую сторону отлетаютъ: стужи-то нашей онѣ не выносятъ, не въ моготу имъ холодъ-то... А вотъ какъ потеплитъ — онѣ опять сюда, по гнѣздамъ! объяснила Волчиха.

Ласточка, между тѣмъ, то и дѣло отлетала изъ-подъ навѣса соломенной крыши и снова возвращалась съ сухою травкой въ клювѣ, съ соломенкой или кусочкомъ глины. Починкой своего гнѣздышка занималась пичужка: зимніе вѣтры, знать, его поиспортили.

Волчиха пригорюнившись сидѣла тоже у окна и грустно-серьезно смотрѣла на доканчиваемый кошелекъ, лежавшій у нея на колѣняхъ.

— Экой мѣшечекъ нарядный! Мастерица ты, Васильевна! говорилъ Александръ, любуясь на гарусныя при-

вѣски. — Красиво больно! Ловка, ловка... Для кого это сбираешь-то?

— А угадай! предложила хозяйка — и при этомъ мимолетная улыбка скользнула по ея губамъ и изчезла, какъ внезапно исчезаетъ быстро бѣгущая по полю въ вѣтряный день тѣнь отъ облака.

— Я тѣ не угадчикъ! отозвался ямщикъ — и довольнымъ, яснымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Волчиху.

— Тебѣ это — на разбогатѣнье! — Хозяйка ласково посмотрѣла на гостя, вздохнула и взялась за кошелекъ.— Обо мнѣ попомнишь, какъ меня не будетъ, молвила она тихо-тихо.

Молодецъ чуялъ, что въ немъ что-то неладное происходитъ: жаль кого-то, чего-то, жутко, не распознать, не опредѣлить заразъ... Смѣшался Александръ: ни тпру, ни ну, какъ говорятъ. Ему давно ужъ хотѣлось сказать Волчихѣ всю правду, да языкъ-то вотъ врагъ нашъ не поворачивался. Алексаха наклонился къ столу.

— Не житье мнѣ безъ тебя, Васильевна!

Сказалъ и вздохнулъ.

Волчиха вспыхнула, схватила его за руку и, стараясь заглянуть ему въ глаза, прошептала:

— И не уходи! Не гоню я тебя...

Черезъ минуту молодой ямщикъ ужъ задыхался въ объятіяхъ Волчихи...

Какъ шальной, возвращался въ то утро Алексаха на Горбачево; безъ угара его одурманило, безъ вина опьянило. Закрывъ глаза, подремывая, лежалъ онъ въ телѣгѣ, жадно вдыхалъ свѣжій воздухъ, прислушивался къ перезваниванью колокольчика, къ шуршанью бубеньчиковъ, — а въ ушахъ его все еще отдавались слова любовныя, поцѣлуи губы жгли, черные, какъ угли, глаза смотрѣли на него нѣжно, ласково, объятія крѣпкія, безумно страстныя, сжимали его и уносили съ земли на небо... Скоро исчезло для него Верейкино и Горбачево, и лѣсъ зеленый на краю дороги и сама пыльная дорога — все исчезло: одна Волчиха виднѣлась ему, словно на бѣломъ свѣтѣ только и были — она да Алексаха...

Съ этого утра дальнѣйшая участь Александра была уже рѣшена: безъ Волчихи не житье ему, сказалъ онъ — и этимъ онъ высказался весь, это былъ приговоръ, который онъ самъ прочелъ надъ собою. Пусто ему стало казаться на Горбачевѣ, прежнее веселье не веселило: душно ему въ родной избѣ, гдѣ прежде такъ вольно дышалось; не вкусны щи, горекъ хлѣбъ для него сдѣлался дома; молоко, которое они хлебали за столомъ съ такимъ апетитомъ, ему теперь въ ротъ не шло; скукой нестерпимой, самымъ глухимъ одиночествомъ, сиротствомъ круглымъ вѣяло на него среди многолюдной семьи. За то какъ же бодро и весело запрягалъ онъ коней, когда надо было

ѣхать на Верейкино, съ шутками пристегивалъ онъ пристяжныхъ и поправлялъ ихъ густыя челки, вытаскивая изъ нихъ репейникъ и траву сухую, поглаживалъ ихъ гривы, а, выѣзжая изъ села, погаркивалъ и, обзывая лошадокъ соколиками и голубчиками, гналъ ихъ во всю прыть по знакомой дорогѣ черезъ лѣсъ; тамъ за лѣсомъ у окна, на постояломъ дворѣ, сидятъ и ждутъ его... И ужь нисколько не мила ему его прежняя милая. Не разъ онъ сравнивалъ съ нею Волчиху и все приходилъ къ одному и тому же результату. «Дарья, раздумывалъ онъ, дѣвка, говорятъ, чистая, неповинная, ну и все... И меня любитъ, міромъ почитаема за свою тихость — да что мнѣ въ ея тихости, когда сердце мое не къ ней лежитъ! Волчиха, говорятъ, съ полюбовниками живетъ, ехидная да шальная она, вишь! Да что... Теперь меня она лаской даритъ. А ни чуточку она не шальная, не ехидная... Дарья, ровно, истуканъ — слова путнаго иной разъ отъ нея недобьешься, а эта — какъ заговоритъ — заслушаешься... Да и наши-то деревенскіе, поди, много лишняго врутъ про нее со злости да съ зависти; она имъ почтенье-то не больно воздаетъ...» А о красотѣ и сравненія Александръ не допускалъ. Даже и враги Волчихи втайнѣ признавали за ней провосходство красоты тѣлесной; за то очень сильно нападали они на ея духовное безобразіе, на ея поведеніе распутное... Александръ прежде боялся

Волчихи, благодаря розсказнямъ, ходившимъ въ околодкѣ; по этимъ розсказнямъ она представлялась ему, дѣйствительно, какимъ-то страшнымъ существомъ, заманивавшимъ своими прелестями людей на погибель. Теперь же онъ видѣлъ, что въ знакомствѣ съ Волчихой, кромѣ пріятности, ничего худого нѣтъ! все цвѣточки и цвѣточки безъ шиповъ и терній. Волчиха на него словно туманъ напустила: Алексаша смотрѣлъ на ея грѣхи и не видалъ грѣховъ...

Съ того утра Александръ не унимался: при первой возможности, въ очередь — не въ очередь, безъ дѣла — за дѣломъ, онъ летѣлъ, сломя голову, на Верейкино и съ замираніемъ сердца останавливалъ взмыленныхъ лошадокъ у знакомыхъ воротъ, радушно передъ нимъ растворявшихся ту же минуту и принимавшихъ его, какъ гостя всегда желаннаго, давно ожиданнаго...

Утромъ ли раннимъ, идя за сохою и поколачивая сошникъ или отбивая косу; днемъ ли, отдыхая на сѣновалѣ и глядя въ щели, черезъ которыя пробивался голубой свѣтъ; вечеромъ ли, возвращаясь съ работы, когда звѣзды дрожали въ далекомъ небѣ и туманы стлались по полямъ; ночью ли, въ часъ, когда неспится, когда со всѣхъ сторонъ несутся полные звуки, скрипъ однообразный коростеля, трескъ сверчковъ неугомонныхъ, стоны иволги — Александръ вспоминалъ и подумывалъ объ

укромной перегородочкѣ на постояломъ дворѣ и о *той*, что сидитъ, быть можетъ, теперь тамъ, ждетъ, гадаетъ: не послышится ли звонъ колокольчика, не покажется ли тамъ, въ синеватой дали, знакомая вороная тройка...

На деревнѣ давно порѣшили, что Сашка Скорбѣевъ избаловался, что пропащій онъ человѣкъ, и сулили всякія бѣды и напасти Алексахѣ и всему его дому.

ГЛАВА VII.

Между подводными камнями.

Хоть для Волчихи и было непріятно присутствіе Косматаго, но оттолкнуть его совсѣмъ она не могла. Во-первыхъ, тяготившая ее связь представлялась ей крѣпкою, и рвать ее казалось дѣломъ опаснымъ. Затѣмъ, какъ бы то ни было, въ глубинѣ души она уважала Косматаго, уважала въ немъ просто человѣка и человѣка любящаго и сильно и искренно. Онъ былъ грѣшонъ, но силенъ; а тотъ *другой*, болѣе милый ея сердцу, былъ слабъ, шатокъ, гнулся, какъ гнется тростникъ прибрежный подъ дуновеніемъ вѣтровъ. И такъ, Волчиха стала разыгрывать опасную игру, желая удержать при себѣ Косматаго, какъ вѣрную собаку, удержать такъ, чтобы не дать ни малѣйшаго повода къ подозрѣніямъ, — и не

разставаться съ Сашей, который становился для нея все милѣе и дороже: мила была его неопытность, дорога была его прямота и откровенность...

Разъ вечеркомъ, вмѣсто того, чтобы прокатить мимо постоялаго двора, Александръ оставилъ коней на концѣ деревни, а самъ пѣшкомъ направился по задворкамъ къ Волчихѣ, въ той мысли, чтобы нагрянуть на нее нечаянно, напугать и обрадовать. «Ждетъ, поди, голубка!» думаетъ онъ, а самъ осторожно потрогиваетъ въ карманѣ леденцы, которые купилъ въ подарокъ для Дуняши. Онъ перелѣзъ черезъ невысокій плетень и, коноплянникомъ дойдя вплоть до избы, подкрался къ окну и остановился подъ нимъ: послушаю, дескать — нѣтъ ли кого?

Тихо. Волчиха недовольнымъ тономъ говоритъ:

— Полно тебѣ блажить-то, Митюха! Вѣдь ужь затянетъ какъ одну пѣсню, такъ и тянетъ ее, тянетъ — инда одурь возьметъ, слушать тошно...

— А ты не балуй не въ свою-то голову. Вотъ что! Этакъ поздоровѣе будетъ... слышитъ Алексаха — отвѣчаетъ ей Косматый своимъ грубымъ, размѣреннымъ тономъ.

И послѣ недолгой паузы слышится поцѣлуй, другой — затѣмъ легкій шорохъ...

— Ну, пусти! говоритъ Волчиха, переводя духъ.

Александръ мнетъ и ломаетъ въ карманѣ леденцы: кипитъ у него въ груди — онъ дрожитъ и не знаетъ,

что ему дѣлать: войти или нѣтъ? Что сказать? Съ чего начать? «А-а? Вотъ она — Волчиха-то! Чортъ въ ней, говорятъ, сидитъ... не узнаешь ее. А-а! Ну хорошо! Ладно!» Съ горькою умѣшкой сжимаетъ губы Александръ; самъ трясется — сердце щемитъ, холодно и жарко ему, тяжело — хоть плачь! не до смѣха бѣднягѣ! Воспоминаніе о первой, роковой встрѣчѣ съ Волчихой, о первой порѣ ихъ знакомства, ропотъ и жалоба на то, что поддался искушеніямъ хитрой, распутной бабы, сожалѣніе о потерѣ покоя и довольства собой — все это быстрѣе молніи мелькнуло въ его головѣ. Отошелъ онъ машинально отъ окна и, перелѣзши плетень, принялъ твердое намѣреніе не приближаться болѣе къ постоялому двору.

— Чортъ съ ней! Дьяволъ съ ней! Провались я... Ахъ, она окаянная, окаянная! шепталъ онъ, придя къ лошадямъ и подтягивая черезсѣдельникъ.

Онъ сказалъ самъ себѣ, что нога его не будетъ на постояломъ... Гналъ Александръ свою тройку, какъ бѣшеный, — чуть не загналъ, и хмурымъ на этотъ разъ воротился домой, съ глубокою ненавистью вспоминая тѣ минуты, когда онъ такъ чистосердечно ласкался ко лживой Волчихѣ, со стыдомъ припоминая о томъ, какъ довѣрчиво онъ слушалъ ея льстивыя, обворожительныя рѣчи, въ которыхъ все была одна ложь съ начала до конца. Но сильнѣе стыда грызло его сердце отчаяніе, тупое, глухое отчаяніе; что

онъ считалъ бѣлымъ — оказалось чернымъ... Горькое сознаніе, что Волчиха — уже не его, давило Александра: вѣдь онъ обѣщалъ ее не видать, не слыхать ея вкрадчиваго голоса: она — ехидная. «Зачѣмъ она такая? Зачѣмъ ехидная? Эхъ, если бы она была путная, если бы да понимала она любовь Александрову!» — Охо-хо! мыслено восклицалъ парень.

Прошелъ день, прошелъ другой. Алексаха не проклиналъ ужь болѣе Волчиху, а только сѣтовалъ и жаловался; онъ не рвался, не метался, не швырялъ полѣньями въ собакъ, не раздергивалъ до крови трензелемъ морды лошадямъ, а ходилъ, опустя голову и руки, весь опустившись... «А то, можетъ быть, ему послышалось? Можетъ, и поцѣлуевъ-то никакихъ не было? Гм. Ну, нѣтъ! Уши-то у него, слава Богу, не закладываетъ... не оглохъ еще онъ! А можетъ... Любопытно бы знать, что̀ скажетъ она въ свое оправданіе! Заплачетъ, поди... каяться будетъ, прощенья молить станетъ! А то отговариваться, пожалуй, начнетъ? Ничего, скажетъ, знать не знаю, вѣдать не вѣдаю! Что ты, скажетъ, сердечный, промѣняю ли я тебя на кого другого! Гм!» Такія вотъ думы сталъ нашептывать ему, пріятно для него звучавшій, голосъ. Этотъ голосъ шелъ даже и далѣе продположеній: «Съѣзди! Узнаешь все порядкомъ, увидишь — что дѣлать надо, такъ и сдѣлаешь». Другой же голосъ пѣлъ иное: «Полно, не

ѣзди, сдержи свое рѣшенье! Не вѣрна она тебѣ... Обманываютъ тебя, какъ дурачка; за носъ водятъ. Будь разуменъ — не поддавайся бабѣ! Чего ты позабылъ на Верейкинѣ?, Плюнь да и пошли все къ чорту!...» Къ этому голосу Алектандръ сначала прислушивался охотно, радуясь въ душѣ тому, что̀ слышитъ...

Впослѣдствіи Александръ все болѣе и болѣе сталъ прислушиваться къ первому голосу. А тотъ говорилъ; «Ну, если не правда все это худое, что̀ ты думаешь о Волчихѣ? А ну, какъ она тебя любитъ, а ты попусту куражишься — золотое времячко тратишь, серчаешь, дуешься, счастье изъ рукъ упускаешь? Не досадно ли будетъ потомъ? Не покаешься ли, что ужь очень придирчивъ да скоръ былъ? Опомнись же, покуда не поздно; пользуйся счастьемъ, доколѣ оно еще у тебя!» Но эти хорошія рѣчи перебивались ядовитою ироніей: «Что же, ступай, дитятко! Посмѣются надъ тобой тамъ до-сыта. Помажутъ тебя по губамъ, какъ несмысля-дурачка... А уѣдешь — послѣ тебя тамъ поднимется милованье да цѣлованье — а ты думай: вотъ, молъ, она какая добрая, хорошая!» Злобно смѣялся непріятный голосъ и смѣхъ его раздражалъ Александра. А первый — только знай нашептывалъ: «Ой, паренекъ, каяться будешь! Близокъ будетъ локоть да не укусишь! Что̀ въ руки дается, то и держи...»

Результатомъ такихъ колебаній было то, что черезъ

три дня — рѣшенія: не ѣздить на Верейкино — какъ не бывало, а на четвертый день ввечеру Алексаша подъѣзжалъ ужь къ постоялому на всѣхъ рысяхъ.

Сухо обошелся онъ съ Волчихой, не шутилъ съ ней, и на ея вопросъ: «что новаго» — отвѣчалъ: «ничего».

Онъ явился сюда не влюбленнымъ ягненкомъ, а грознымъ судіей... Волчиха же, неизмѣнно развязная, прельстительная, какъ и всегда, показывала видъ, что недоумѣваетъ: «За что такая немилость? Али, просто попричтилось!» Алексаха началъ свой допросъ неудачно.

— Сладко же ты цѣловалась... онамеднись! замѣтилъ онъ, бросая злобный взглядъ на Волчиху.

— Когда это? съ изумленіемъ спросила Авдотья Васильевна.

— Во вторникъ, надо быть! прищурившись, объяснялъ гость, повидимому, такъ спокойно, какъ будто бы дѣло шло о чемъ-то совершенно постороннемъ, а не о томъ, что̀ ему три дня покоя не давало, лихорадочно его терзало, мучило, на чемъ онъ едва не помѣшался. Онъ надѣялся совсѣмъ поразить Волчиху такимъ прямымъ приступомъ — и ему уже казалось, что Волчиха, вотъ, сейчасъ такъ и расплачется на то, что онъ клевещетъ, что онъ обижаетъ ее безвинно. «Побойся ты Бога-то, Саша!» скажетъ она и почнетъ умасливать...

— Во вторникъ! отозвалась хозяйка, какъ эхо, удив-

ляясь все болѣе и болѣе. Она, конечно, давно уже догадалась, что Алексаха что-то провѣдалъ, и знала, какъ надо дѣйствовать.

— Да. Съ Митюхой! продолжалъ тотъ добивать Волчиху. — Съ Косматымъ дружкомъ своимъ... добавилъ онъ, задыхаясь, словно бы только что скинулъ огромную ношу съ плечъ своихъ: ноздри пораздулись, глаза горѣли, кулаки судорожно сжимались...

Волчиха поднялась съ мѣста, на которомъ сидѣла сложа руки и смотря пристально на Александра, и холодно-гнѣвно промолвила:

— Ахъ ты, сволочь, сволочь! Низкій ты человѣкъ! Тфу ты! И говорить-то съ тобой послѣ того нечего... Авдотья Васильевна плюнула и ушла за перегородку.

Алексаху совсѣмъ ошеломилъ такой оборотъ дѣла... Вотъ тебѣ отнѣкиванья и извиненья; вотъ тебѣ слезы и упрашиванья! На минуту, подъ вліяніемъ непотухшаго еще гнѣва, скривилъ было онъ губы въ жалкую, презрительную улыбку, да и та мгновенно сбѣжала съ лица, на которомъ кромѣ какого-то отупѣнія, сомнѣнія, нерѣшительности, не выражалось ровно ничего. Нахмурился Алексаха... «А что, если въ самомъ дѣлѣ послышалось!.. За что же я опорочилъ ее? Да... но, вѣдь, я слышалъ!.. Притворяется, поди, надуваетъ! Напускаетъ она на себя... Да изъ-за чего ей такія штуки-то выкидывать? Вольна

она... Полюбился ей Митюха — и кончено! Что я за сокровище для нея такое! Вѣдь, ужь если говоритъ, что любитъ — такъ за коимъ же чортомъ ей врать-то? Право, сласти-то во мнѣ мало...»

Пошелъ Александръ за перегородку не грознымъ уже судьей, а нищимъ, милостыню просящимъ.

— Поѣсть-то дашь? попросилъ онъ мягко.

— Вонъ, на поставцѣ кринка стоитъ.... Али чаю хочешь? Брови Волчихи нахмурены; но, видно, что лежачаго она не хочетъ бить.

— Пожалуй и чаю!...

И долго-долго пришлось Александру самому умасливать Волчиху, долго-долго клялся онъ и клялся-божился въ душѣ, что не станетъ больше подозрѣватъ ни въ чемъ подобномъ Авдотью Васильевну, не станетъ мучить себя.

— Ахъ ты, глупый мой! Ахъ ты, Сашка, Сашка! поздно вечеромъ говорила Волчиха, лаская Александра, разбирая его русыя кудри, утѣшая его, разгоняя его темныя думы.

— Ну, теперь ладно. По-прежнему!... говорилъ ямщикъ, съѣзжая съ постоялаго двора...

А Волчиха думала между тѣмъ: «Осторожнѣе надо: горячъ Саша-то... Ну да Митюха-то еще ничего не гадаетъ»...

ГЛАВА VIII.

Косматый просыпается.

Хотя Волчиха для своего успокоенья и сильно желала подружить Александра съ Митюхой, но такой маневръ неудался ей. На успѣхъ она разсчитывала, имѣя въ виду мягкость и ласковость Алексаши, но тутъ-то съ ея стороны и вышла большая ошибка, очевидно, происшедшая отъ незнанія.

Сбирался разъ Александръ ѣхать домой, на Горбачево, невеселый, хмурый, съ видомъ человѣка, обманувшагося въ своихъ ожиданіяхъ. Митюха сидѣлъ на ту пору у Волчихи и починивалъ своей невѣсткѣ пестерь дырявый. въ которомъ та носила кормъ скотинѣ. Волчиха — замѣтилъ Митюха — была тоже не совсѣмъ въ духѣ. Косматый же, не смотря на то, что, повидимому, очень старательно занимался своимъ дѣломъ, подмѣчалъ все, что̀ вокругъ него происходило; беретъ онъ бересту, а самъ однимъ глазомъ взглядываетъ на Волчиху; распутываетъ веревку руками и зубами, наклоняется, а все-таки присматриваетъ за Александромъ — и такъ-то ловко производитъ этотъ маневръ, что ни Александръ, ни хозяйка не замѣчаютъ его аргусовыхъ взглядовъ. Александръ продолжаетъ хмуриться: онъ то смотритъ сердито

на Волчиху, словно съ укоромъ, то вдругъ переводитъ глаза на Косматаго — а глаза между тѣмъ точно вымолвить хотятъ: «Ну что же? Гони же его! Экій дьяволъ.... Сидитъ себѣ и ухомъ не ведетъ, оборотень».... Волчиха тоже перебрасывается съ нимъ недовольнымъ взглядомъ, ясно говорящимъ: «Что же съ нимъ подѣлаешь? Сидитъ»... Волчиха, мысленно, казалось пожимала плечами и строила гримасы, но такъ какъ она была сдержаннѣе Алексахи, то ея физіономія и не выражала всего того, что крылось въ глубинѣ ея души. За то Александръ — на распашку душа — не умѣлъ скрывать своего неудовольствія: однѣ его надутыя губы говорили краснорѣчивѣе всякихъ словъ... Косматый чуялъ, что было что-то неладно, но Волчиху онъ еще не разгадалъ, да и не разгадать бы ему, еслибы не помогъ самъ Алексаха. Серьезно хмурилъ Митюха брови, разглаживая дранки, и весь, повидимому, погружался въ занятіе.... «Какъ бы подвести такъ, чтобы закрыть это прорванное мѣстечко!» казалась, выражала его думающая, склоненная надъ пестеремъ фигура.

— Ну, запрягать, видно, идти! съ едва слышнымъ полувздохомъ проговорилъ ямщикъ, подымаясь съ лавки и потягиваясь.

Волчихѣ хотѣлось сказать ямщику что нибудь такое, что̀ удержало бы его на постояломъ, но она смолчала, точно чувствуя, что Косматый слѣдитъ за нею.

Ямщикъ порывисто сталъ одѣваться, сердито опоясался своимъ краснымъ кушакомъ и со словомъ «прощенья просимъ» — пошелъ изъ избы.

Волчиха тронулась.

— Подожди! Чего торопишься-то?... сказала она поспѣшно.

— Да чего.... ничего.... объяснялъ Алексаха, нахлобучивая шапку. — Чего ждать-то!...

— Погоди!... Только и сказала Волчиха, только всего и было.

Александръ немедленно уѣхалъ, но для Косматаго было и того довольно: тонъ, какимъ говорила Волчиха при прощаньи съ Александромъ, встревожилъ его не на шутку.

Вечеромъ происходилъ у него крупный разговоръ съ хозяйкой.

— Для коего лѣшаго ты на него лѣзешь-то? Али еще не уходилась. Каждому дурню на шею о сю пору вѣшаешься.... ворчалъ Косматый.

— Да ужь отстань ты, привередникъ! брюзжала Волчиха. — Что ты мнѣ за указъ!... Развѣ ты не видишь, что парнюха-то сохнетъ....

— Ты-то, мотри, не засохни! проговорилъ Митюха передразнивающимъ тономъ и проницательно заглянувъ въ глаза Авдотьѣ Васильевнѣ. — Не сдобровать намъ съ тобой!...

— Ну, затянулъ опять! Охъ ты, прости Господи! Слыхали отъ тебя эту пѣсню-то, не напугаешь.... Вотъ Богъ далъ дитятко непокладное.... Волчиха усмѣхнулась и прихлопнула своего друга по плечу съ тою обычною фамильярностью, которая установилась между ними задолго до описываемыхъ на этихъ страницахъ происшествій.

— Слыхать-то слыхали, да, видно, мало! проурчалъ уже едва слышно угрюмый собесѣдникъ. Брови его не расходились и морщины не разглаживались: успокоительныя средства не достигали своей цѣли — мрачное подозрѣніе, заползшее ему въ душу, взволновало всѣ дикіе инстинкты его грубой, сильной натуры. — Такъ чего же онъ кобенится-то, ты мнѣ-то скажи? Чего онъ рыло-то отъ меня воротитъ? говорилъ, немного погодя, Косматый.

— Чудной онъ такой ужь и есть! Чортъ знаетъ, что у него за повадки такія.... объяснила уклончиво хозяйка. — Блажной онъ — вотъ что!

— И глядитъ-то на меня, ровно съѣсть хочетъ, продолжалъ Митюха — Да, нѣтъ! Шалишь! Не таковскіе.... Коли на то пошло — постоимъ! Кусаться хошь — такъ и у самихъ зубы не вывалились.... погрыземся.

Глаза Митюхи сверкнули недобрымъ блескомъ....

Волчиха содрогнулась: ей стало ясно теперь, что Косматый догадался о многомъ, а въ томъ числѣ и о томъ, что Александръ смотритъ на него, какъ на докучнаго

соперника, на него, на Митюху, который до того времени и вообразить не могъ соперника себѣ въ любви къ Волчихѣ....

Косматый отрекся отъ общественныхъ дѣлъ; много уже сходокъ пропустилъ онъ и именно потому, что не желалъ напоминать о себѣ міру: міръ сильно злобился на него и шли уже толки о томъ, что попу слѣдовало бы заставить Косматаго жениться на дворничихѣ, а не допускать распутства.... Но ни Волчиха, ни Митюха на бракъ не соглашались....

По скорости же опять выпалъ нехорошій случай, который еще болѣе раскрылъ глаза Косматому.

Они — Александръ и Митюха — сидѣли опять у Волчихи. Долгое время не перепадало дождя, цѣлыя недѣли небо оставалось безоблачно, долго стояла томительная засуха, земля потрескалась.... теперь сбиралась гроза. Черныя тучи тяжелыми клубами неслись съ запада, заволакивая небеса....

Волчиха, легко одѣтая, съ распущенными по плечамъ волосами, усталая, сидѣла у окна и, тяжело дыша отъ духоты и жара, лѣниво отмахивалась отъ налетавшихъ мошекъ.... Митюха возился съ старымъ хомутомъ, а Александръ время отъ времени перебрасывался незначительными фразами съ хозяйкой.

Тучи понадвинулись, прогремѣлъ громъ — и небо, изъ края въ край, стало чаще и чаще загораться фосфорическимъ свѣтомъ молній; молнія иногда огневымъ зигзагомъ прорѣзывала густыя облака и мгновенно тухла; то вдругъ все небо, съ тучами и облаками, словно загоралось, зажигалось трепетнымъ сіяньемъ и дрожало. Громъ далекими перекатами расходился въ небесныхъ пространствахъ и отдаленнымъ, глухимъ гуломъ замиралъ въ необъятной вышинѣ, гдѣ одна надъ другой громоздились, ползли тучи.... Приближалась ночь.

Но вотъ страшныя, грозныя видомъ тучи обратились въ сѣрыя, одноцвѣтныя облака — пошелъ дождь.... Въ избѣ сдѣлалось темно. Митюха кончилъ, между тѣмъ, свою работу, пришилъ послѣдній ремешокъ, собралъ дратву, шило, всякіе обрѣзки, вмѣстѣ съ хомутомъ положилъ ихъ на лавку и, словно не замѣчая, какіе нетерпѣливые, недоброжелательные взгляды бросалъ на него молодой ямщикъ — улегся преспокойно на лавку и, подложивъ подъ голову руки, расположился соснуть, очевидно, нисколько не думая убираться ни къ чорту, куда его отъ всей души посылалъ Александръ, ни домой, куда желала бы спровадить хозяйка. Александръ все настойчивѣе и настойчивѣе требовалъ глазами, чтобы Волчиха прогнала безцеремоннаго Митюху, но та мотала головой и оставалась въ нерѣшимости. Наконецъ терпѣніе Александра

лопнуло — произошла сцена подобная прежней, съ небольшими варіяціями.

— Поѣду-ка я! сказалъ ямщикъ притворно-развязнымъ тономъ.

— Здорово поживаешь? отозвалась хозяйка тоже притворно-шутливымъ тономъ, съ шаловливо-серьезнымъ взглядомъ.—На дождь-то глядя? Али до костей-то больно ужь захотѣлось промокнуть?...

— Да ужь что же подѣлаешь? прежнимъ кисло-сладкимъ тономъ проговорилъ Александръ.

Въ голосѣ его звучалъ упрекъ, жалоба звучала, ревность: «Ему или мнѣ надо уйти? Ты его не гонишь? Ну и оставайся. Оставайтесь.... Гуляйте!... Я, вѣдь, не такой нахальный — не разлягусь въ чужой избѣ, вонъ какъ этотъ чурбанъ.... Ну да, хороша же и ты, срамница! А онъ, чортъ.... Точно, дома у себя! Дьяволъ.... Такъ бы и свиснулъ по головѣ-то чѣмъ попало.... Ну да, ладно — гуляйте!... Можетъ быть, Митюха-то здѣсь не одинъ хозяинъ — еще, можетъ, есть.... Нѣтъ! правды-то, видно, и во вѣки вѣковъ не дождаться отъ этой.... Ни на грошъ у нея совѣсти-то нѣтъ.... Смотритъ, вѣдь, такъ, что просто подумаешь: ей, и въ самомъ дѣлѣ, дѣлать нечего.... А сказала бы: «убирайся, молъ, къ лѣшему!» Вотъ бы и весь сказъ! А-то какъ же! Нельзя никакъ: Митюша огорчится....

Черти! Окаянные!» Въ продолженіе этого продуманнаго монолога, Александръ сталъ одѣваться.

— Да ты одурѣлъ, что-ли? спросила хозяйка, позабывъ на ту минуту всю осторожность и помня только, что Александръ опять заартачился и опять хлопотъ будетъ много.

— Ну, и одурѣлъ! отозвался ямщикъ съ такимъ видомъ, будто сказать хотѣлъ: «О насъ нечего безпокоиться! Мы такіе ужь и есть — въ пренебреженіи находимся....»

Александръ вышелъ. Вышла за нимъ Волчиха.

— Чего ты манишь-то, полоумный! Дурака-то изъ себя для чего строишь? говорила она внушительно, остановившись въ сѣняхъ и плотно прихлопнувъ въ избу двери, въ то время, какъ Александръ взнуздывалъ лошадей и ругалъ коренника «бревномъ», а пристяжныхъ величалъ «вислоухими» и «одрами»....

— Счастливо оставаться! крикнулъ онъ, взбираясь на телѣгу и точно не слыша, что ему говорятъ съ крылечка шопотомъ, но очень, очень выразительно.

— Полно ты.... послушай-ка.... вѣдь я.... постой!... начала было Волчиха, смахивая слезу, но, видя, что тройка все-таки рванулась съ мѣста, пошла въ избу, гдѣ Митюха сидѣлъ уже на лавкѣ, свѣсивъ ноги и свирѣпо смотря то въ окно, то на дверь.

«Что это она? разсуждалъ Косматый самъ съ собою. Побѣсить меня, что ли хочетъ?... Нѣтъ — не то.... раздавлю я ихъ....» Митюхѣ казалось невѣроятнымъ, чтобъ Волчиха промѣняла его на какого нибудь пащенка, въ родѣ Алексахи; ему невѣроятнымъ казалось, чтобы Волчиха *могла* — хотя бы даже и захотѣла — полюбить другого; будь тотъ другой хоть семи пядей во лбу.... Но, между тѣмъ, факты противорѣчили его убѣжденіямъ, его вѣрѣ. Зачѣмъ это уговариванье, откуда эта боязнь за Алексаху? Что̀ они тамъ говорятъ въ сѣняхъ?

Послышавъ за дверями шорохъ, онъ опять повалился на лавку и принялъ прежнее положеніе, а Волчиха, придя въ избу, не пошла къ Митюхѣ, а скрылась за перегородку. Косматому чудилось, что она стоитъ тамъ у окна и смотритъ на отъѣзжающаго Алексаху—и какъ смотритъ! Косматому представился тотъ взглядъ, грустно-ласковый, жалѣющій, тоскливый, который посылала она на прощанье въ слѣдъ удалявшейся телѣгѣ — и этотъ воображаемый взглядъ привелъ Митюху въ ярость. Онъ скрипнулъ зубами и судорожно потянулся на лавкѣ и спихнулъ ногами хомутъ на полъ.... Ему почудилось послѣ того, что Волчиха за перегородкой тихо вздохнула — по крайней мѣрѣ, онъ ожидалъ услышать вздохъ.... Наконецъ Митюха всталъ, пододвинулся къ столу и, опершись на него, положилъ на руки свою косматую голову.... Явилась Волчиха.

Тутъ Митюха не удерживался долѣе и излилъ всю свою ярость, высказалъ всѣ подозрѣнія грубо, безъ обиняковъ; ругалъ, клялъ все и вся, божился, что душу вытрясетъ у «этой сволочи», которая повадилась столь часто посѣщать постоялый дворъ, грозилъ и Волчихѣ.... Авдотья Васильевна, по обыкновенію, обзывала его бѣшенымъ, весьма краснорѣчиво доказывая всю ошибочность, всю несправедливость его подозрѣній; съ жаромъ, который придается страхомъ близкой и великой опасности, показывала она смѣшную сторону его мнительности, выражая ту мысль, что онъ, Митюха, принимаетъ за человѣка простое чучело.... Она просила не тревожиться и не тревожить ее пустыми страхами, не смѣшить ее глупыми выходками, предлагала ему вмѣстѣ съ нею лучше потѣшиться надъ молодчикомъ и увѣряла, что игра съ «этимъ парнемъ» ей стала уже наскучать и что скоро настанетъ тотъ день, когда она его прогонитъ.

Косматый слушалъ; многаго не слыхалъ, не понималъ, къ чему все это говорилось, но, узнавъ о намѣреніи Волчихи развязаться съ Александромъ, онъ немного поукротился и заставилъ замолчать расходившееся, было, чувство.... Да и Волчиха блистательно выдержала свою трудную, тяжелую роль. Она переломила себя на этотъ разъ: ей плакать хотѣлось съ досады, что планы ея все разстраиваются, что вражда между соперниками не умаляется,

а напротивъ разгорается все сильнѣе, все жарче, такъ что въ печальной перспективѣ ей представлялся горькій исходъ, крушеніе всѣхъ ея надеждъ и желаній.... Но теперь, переломивъ свое горе и видя, что ей удалось уломать Митюху, она повеселѣла и ей было уже не трудно пѣть и шутить со старымъ любовникомъ....

Волчиха ласками своими къ утру слѣдующаго дня заставила Митюху совсѣмъ почти забыть непріятности дня прошедшаго....

ГЛАВА IX.

Пристань недалеко.

На Горбачевѣ парень опять мучится и проклинаетъ. Проклинаетъ онъ Волчиху, «тварь двуличную, подлую обманщицу»; проклинаетъ Митюху, отжиливающаго у него красавицу-дворничиху; проклинаетъ себя за то, что онъ не можетъ удержаться на своемъ рѣшеніи: порвать всякую связь съ Волчихою....

«Поди-кось они вечо̀ръ посмѣялись всласть надо мной, окаянные! Не переждалъ таки — уѣхалъ....» Такъ самъ себѣ Александръ бередилъ больную рану, и съ дикимъ наслажденіемъ ощущалъ эту боль. «Потѣшились они!

Нѣтъ, теперь ужь полно — не загляну на Верейкино!... Провались оно совсѣмъ!»...

Напрасныя пѣни, напрасныя рѣшенья, жесткія рѣчи и проклятья! Ничѣмъ ему не отбиться отъ Верейкинскаго постоялаго двора.... Солонъ, горекъ достался Александру этотъ дворъ, а все-таки онъ плетется къ нему на своей тройкѣ. Думалъ ли онъ, подъѣзжая къ нему въ первый разъ въ ненастную ноченьку наканунѣ Покрова дня, что когда-то этотъ дворъ будетъ играть такую важную роль въ его дотолѣ простой, однообразной жизни безъ волненій и бурь, будетъ любимымъ предметомъ его думъ, его мечтаній? Думалъ ли онъ въ ту непогожую ночь, что онъ похоронитъ здѣсь свой покой, счастіе своей невѣсты, благосостояніе и добрую славу свою и своей семьи? Думалъ ли онъ, что съ той ночи начнется для него лихорадочное, тревожное житье, станутъ выпадать на его долю минутныя радости, сладкія, безумныя и, въ безуміи своемъ, упоительныя, что горе и разочарованіе будутъ грызть его молодое сердце, что онъ будетъ горѣть огнемъ несгараемымъ, мучиться, какъ въ аду? Если бы его предупредили, что̀ ждетъ его въ будущемъ, если бы какой нибудь пророкъ приподнялъ таинственную завѣсу съ дней грядущихъ и показалъ бы, что̀ за ней таится — отказался ли бы онъ переступить роковой порогъ и просить пристанища въ томъ вертепѣ, въ кото-

ромъ въ ту ночь шла такая шумная, неистовая оргія? Нѣтъ, не отказался бы Александръ перенести дни мученій за минуты блаженства....

И вотъ онъ опять у Волчихи.

Волчиха первая начала разговоръ, попрекнула его тѣмъ, что онъ опять за старое принялся, что какъ ему не совѣстно обижать ее, бѣдную, что и такъ ужь она отъ всѣхъ въ загонѣ, что онъ пожалѣлъ бы ее лучше, чѣмъ за-одно съ людьми въ слезы вводить....

— Такъ чего же ты не прогнала-то его? спросилъ унылымъ тономъ ямщикъ. — Ровно, ты боишься его; ровно, онъ у тебя здѣсь хозяинъ.... Развалился и знать ничего не хочетъ.... разобиженнымъ тономъ продолжалъ Александръ, надувая губы.

Тонъ его рѣчи напоминалъ капризнаго ребенка, который плакалъ, плакалъ до надсады, до боли, а потомъ, утомившись, тихо всхлипывая, обратился къ нянькѣ съ брюзгливымъ вопросомъ....

— Ахъ, вотъ оно что! протянула Волчиха и невольно улыбнулась, видя, какъ надулся ея милый возлюбленный Алексаша, этотъ бѣдовый ребенокъ. — Эхъ, ты! Ну, такъ слушай же! У меня, видишь, съ Митюхой дѣла — денежныя дѣла. Дворъ-то, вѣдь, не нашъ.... Ты какъ думалъ, ась? Его окупать еще надо, а ночлежниковъ-то, самъ знаешь, сколь много! Покойникъ мужъ-то

на купеческія денежки дворъ-то построилъ.... Платить надо, значитъ.... Вотъ Косматый-то по старой дружбѣ къ покойнику и даетъ мнѣ въ долгъ понемногу — и на томъ спасибо ему! Безъ него бы мнѣ что?! Послѣднее дѣло — какъ есть послѣднее! Такъ пойми: человѣкъ онъ нужный; съ нимъ нельзя обращаться по собачьи-то, какъ попало.... Онъ захочетъ, такъ и со двора-то меня стуритъ, знаешь ты?... А ты еще говоришь, чтобы я прогнала его! Дурень! Много тебѣ пользы-то, что я нищенкой буду? А? Весело тебѣ станетъ, какъ меня въ острогъ-то засадятъ за желѣзную рѣшетку?... Не хотѣлось мнѣ говорить-то тебѣ этого, смущать тебя не хотѣлось—никому я этого не говорю.... ну да ужь!... У тебя не сыщется ли 15 рублевъ? — мнѣ бы теперь больно надо!... Нѣтъ, поди?... Что̀ говорила Волчиха насчетъ долга — то вѣрно, но невѣрно то, что̀ будто бы платилъ Косматый.

— Гдѣ тутъ 15 рублевъ.... откуда мнѣ ихъ взять? уныло отвѣтствовалъ Алексаха.

Конечно, для того, чтобы освободить Волчиху изъ-подъ зависимости Митюхи, изъ подъ зависимости нужды, онъ, не колеблясь, отдалъ бы все, что̀ у него есть и будетъ. Но такъ какъ у него ничего пока не имѣется, то и приходится смириться и смотрѣть на Косматаго, какъ на благодѣтельнаго генія, хранящаго для него Волчиху. Хотя этотъ геній и былъ сильно

Александру не по вкусу, да что же дѣлать! Чтобы сталось съ нимъ, съ горемычнымъ, если бы да исполнились слова Волчихи, если бы посадили ее за желѣзную рѣшетку! Нѣтъ, пусть ужь остается Косматый благодѣтелемъ....

— А онъ, кажется, къ тебѣ того.... льнетъ то есть.... потому.... съ запинкой спросилъ Александръ.

— Мало ли что онъ льнетъ! отвѣчала Авдотья Васильевна.—Да я-то къ нему не такъ, чтобы.... Да онъ, вишь, получше тебя будетъ, не мучитъ меня. Не тычетъ онъ мнѣ подъ носъ, что, молъ, у тебя полюбовники, что такая ты сякая, негодящая.... Знай себѣ — молчитъ! Не приступаетъ ко мнѣ съ допросами.... И съ тобой онъ — ничего.... А ты! И-ихъ ты, неблагодарный! Ты то сообрази: онъ твою любовницу содержитъ.... при этомъ Волчиха нѣжно поласкала Алексашу, поласкала такъ, какъ умѣла ласкать, когда хотѣла.... Отъ ласки этой растаялъ молодецъ совсѣмъ.

— Да, вѣдь, все же, Дуняха, могъ онъ уйти въ тотъ разъ? говорилъ онъ поразвеселившись.

— Саша! дождь, вѣдь, шелъ.... Вспомни-ка, непогодь какая поднялась на ту пору. Добрый хозяинъ собаки на дворъ бы не выгналъ.... Какой же ты немилостивый! внушительно замѣтила Авдотья Васильевна. — Да къ тому же у него и дома-то что-то неладится: онъ на

брата да на семью его все работаетъ, рукъ не покладаетъ, самъ, поди замѣтилъ — все за дѣломъ корпитъ — а невѣстка, слышь, щей ему безъ воркотни не нальетъ.... Маёта! Не весело ему дома-то.... Вотъ онъ и ходитъ сюда.... Вонъ и образъ свой ко мнѣ на божницу принесъ: пусть, говоритъ, у тебя, Васильевна, стоитъ.... Хорошій, вѣдь, онъ человѣкъ, ей Богу.... Только съ виду-то суровъ ужь оченно.... Ты все, Саша, дуешься на него, а онъ — вотъ тѣ Христосъ — къ тебѣ ничего.... Никогда не хаетъ.... А ужь роденька у него — животныя неблагодарныя, просто — гады!...

Смягчившемуся Александру стало даже жаль Митюху, такъ красно описала Волчиха его горе-горькое житье въ домѣ брата, несправедливыя нападки на него деревенскаго міра, которымъ онъ подвергался, какъ бы въ благодарность за свои услуги и старанье. Александръ досталъ съ божницы старый, почернѣлый образокъ, на которомъ былъ представленъ Димитрій Солуньскій, скачущій на бѣломъ конѣ.

— Гм! Я думалъ, ворчалъ Алексаха себѣ подъ-носъ, разсматривая образокъ, — я думалъ, что онъ.... а онъ вотъ.... гм! Ну, пусть его....

Волчиха угомонила своего юнаго любовника....

Но дѣйствительность доказываетъ, что людскіе планы часто — утопія, что желанія часто — иллюзія....

ГЛАВА X.

Прекрасный вечерокъ.

— Кони-то у тебя сегодня, кажется, не больно упарились.... Прокати-ка, Саша! говорила Александру Волчиха подъ вечеръ одного яснаго іюльскаго дня, сидя съ нимъ въ избѣ подъ раскрытымъ окномъ и глядя на заманчиво-извивавшуюся и пропадавшую въ дали дорогу и на голубыя, безоблачныя небеса, прозрачныя, тихія, привольно раскинувшіяся надъ мирными вѣсями....

Митюха въ тотъ день ушелъ въ городъ и ранѣе завтрашняго дня быть не обѣщалъ; Авдотья Васильевна, давно уже искавшая удобнаго случая покататься на вороненькихъ, не могла теперь отказать себѣ въ удовольствіи.

— Куда же мы съ тобой покатимъ? съ видимымъ удовольствіемъ спросилъ молодой ямщикъ.

— Все равно.... хошь туда, по дорогѣ къ Осинскому лѣсу....

— Ладно!

По уговору Александръ уѣзжаетъ впередъ, за нимъ, уже немного погодя, выбирается Волчиха, запираетъ свой дворъ большимъ замкомъ, и спокойная и довольная идетъ по деревнѣ. Не поѣхать же съ Алексашей отъ самого

двора, а выйти пѣшкомъ изъ деревни и уже за поворотомъ дороги сѣсть въ поджидавшую ее телѣгу — было благоразумною мѣрой предосторожности, если взять въ расчетъ длинные, преболтливые бабьи языки. Когда встрѣтившаяся съ ней при выходѣ изъ деревни старушонка спросила ее: куда она, лебедушка, путь держитъ? Волчиха за-просто объявила, что телушка у ней пропала, вотъ ужь четвертую ночь съ выгона не приходитъ, не ночуетъ дома, такъ она, Волчиха, пошла, значитъ, поискать ее по сосѣднимъ деревнямъ.... Старуха, выслушавъ такое объясненіе, протянула «тэ-экъ», и пошла своею дорогой, намѣреваясь разсказать на деревнѣ о пропажѣ, случившейся у Волчихи. Авдотья Васильевна пошла своею дорогой.

Волчиха была счастлива, сбылось все то, о чемъ она мечтала. Она не желала лишаться ни Александра, ни Митюхи — и не лишилась ихъ, погналась за двумя зайцами и обоихъ поймала.... Вотъ отчего такъ бодро, легко шла она по окраинѣ пыльной дороги. Вотъ отчего такъ весело, довольно, немного прищурившись, оглядывалась она по сторонамъ на желтѣвшіе овсы, на суслоны ржаные, растрепанными шапками торчавшіе тамъ и сямъ по колючей жнивѣ! Вотъ отчего съ такимъ наслажденіемъ впиваетъ она въ себя полною, здоровою грудью благоуханный іюльскій воздухъ!...

Быстро мчалъ ямщикъ Волчиху на своей лихой тройкѣ проселкомъ къ Осинскому лѣсу. Въѣхали они въ лѣсъ— дорога сдѣлалась неровна; выбившіеся изъ-подъ земли корни старыхъ деревъ, тряскія кочки, поваленные пни, разросшійся кустарникъ съуживали и безъ того не широкую дорожку.

— Знаешь ли, Дуня, говорилъ медленно, какъ бы раздумывая и припоминая что-то, Александръ, оборачиваясь къ Волчихѣ съ края телѣги. — Знаешь что! Иногда этакъ поразмыслишь, раздумаешься по малости — тошно даже станетъ.... Подумаешь такъ: возьметъ кто ни на есть да и разлучитъ насъ съ тобой.... Никто про тебя мнѣ и вѣсточки не подастъ.... Страхъ да и полно....

— Выдумщикъ ты, Сашка! посмѣялась Авдотья Васильевна. — Пустое все....

— Такъ-то и я думаю, — да, вѣдь, что подѣлаешь. Иной часъ и не то еще въ башку-то лѣзетъ.... Ну да, эхъ вы, соколики! прикрикнулъ ямщикъ — и лошади рванули и понесли телѣгу изъ лѣса, и запрыгала телѣга по кочкамъ и пнямъ.

— Не задѣнь, смотри! Вонъ какой все кочажникъ.... предостерегала его Волчиха.

У самой опушки лѣса Александръ остановилъ коней.

— Пускай передохнутъ! сказалъ онъ, слѣзая съ телѣги и намѣреваясь поправить сбившуюся на кореннику

шлею и пообтереть пѣну съ боковъ тяжело дышавшихъ лошадокъ.

Волчиха тоже сошла и ласково трепала пристяжную по шеѣ, гладила по мордѣ, разбирала ея волнистую гриву. Умно смотрѣлъ Воронко на Волчиху своими большими карими глазами и помахивалъ головой, словно благодаря ее за ласку.

— Вечерокъ-то сегодня какой прекрасный! начала Авдотья Васильевна, засматриваясь на развернувшуюся передъ нею великолѣпную картину тихаго, благодатнаго, лѣтняго вечера....

Картина была написана живыми, самыми свѣжими, яркими красками....

Но западъ тухнетъ, блѣднѣетъ, звѣзды ярче блестятъ и дрожатъ въ потемнѣвшемъ небѣ, лѣтняя луна во всемъ своемъ блескѣ выплываетъ изъ-за лѣса, весь ландшафтъ подергивается серебристымъ сіяньемъ....

Пока лошади щипали сочную траву, Волчиха съ Александромъ сидѣли подъ навѣсомъ стараго дуба. Мало они говорили....

— Ну, Дуня! говорилъ ямщикъ, опьянѣвъ отъ наслажденій. — Для того, чтобы мнѣ теперича разгуляться — нужно широкое мѣсто, больно широкое.... Земли мало — вò какъ мы раскинемся!

Александръ привсталъ и оглядывался по сторонамъ.

— Иди! куда ты? Посидимъ еще.... предложила Волчиха, полулежа и теребя мохъ.

Александръ тотчасъ же очутился подлѣ нея. Крѣпко прильнулъ онъ къ ея груди и всѣ муки, всѣ пытки забылъ въ тѣ мгновенья.... Теплый ночной вѣтерокъ проносился надъ землею и взбивалъ бѣлокурые волосы юноши, смѣшивая ихъ съ черными, смоляными волосами Волчихи....

— Обними, обними же меня! лихорадочно, страстно стонетъ-молитъ Александра Волчиха, и обвиваетъ вокругъ его шеи свои горячія руки.

Вѣтерокъ разноситъ цвѣточные ароматы и обвѣваетъ ихъ лица.... На нихъ падаетъ мѣсячный, трепетный свѣтъ....

— Ну вы, родимые! Эхъ вы, голубчики! Несите, выносите! покрикиваетъ ямщикъ на лошадей, и телѣга летитъ въ полупрозрачномъ сумракѣ по полямъ и лугамъ, по которымъ кое-гдѣ въ ложбинкахъ стелется и ползетъ передутренній туманъ.

Крики ямщика будятъ спящую окрестность, будятъ не добудятъ: крѣпко спятъ люди, вкушающіе, по заповѣди Божіей, хлѣбъ свой въ потѣ лица.... Воздухъ посвѣжѣлъ; на востокѣ позолотилось.... Сѣроватая пыль, поднимаемая телѣгой, не вьется, не поднимается уже клу-

бами, но ползетъ низко въ сторону и скоро опускается на мураву и жниву, окропляемыя росою....

Недоѣзжая версты до Верейкина, Волчиха простилась съ Алексашей, тихо вступила въ спящую деревню и подошла къ своему двору.

Подошла и чуть не вскрикнула отъ изумленія и страха....

ГЛАВА XI.

Послѣдній разговоръ.

Сломанный замокъ валялся на землѣ, одна половинка воротъ стояла настежъ.... «Воры!» подумала было Волчиха, но потомъ цѣлый рой подозрѣній, догадокъ, одна другой мрачнѣе, закопошились въ ея головѣ.

Остановившись у крылечка, при помощи слабаго свѣта, пробивавшагося мѣстами сквозь соломенную крышу двора, она замѣтила какую-то тѣнь, тихо двигавшуюся въ дальнемъ углу, тамъ, гдѣ по лѣту стоятъ безъ всякаго употребленія старыя сани, дровни, лежатъ лопаты, вилы, негодящаяся сбруя, гдѣ, обыкновенно, куры основываютъ на теплую пору свое мѣстопребываніе.

— Кто тутъ? окликнула Волчиха, берясь за скобку двери.

Тѣнь отшатнулась въ сторону и начала затаптывать ногами тлѣвшуюся на землѣ тряпицу.... Заблистали искры и забѣгали... Екнуло сердце у Волчихи; она признала Митюху.

— Митюха, ты что ли? Тебѣ чего тутъ? крикнула опять Авдотья Васильевна, машинально выпуская изъ рукъ дверную скобку.

Тѣнь, молча, приближалась къ ней.... То былъ, дѣйствительно, Митюха, но Митюха болѣе блѣдный, съ болѣе всклокоченною головой, чѣмъ обыкновенно: походка его была попрежнему ровна, тверда, спокойна — и отъ этого спокойствія вѣяло холодомъ....

— Что же ты, неслухъ, не отликаешься-то? спросила хозяйка.

— Пусти! проурчалъ Косматый, отстраняя ее рукой, и вошелъ въ избу.

— Да чего тебѣ?... Что ты?...

Волчиха чувствовала, что смущалась и никогда еще не ощущала она такого непреодолимаго страха къ Митюхѣ, какъ теперь.... Его ледяное спокойствіе лишало ее силъ....

— Я за образомъ пришелъ! проговорилъ Митюха, полѣзъ къ божницѣ и снялъ свой образъ.

Обтирая пыль съ почернѣвшаго лика Дмитрія Солуньскаго, Косматый долгимъ, долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Волчиху.... Волчиха продолжала безсознательно дѣлать

вопросы; Митюха не отвѣчалъ, а все смотрѣлъ и смотрѣлъ на нее... Наконецъ губы его зашевелились.

— Скоро вы ѣздите, Авдотья Васильевна! Хорошо катаетесь!... прошипѣлъ онъ. Зубы опять стиснулись, словно каждое произносимое имъ слово причиняло ему страшную боль....

— Я бы придушилъ тебя... продолжалъ Митюха тѣмъ же ровнымъ, спокойнымъ тономъ, какъ и прежде.

Волчиха трепетала: ее било, какъ въ лихорадкѣ.... Оправдываться передъ Митюхой ей и въ умъ не приходило; ни къ чему бы не повело....

— Хотѣлъ, было, я дворъ запалить.... ну да.... началъ, немного погодя, Косматый.

Люди, подобные Волчихѣ, послѣ мгновеннаго смущенія приходятъ въ страшное бѣшенство, когда видятъ, что то, до чего они уже достигали, вырвано у нихъ и унесено изъ вида вонъ, когда видятъ, что всѣ ихъ старанія остались напрасны, всѣ усилія прахомъ пошли.... Волчиха разсвирѣпѣла: къ ней возвратились ея силы, ея сознаніе и смѣлость....

— Ахъ ты, анафема! яростно возопила она и заблистала своими огневыми глазами на полюбовника. — Чего ты грозишься-то, гадина? Ребятъ стращай!.... Убирайся ты отъ меня къ лѣшему, да и глазъ ко мнѣ больше

не показывай! Чтобы и духомъ твоимъ не пахло здѣсь!... Убирайся!...

— Уйду! прошипѣлъ Косматый и взялъ образъ, который былъ поставленъ имъ на божницу къ Волчихѣ въ то хорошее время, когда постоялый дворъ считалъ онъ своимъ роднымъ угломъ, а Волчиху своею вѣрною, доброю подругой, когда онъ на постояломъ дворѣ за перегородкой въ тихой бесѣдѣ съ любимою женщиной позабывалъ свои непріятности семейныя и тяжкое мірское горе....

Взялъ Митюха образъ и, не глядя ни на что, вышелъ изъ избы.

ГЛАВА XII.

Au claire de la lune.

Мѣсяцъ прошелъ послѣ изгнанія Митюхи....

Съ утра еще ушла изъ дома Авдотья Васильевна за своею холстинкой, которая отдана была въ краску въ деревню, верстахъ въ десяти отъ Верейкина.

Свечерѣло.

Въ воздухѣ вѣяло осенью; пахло поблекшимъ листомъ, завядшими цвѣтами, гарью, дымомъ отъ овиновъ. Въ синевато-туманной дали вспыхивала зарница; полный мѣсяцъ выплывалъ изъ-за Осинскаго лѣса. Наступала теплая, тихая ночь.

Авдотья Васильевна, не торопясь, шла по тропинкамъ. Она разсчитывала: сколько аршинъ крашенины останется отъ сарафана.... Она раздумывала о томъ: отчего такъ долго не видать Алексаши — вотъ ужь скоро недѣля, какъ онъ въ послѣднiй разъ былъ въ Верейкинѣ. «Проѣзжающихъ, видно, не случается.... Работы мало!»

Вдругъ послышался по дорогѣ топотъ на встрѣчу къ Волчихѣ, и черезъ нѣсколько минутъ въ облакахъ пыли остановился передъ нею сотскiй на взмыленной, измученной лошади.

— Васильевна! Это ты? Иди... На слѣдствiе... тамъ вонъ.... Допросы отбираютъ... крикнулъ сотскiй, махая рукой и осаживая разгоряченнаго коня. — У Заполевскаго овражка тѣло нашли.... Становой!... Скорѣе!... и, поворотивъ гнѣдка, онъ полетѣлъ стремглавъ обратно по указанному направленiю.

«Что за притча!» подумала Волчиха, перешла Заполевскiй оврагъ и увидала у лѣсной опушки, на подсѣкѣ, толпу людей, безмолвно стоявшихъ вокругъ чего-то и слушавшихъ одинъ громкiй, повелительный голосъ.

— Онъ у ней, значитъ, приставалъ, что-ли? Скажете ли вы толкомъ-то? громко спрашивалъ говорившiй.

— Это точно, точно! У ней, у самой.... поспѣшно

отвѣтствовали изъ толпы. — Да вотъ и она.... Васильевна сама идетъ....

У Волчихи сердце захолонуло.

Толпа, между тѣмъ, взволновалась, затерла ее незамѣтно въ середину, скоро выдвинула ее впередъ... Оглянулась Волчиха и увидала погорѣлые, выкорченные пни, выжженную землю, головни, груды сушняка и тутъ же между головнями увидала она окровавленный трупъ.... Лучъ мѣсяца скользнулъ по бѣлокурымъ волосамъ, взъерошеннымъ, прилипшимъ къ вискамъ, упалъ на посинѣвшее, искаженное лицо, запятнанное грязью и кровью, палъ на разодранную, сѣрую поддевку и на пеструю ситцевую рубаху.... Упалъ блѣдный, мѣсячный лучъ и на полуоткрытые, потухшіе глаза — и глаза мертвеца при этомъ мгновенномъ, бѣгломъ освѣщеніи, словно моргнули.... Дохнулъ вѣтерокъ — заколыхалась высокая, сочная осока и бросила тѣнь на страшные глаза, тѣнь качнулась и побѣжала по блѣдному лицу....

Нѣсколько секундъ Волчиха стояла недвижима, какъ статуя. Точно прикованная какими-то чарами, не могла она оторвать своихъ глазъ отъ трупа. Волчиха на мгновенье застыла, замерла.... Передъ ней, у ногъ ея лежалъ Александръ бездыханенъ, съ перерѣзаннымъ горломъ....

Волчиха очнулась, повела глазами и уставилась на Косматаго, который стоялъ насупротивъ ея у трупа.

— А-а, дьяволъ! Это ты его.... ты!... съ сосредоточенною ненавистью вскрикнула Волчиха, задыхаясь отъ злобы и отчаянія. — Это ты!...

Въ этотъ моментъ Волчиха забыла, что своими словами она прокладывала Митюхѣ путь дальній, отдавала его въ руки нещадныхъ враговъ, давно уже точившихъ на него зубы, посылала его въ каторгу, лишала верейкинскій міръ заступника и борца... Но вдругъ все это мелькнуло передъ нею....

Отъ ужаса при этой мысли, въ отчаяніи при видѣ убитаго, она застонала и безъ чувствъ повалилась на обожженную землю.

Близко гдѣ-то въ кусту малинника проснулась птичка и чирикнула, за лѣсомъ кто-то гаркалъ свою буренушку, въ лѣсу кто-то аукнулся....

Становой приказывалъ вязать и везти Волчиху и Косматаго, а самъ шелъ къ своему тарантасу....

Толпа молча разступалась....

А ЕЙ ВЕСЕЛО — ОНА СМѢЕТСЯ....

А ЕЙ ВЕСЕЛО — ОНА СМѢЕТСЯ....

(Изъ воспоминаній моего стараго друга.)

I.

Зиму 186* года я жилъ въ городѣ калачей и грязи— жилъ скучно. Скучно жило тогда и все наше общество. Хотя политическія страсти и поулеглись къ тому времени, злые инстинкты поугомонились, но общественный барометръ все еще показывалъ «перемѣнно». Атмосфера была еще тяжела. Дышалось съ трудомъ, жилось вяло и лѣниво, словно нехотя. Сѣрый, сумеречный свѣтъ лежалъ на всемъ — на небѣ, и на землѣ. Иные мудрецы пришли въ ту пору къ тому нерадостному заключенью, что теперь именно настало такое время, когда должно запереться у себя въ комнатѣ, обложиться книгами, запастись бумагой, перьями и думать, мечтать, жить внутрен-

нимъ міромъ, все и вся предать забвенью, отрѣшиться отъ той жизни, что̀ такъ апатически-вяло, какъ въ полуснѣ, вращалась внѣ комнатныхъ стѣнъ. И сидѣли они въ четырехъ стѣнахъ, и ходили они, понурившись и бранясь, изъ угла въ уголъ, не глядючи на божій свѣтъ. А между тѣмъ, эти люди, заживо себя погребавшіе, никогда прежде не склонялись къ мизантропіи. Они еще недавно были свѣжи и молоды, съ силою и упованьемъ они еще наканунѣ смотрѣли въ даль... Да, тогда было тяжелое время, читатель! О немъ — когда нибудь на досугѣ — мы поразскажемъ нашимъ дѣтямъ...

И такъ, я скучно проживалъ тогда въ мертвомъ городѣ.

Въ утро одного воскреснаго дня лежалъ я на диванѣ съ шлоссеровской исторіей XVIII вѣка — и не столько читалъ, сколько раздумывалъ о суетѣ мірской...

До меня долетали звуки фортепіано — я зналъ, откуда летѣли они. Въ одной изъ комнатъ той квартиры, гдѣ я жилъ, обитали студенты: трудящійся людъ, обыкновенно, пѣніемъ и музыкой начиналъ праздничный день. Звуки неслись все громче, все сильнѣе, наконецъ стали упадать все ниже, все тише, тише — и вдругъ раздался мелодичный голосъ, голосъ женскій, молодой и звонкій...

«Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,

Гдѣ роется Терекъ во мглѣ...» пѣлъ голосъ.

Очевидно было, что неизвѣстная пѣвица — не дилетантка. Видимо, что она понимала музыку, мало того — она чувствовала и заставляла чувствовать другихъ, что̀ сама чувствовала и пѣла. Это ужь была сила. Полнота, ясность, отчетливость звуковъ, ихъ необычайная задушевность и теплота заставляли меня поневолѣ до неприличія долго сидѣть надъ одною и тою же страницей почтеннаго Шлоссера. Я слушалъ... Затѣмъ, послѣ царицы Тамары, пѣвица спѣла еще нѣсколько романсовъ... «Что это за ранняя птичка прилетѣла къ намъ?» спрашивалъ я самъ себя.

— Кто это у насъ поетъ тамъ, Анна Семеновна? спросилъ я потомъ свою квартирную хозяйку.

— Пришла тамъ одна несчастненькая... отвѣчала Анна Семеновна. — Въ нашъ домъ она часто заходитъ, все какого-то помѣщика спрашиваетъ... Богъ ее знаетъ! Теперь ее студенты къ себѣ зазвали, тѣшитъ ихъ... Вонъ, слышите, какъ наигрываетъ!... Жалкая такая, молоденькая, воспитанная и все...

«Значитъ, жертва міра нечистаго!» думалось мнѣ — и я продолжалъ допрашивать хозяйку:

— Чѣмъ же она несчастненькая?

— Тронулась... то есть... не въ полномъ! — хозяйка выразительно ткнула себѣ пальцемъ въ лобъ и расширила зрачки.

«Вотъ оно что...» смекнулъ я. Меня заинтересовало. Я просилъ хозяйку доставить мнѣ случай повидаться съ «несчастненькой», поговорить съ нею. Пѣнье въ студенческой кельѣ, между тѣмъ, смолкло; пѣвица ушла — «усвистала», какъ мнѣ доносила потомъ наша вѣчно черномазая работница Марфуша....

Въ воображеніи моемъ уже рисовалось одно изъ тѣхъ милыхъ, слабыхъ созданій, которыхъ бѣда гонитъ къ пропасти разврата, сводитъ съ ума, давитъ, отравляетъ морить угаромъ, сталкиваетъ безвременно въ могилу.

И такъ всегда во всѣхъ концахъ земли....

II.

Утромъ на другой день, когда я сидѣлъ за работой — дверь комнаты тихохонько пріотворилась и въ нее просунулась всклокоченная голова Марфуши.

— Барышня-то здѣсь.... шепнула Марфуша, глупо моргая мнѣ глазами за дверь.

Не успѣлъ еще я ничего сказать, какъ Марфушина голова исчезла, въ ту же минуту дверь настежъ распахнулась и въ комнату весело и легко впорхнула дѣвочка. То была таинственная пѣвица, что̀ наканунѣ такъ меня очаровала своимъ голосомъ.

— Охъ, какъ я озябла! звонко щебетала она, под-

бѣгая къ моему письменному столу. — А у васъ здѣсь тепло.... Хорошо.... Ахъ и печь топится! Здравствуйте! Ахъ.... И пожавъ мнѣ руку, то есть едва коснувшись моей руки своими холодными пальцами, она бросилась къ печкѣ и начала грѣть руки.

Она была такъ оживлена, такъ весела и беззаботно-мила, такъ казалась счастлива, что назвать ее «несчастненькой» было бы вовсе неправдоподобно.

— Ахъ, какъ тепло! Какъ славно! повторяла она, протягивая къ огню свои худенькія, еще дѣтскія ручонки. — Вы, быть можетъ, удивляетесь, что я такъ ворвалась къ вамъ? Мнѣ сказали, что вы желали меня видѣть.... Я помѣшала вамъ? Да? Вы что-то пишете.... Вы меня извините.... пожалуйста.... Прелесть какъ тепло!...

Все это говорилось живо, бѣгло, торопливо и безъ тѣни смущенія.

Я подвинулъ ей кресло къ печкѣ, она сказала мнѣ «merci». Тутъ-то разсмотрѣлъ я мою таинственную пѣвицу.

Это была дѣвочка лѣтъ 16, не болѣе — роста невысокаго, но стройная и изящная. Она съ разу же напомнила мнѣ какую-то прекрасную картину.... Въ наружности пѣвицы отразились отчасти чудныя черты того ветхозавѣтнаго, классическаго типа, которымъ мы любуемся въ Рахили. Но рѣзкій типъ еврейскій въ моей

знакомой незнакомкѣ уже значительно посгладился, смягчился, но все еще напоминалъ о своемъ существованіи; онъ характеристично просвѣчивалъ въ ея выразительномъ, смугломъ личикѣ.... Прямой носикъ, тонкія, розовыя ноздри, полуоткрытыя губы, дышащія страстью, глаза большіе, глубокіе, темные — глаза странъ знойныхъ, роскошный румянецъ на щекахъ, изящно очерченный подбородокъ, лобъ немного выпуклый, брови черныя, черные волоса, — густою волной они падали по спинѣ, разсыпались, спускались ниже пояса. Простая роговая гребенка— отъ сильныхъ и скорыхъ движеній она спускалась низко на затылкѣ и, едва держась, висѣла въ волосахъ.... Гребенка поизломана.... Очень поношенное, черное шерстяное платье; талью слегка перетягивалъ черный же, засаленный поясъ, а смуглую, граціозную шею обвивалъ бѣлый, порванный шарфъ — одинъ конецъ его лежалъ на плечѣ, другой былъ закинутъ за спину и позакрылся волосами.... Вотъ все, что я увидалъ передъ собой при тускломъ сіяніи дня, передъ догорающимъ огнемъ.

— У васъ все книги! говорила гостья, указывая мнѣ глазами на этажерку, всю уставленную книгами. Вы студентъ? Да? У меня много знакомыхъ студентовъ.... Она смотрѣла на горящіе уголья, ея глаза ярко горѣли, щеки пылали.

Я сказалъ ей, что я не студентъ теперь, а что былъ

имъ когда-то, во дни òны, — спросилъ объ ея знакомыхъ. Она назвала мнѣ нѣсколько фамилій. Когда же я освѣдомился объ ея имени, то она очень просто сказала «Marie».

— А отчество? фамилія?

— Да такъ и зовите Marie! Меня все такъ зовутъ, всѣ.... убѣдительно съ улыбкой говорила мнѣ пѣвица. — Что въ имени!... Да вамъ развѣ не нравится?... Отчего? А? Это худо?...

Деликатность не позволяла настаивать. Я совершенно успокоилъ ее, сказавъ, что, дѣйствительно, дѣло не въ имени, не въ словѣ, что все равно, какимъ бы именемъ человѣка ни назвать, только бы отличить его отъ милліоновъ ему подобныхъ. Впрочемъ, послѣ она сказала мнѣ и имя своего отца и фамилію, но я ужь ее не называлъ тогда иначе, какъ Мари. Ея фамилія напоминала фамилію того нѣмецкаго писателя, который дописался нѣкогда до чертиковъ *).

Я опять заговорилъ о студентахъ. Она съ жаромъ принялась мнѣ разсказывать о своихъ знакомыхъ, о братьяхъ — какъ звала она студентовъ.

— Я очень люблю студентовъ, съ теплымъ, искрен-

*) Мой старый другъ нигдѣ не упоминаетъ фамиліи этой дѣвушки: описываемое — недавній фактъ.

нимъ чувствомъ говорила она. — Они всѣ бѣдные такіе, меня любятъ.... Какіе они добрые.... Я у нихъ, какъ дома! Мы учимся, играемъ вмѣстѣ.... Да!... славные, славные люди.... Какъ мы съ ними.... Мари улыбалась, смотря на груды догоравшихъ угольевъ — такъ нѣжно, такъ ласково улыбалась она, вѣроятно, воспоминанію о томъ, какъ любятъ ее братья и какъ пріятно идетъ время въ ихъ честномъ, молодомъ кружкѣ. Такъ думалъ я. Передо мной вдругъ открылся совершенно невѣдомый міръ. Новизна людскихъ отношеній, братство Мари съ молодежью-студентами меня поразили сильно. По ясному, несмущаемому взгляду, по открытому лицу Мари можно было съ увѣренностью полагать, что отношенія къ ней студенческаго кружка вполнѣ чисты и гуманны.

— Иногда они безъ денегъ сидятъ, продолжала Мари, — ну — тогда и мнѣ плохо.... Тогда мы голодомъ сидимъ, съ хозяйкой изъ-за дровъ воюемъ.... Мари надула, было, губки, но черезъ мгновенье оживилась снова. — Мы тогда поемъ: отъ пѣсни какъ будто веселѣе дѣлается — я не знаю, отъ чего это такъ.... Вы тоже не знаете?

— Да тутъ, я полагаю, помогаетъ не столько пѣсня, сколько молодость.... отвѣтилъ я. — Старости веселѣй не станетъ — запой она хоть самую развеселую пѣсню....

Гостья моя при этомъ засмѣялась, а щеки ея такъ и пылали.

— Что же вы не предложите мнѣ папиросу? обратилась она ко мнѣ съ чисто-дѣтскою, ни для кого необидною фамильярностью. — Вѣдь я курю.... Они и курить меня научили....

Я подалъ ей папиросу и хотѣлъ, было, зажечь спичку. Но она меня остановила, выхватила изъ огня горящій уголекъ и, перебрасывая его съ ладони на ладонь, закурила отъ него папиросу. Я замѣтилъ ей, что это совершенно ненужный подвигъ.

«Хуже быть вовсе не готовой, чѣмъ быть готовой ко всему!...» Эту фразу Мари проговорила по-нѣмецки, съ разстановкой и какъ-то странно-серьезно хмуря брови.

— Братья меня за это хвалятъ, добавила она. —Да нѣтъ, впрочемъ.... И они иногда смѣются.... Никто, говорятъ, тебя не станетъ жечь! Полно, говорятъ.... Такихъ хорошенькихъ дѣвочекъ не жгутъ.... Мари усмѣхнулась.— Они шутятъ. Они знаютъ, что дѣвочка такъ же можетъ сгорѣть, какъ и они — не хуже.... Такъ, вѣдь? Да? Вотъ святую Екатерину какъ мучили.... Ахъ, я картину видѣла!... Колесо такое, зубцы — страсть!... А вы знаете, сколькихъ женщинъ сожгли, удавили, на съѣденіе звѣрямъ бросили!... Вѣдь, священную исторію я тоже учила....

Мари лукаво посмотрѣла на меня. Она выпускала густые клубы дыма, но вдругъ страшно закашлялась, болѣзненно, глухо закашлялась.... Я на губахъ ея за-

мѣтилъ кровь, понурился: горько и обидно увидѣть весело болтающаго, беззаботнаго ребенка на краю могилы. Не докуривъ, она бросила свою папиросу въ огонь.

— У-ухъ, какой у васъ крѣпкій табакъ! Какой это.... и опять закашлялась.—Знаете ли? у меня легкія испорчены! обратилась она вдругъ ко мнѣ и пристально смотрѣла мнѣ въ глаза, словно желая узнать: сомнѣваюсь я или нѣтъ въ ея болѣзни.

— Кто же вамъ сказалъ это? спросилъ я, нехотя.

— Одинъ знакомый медикъ.... студентъ.... Далѣе года, говоритъ, вамъ у насъ не прогостить.... Вѣдь вы, говоритъ, гостья.... Птичка залетная — вмѣстѣ, говоритъ, съ птичками осенью и улетите.... Посмотрите, какъ у меня сердце бьется! Ахъ, какъ оно бьется.... точно хочетъ вырваться вонъ.... А у женщинъ, говорятъ, сердца нѣтъ; есть только, говорятъ, сердечко — маленькое такое, крохотное....

Мари тяжело дышала, гладила себѣ грудь и улыбалась, видимо, сверхъ силъ. Я досадовалъ на того медика, которому неизвѣстно чего-ради заблагоразсудилось отравлять ненужнымъ открытіемъ бѣдняжкѣ ея, быть можетъ, послѣдніе дни.

Поотдохнувъ, она принялась разсказывать о томъ, какъ студентъ-медикъ слушалъ у нея грудь, какъ ей совѣтуютъ ѣхать куда нибудь на югъ, гдѣ потеплѣе, гдѣ море. «Только у меня теперь денегъ нѣтъ!» замѣтила

она вскользь. «И безъ твоего признанья, думалъ я, ужь по одному твоему платью, я бы догадался, что нѣтъ у тебя денегъ, что не уѣхать тебѣ изъ нашей холодной стороны, что никогда тебѣ не видать ни теплаго моря, ни южнаго неба, что не суждено сбыться твоимъ мечтамъ золотымъ—такъ написано въ книгахъ судьбы. ..»

Такъ бесѣдовали мы, то смѣясь, то улыбаясь очень грустно....

Красный огонь въ печи догорѣлъ, и синеватое пламя, послѣдній, замирающій свѣтъ потухъ. Уголья темнѣли, подергивались золой....

— Вы пьете чай въ это время? Нѣтъ? Теперь вѣдь еще рано.... спросила меня Мари, дѣлая рѣзкій переходъ въ разговорѣ.

Я сказалъ, что пью—и приказалъ подать намъ чаю.

— Зимой я очень люблю чай.... какъ бы оправдываясь, объяснила она.

Было бы грѣшно и стыдно заподозрить ее въ нахальствѣ, въ желаніи эксплуатировать съ ясно сознанною цѣлью своего ближняго. Она говорила — что̀ думала, просила — чего желала, просила просто и искренно. И очевидно было, что если бы мнѣ вздумалось ей въ чемъ нибудь отказать, то и тѣни мелочнаго недовольства я бы не подмѣтилъ на ея лицѣ. До сихъ поръ въ Мари я не видалъ еще ничего такого, что подавало бы поводъ

назвать ее «несчастненькой». Наружностью, какъ уже сказано, на несчастную она не походила вовсе. Во всѣхъ же ея поступкахъ и словахъ былъ виденъ очень свѣтлый, очень живой умъ. А если въ ней было еще много наивнаго, дѣтскаго, то развѣ это признакъ помѣшательства? Да развѣ она, дѣйствительно, не дитя?... Сидя съ нею и бесѣдуя, я чувствовалъ, что со мной сидитъ, бесѣдуетъ живое, умненькое, сильно впечатлительное дитя. Душа этого дитяти, всѣ его мечты и помыслы были ясны, прозрачны и чисты, какъ тѣ простыя слова, что̀ срывались съ его устъ. Въ ней была — какимъ-то чудомъ сохранилась та глубокая, цѣльная правда, на которую мы любуемся только въ созданіяхъ нашей фантазіи....

Долго протолковали мы съ Мари, — напились чаю, отобѣдали.

Въ сумерки, полулежа на диванѣ, она пѣла мнѣ пѣсню за пѣсней, пѣсню пѣсни лучше; пѣла много нѣмецкихъ, туманныхъ мелодій, дающихъ просторъ мечтаньямъ, пѣла много французскихъ романсовъ — живыхъ и веселыхъ. Отрывочно и бѣгло разсказала она, между прочимъ, о своихъ родныхъ, о прошломъ. И я узналъ, что у нея есть мать старуха, двѣ сестры — одна замужемъ, другая въ гувернанткахъ.

— Онѣ не любятъ меня, говорила Мари. — Онѣ не говорятъ со мной, все бранятъ.... Да и межъ собой бра-

нятся: мать на сестру ворчитъ, а сестра ее бранитъ; другая сестра напустится на нихъ, а онѣ на нее — и пойдетъ, и пойдетъ.... И что онѣ дѣлятъ? не понимаю.... Онѣ такія странныя....

Я узналъ, что Мари воспитывалась въ театральномъ училищѣ и готовилась выступить пѣвицей, но годъ тому назадъ она вышла изъ училища, не кончивъ курса.... Почему вышла?... но она это объяснила такъ темно и сбивчиво, что я, рѣшительно, ничего не понялъ — и этотъ эпизодъ изъ жизни Мари остался для меня пока темнѣе самой темной ночи. Добиваться болѣе настойчиво я считалъ неудобнымъ для первой встрѣчи....

Къ концу вечера мы говорили уже другъ другу «ты»....

Когда на колокольнѣ сосѣдняго монастыря пробило 10, Мари встала, попрощалась и торопливо удалилась, накинувъ на голову свой бѣлый шарфъ.

III.

— Нѣтъ ли у тебя мелкихъ денегъ? Мнѣ нужно извощику отдать.... щебетала моя веселая птичка, вбѣгая ко мнѣ въ комнату и дружески пожимая мнѣ руку своими руками, холодными какъ ледъ. Отъ нея вѣяло свѣжестью, морозомъ — и вся она алѣла, какъ алая, только-что распустившаяся роза.

Послѣ нашего перваго свиданія прошло два дня.

Разсказовъ Мари принесла мнѣ бездну. Она была въ оперѣ, каталась на тройкѣ далеко, за городъ, «такъ было славно....» Съ кѣмъ она каталась? — я не спросилъ.

Вечеромъ собралось ко мнѣ нѣсколько пріятелей. Мари забавляла насъ анекдотами и спѣла намъ — по нашей просьбѣ—премиленькую юмористическую пѣсенку, какую только когда либо слагалъ народный нѣмецкій геній. Помянули мы живыхъ и мертвыхъ и заживо умершихъ—помянули словомъ прощенья и примиренія: время то располагало къ уступчивости. Перекинулись нѣсколькими словами о литературѣ, посулили успѣхъ и хорошее будущее одному журналу, что̀ затѣвался на ту пору въ Петербургѣ съ спеціальной цѣлью разработки женскаго вопроса. Въ журналъ этотъ, повидимому, сносились всѣ лучшія наличныя силы нашей литературы, очутившіяся въ тѣ времена безъ всякаго органа. Мари во всемъ принимала горячее участіе. Оказалось, что она много читала, еще больше думала. И говорила-то она медленно, какъ будто бы размышляла.

— Изъ всего, что я читала, говорила она, — мнѣ всего больше понравились записки Достоевскаго «Изъ Мертваго Дома», Крошка Дорритъ, «Домби и сынъ» да стихотворенія Никитина.... И у Некрасова есть хорошія

стихотворенія.... Ахъ, нѣтъ! Домби и сынъ.... Не позабыть мнѣ его.... Ахъ, какъ я плакала надъ нимъ!...

Съ литературой Мари, какъ видно, была коротко знакома, не по наслышкѣ только, какъ то часто встрѣчалось во дни ѝны, да встрѣчается и нынѣ между нашими барышнями-попугайчиками. Изъ словъ Мари можно были заключить, что она читала, думая и чувствуя, что впечатлѣніе сильное произвели на нее названные ею авторы, что она живо откликалась на горе, сочувствовала страданью ближняго, отъ души жалѣла все приниженное, забитое, «все, что зелено и блѣдно, все то, что голодно и бѣдно, что ходитъ голову склоня.» Но при этомъ отличительною чертой характера Мари выдавалась неспособность сосредоточиться на чемъ нибудь одномъ цѣльномъ, неспособность привязаться надолго къ какому нибудь отдѣльному представленію, развить строго-послѣдовательно свою идею. Мари мыслію и чувствомъ постоянно порхала. Ея мысль, ея чувство уподоблялось пчелкѣ.... Такъ пчела не сидитъ долго на одномъ цвѣткѣ, все перелетаетъ съ одного на другой, съ другого на третій и вездѣ понемножку собираетъ, что̀ нужно ей.

Потолковавъ еще о мелочахъ дня, мы засѣли за преферансъ. Во время умственной агоніи люди бываютъ очень склонны проигрывать ночи на-пролетъ, т. е. дѣлать глупости.... Мари выиграла одну пульку — что-то

около 5 или 7 рублей, сказала, что устала, прилегла тутъ же на диванъ и скоро заснула. На знакомыхъ моихъ Мари произвела такое впечатлѣніе, какъ и на меня: они въ ней видѣли ребенка. Изъ боязни потревожить ея сонъ, мы за картами говорили шопотомъ, по комнатѣ проходили на ципочкахъ. Проиграли мы почти вплоть до бѣла утра — поднялись изъ-за стола съ головною болью, съ страшною усталью, какъ водится. Одинъ изъ гостей, уходя, взглянулъ на Мари и остановился — залюбовался....

— Какая она хорошенькая! Точно картинка.... замѣтилъ онъ вполголоса, указывая на Мари.

Мари спокойно спала, подложивъ подъ голову руки. Румянецъ игралъ на ея смуглыхъ щекахъ: на щекахъ отъ густыхъ и длинныхъ рѣсницъ лежала тѣнь. Неуловимая улыбка скользила по раскрытымъ губамъ, по нѣжно и изящно обрисованнымъ ямочкамъ на щекахъ. Волосы темною волной лежали по плечамъ, упали на грудь.... Спящая была, дѣйствительно, прекрасна. Ея красота не была ни сладострастною красотой вакханки, ни холодною красотой статуи. Ея красота была своеобычна; въ ней чудеснымъ образомъ соединялось обаяніе живыхъ прелестей съ холодною, строгою красотой, которая насъ поражаетъ въ произведеніяхъ древнихъ художниковъ....

Гости мои ушли.

Осторожно распустилъ я у Мари поясъ платья, осторожно и легко прикрылъ ее своимъ плащомъ и, погасивъ лампу, залегъ на свое жесткое, спартанское ложе.

IV.

Темно было въ комнатѣ. Только свѣтъ уличнаго фонаря, крадучись какъ тать, еле брезжущею, красноватою полоской падалъ на бѣлый подоконникъ сквозь стекла, красиво разрисованныя искусною рукой невидимаго художника — мороза.

Мнѣ не спалось. Я думалъ о томъ странномъ, молодомъ существѣ, съ которымъ я такъ нежданно-негаданно столкнулся. Чтобы Мари страдала тою умственною болѣзнью, которую мы зовемъ помѣшательствомъ — я рѣшительно не допускалъ и не могъ допустить. Временемъ она подвержена припадкамъ, можетъ быть — это такъ.... Правда, странностей и оригинальнаго въ ней много. Но оригинальность еще не признакъ умственнаго разстройства. Къ числу, напримѣръ, ея странностей можно отнести то, что она всегда естественна, проста; своею простотой она часто смущала другихъ, но никогда самую себя. Если ей дѣлали выговоръ или рѣзко замѣчали о чемъ нибудь, она на мгновенье поникала головкой, не то какъ бы каясь въ своемъ прегрѣшеніи, не то раздумы-

вая: за что ее такая немилость постигла. Черезъ минуту, какъ ни въ чемъ не бывало, она по-прежнему опять свѣтло и ясно смотрѣла всѣмъ въ лицо, готова была пѣть и смѣяться. Она умѣла смѣяться, не насмѣхаясь, не обижая, не затрогивая ничьего самолюбія; она умѣла острить безъ злости и бранить, лаская и съ самымъ добродушнымъ видомъ. Сердилась она, кажется, только для вида.... Поражала еще меня въ ней лихорадочная торопливость, порывистость. Мысли быстро проносились въ ея головѣ — и все, что̀ ей думалось, она открывала другимъ въ отрывистыхъ фразахъ, спѣшно и быстро. Все, за что она ни принималась, дѣлалось какъ бы въ торопяхъ, на живую нитку. Такъ и замѣтно было, что ея мысль, желаніе далеко опережало выполненіе; мускульная работа не поспѣвала за работой мысли. Въ тотъ же вечеръ, напримѣръ, до прихода гостей она принялась ушивать у своего бурнуса рукавъ — сломала иголку, раза три нитку оборвала и зашила чрезвычайно скоро и такъ искусно, что шва почти вовсе не было замѣтно.

Нравственно же Мари была чиста безукоризненно — въ помыслахъ, на словахъ и на дѣлѣ, чиста, какъ самой чистой воды алмазъ голкондскихъ розсыпей. Скажетъ, бывало, она что нибудь рѣзкое и бровью не поведетъ — не смущается. Она была выше тѣхъ мелочныхъ приличій, которыя для насъ — людей благоразумныхъ — стоятъ

иногда выше всѣхъ законовъ — божескихъ и человѣческихъ. Она, казалось, совсѣмъ не знала того непріятнаго ощущенія, что̀ зовется стыдомъ. Она была невинна. Она жила, не испытывая противорѣчій съ самой собою, не зная укоровъ совѣсти, мукъ поздняго раскаянья. Ее не осаждалъ рой темныхъ демоновъ, которые, обыкновенно, являются непремѣнными спутниками всякаго разврата — умственнаго и чувственнаго, разврата помысловъ и дѣлъ. Въ ней поэтому не замѣчалось колебаній, нерѣшительности, того рокового раздвоенія, что̀ прививается человѣку съ его первыхъ минутъ сознанія. Если въ Мари порой и замѣчалось кокетство, то называть его этимъ именемъ не приходилось: до того оно было нескрытно, искренне. Хитрости не было ни на волосъ въ этомъ нелицемѣрномъ созданіи, хотя и проявлялось иногда лукавство — лукавство ребенка, само себя выдающее, вызывающее въ другихъ смѣхъ, а не гнѣвъ или презрѣніе.

Ни на минуту, ни тѣни помысла не зарождалось въ моей головѣ — сдѣлать Мари своею любовницей.... Хозяйка мнѣ уже дѣлала довольно ясные намеки, говоря о томъ, «какую красавицу» я поддѣлъ. Я убѣждалъ, но, кажется, не убѣдилъ ее въ томъ, что съ женщиной сходятся не для «амуровъ», что сильные не всѣ берутъ взятки съ слабыхъ. Хозяйка моя была

женщина практическая, въ узкомъ смыслѣ этого слова; слова мои не дошли по назначенью. На мои слова хозяйка съ недовѣрчивою усмѣшкой покачивала головой. Никакъ не могъ человѣкъ того взять въ толкъ, что бѣдняка задаромъ можно напоить, накормить, подарить добрымъ словомъ и лаской, если печаленъ — горе поразмыкать, если болѣнъ — полечить....

Для меня Мари была просто милое дитя, любящее, нѣжное, брошенное обществомъ на произволъ судьбы. Она для меня была — по горькой участи — сестра. Безъ всякихъ чувственныхъ смутъ и треволненій любовался я на нее — и ни въ головѣ, ни въ сердцѣ не копошилось злыхъ думъ — поползновеній нарушить ея мирный покой. Да и можно ли было, чѣмъ бы то ни было, возмутить невозмутимую тишь ея беззаботнаго, дѣтски-наивнаго міра? не знаю. Мнѣ тогда казалось — «нѣтъ....»

Долго не спалъ я, все думалъ. Я думалъ о странной, страшной долѣ той дѣвушки, что такъ довѣрчиво назвалась моею сестрой и такъ довѣрчиво и мирно, словно у матери своей или у подруги, заснула въ комнатѣ едва ей знакомаго мужчины.

«Если всѣ тѣ добрыя качества души и ума существуютъ въ Мари дѣйствительно, думалось мнѣ, если они не обольстительный только миражъ, какимъ насъ нерѣдко радуетъ судьба въ юдоли скрежета и плача, то неужели

и всѣ люди не могли бы имѣть тѣхъ же хорошихъ качествъ? Неужели они не могли бы быть людьми въ собственномъ значеніи этого слова, то есть существами человѣчными, — не ѣсть другъ друга, не лукавить....»

Мари, какъ существо не отъ міра сего, меня удивляла и влекла къ себѣ, какъ загадка. Какова будетъ разгадка!... Я уже намѣчалъ планъ своихъ будущихъ отношеній къ Мари, по-просту сказать — мечталъ....

Вотъ отчего я такъ долго не спалъ въ ту ночь.

V.

По утру на слѣдующій день мы сидѣли за завтракомъ. Морозъ въ ночь усилился. Въ печи дрова трещали, въ комнатѣ припахивало горящею березовою корой. Въ комнатѣ было свѣтло, уютно. Пріятное чувство довольства располагало поблагодушествовать, понѣжиться. Вдругъ на дворѣ заиграла шарманка. Старикъ въ какомъ-то обдерганномъ тулупишкѣ, въ маленькой шапкѣ и съ ушами, завязанными тряпицей — стоялъ среди двора. Заиндевѣла его сѣдая борода, щеки побѣлѣли, а костлявые пальцы съ трудомъ вертѣли ручку. Шарманка плакала, болѣзненно стонала; шарманщикъ посматривалъ на окна.... Мари захотѣлось бросить старику денегъ. Напрасно она рылась въ своихъ дырявыхъ карманахъ, на-

прасно перетряхивала платье, напрасно — денегъ не находилось. А шарманка плакала, хрипѣла....

— Да дай же! вскричала мнѣ наконецъ Мари послѣ тщетныхъ торопливыхъ поисковъ. — Не могу никакъ вспомнить, куда я ихъ положила.... добавила она про-себя серьезно и хмуря брови.

— Мелкихъ у меня нѣтъ! отвѣчалъ я и, молча, показалъ ей изъ портмоне кончикъ красной ассигнаціи.

— Ну такъ, что же!... Тебѣ жаль, что ли? укоризненно спросила Мари, смотря на меня пристально, съ сожалѣніемъ.—Вотъ ты какой! Я не знала.... Я думала, что ты лучше, а ты.... Тебѣ денегъ жаль? Да?

Странно сердито надулись губки, глаза хмуро перебѣгали съ окна на меня и обратно.

Мари, какъ мнѣ казалось, очень хотѣлось вырвать у меня портмоне и бросить въ форточку старому нищему. И будь у нея поболѣе силы, я увѣренъ, что мой бумажникъ полетѣлъ бы на мостовую. Кромѣ красненькой ассигнаціи, у меня за душой ничего не было, да и впереди предвидѣлось нескоро, но мы уладили дѣло. Я добылъ нѣсколько мѣди у хозяйки и передалъ Мари.

Ничѣмъ не накрывшись, не смотря на трескучій морозъ, по-своему, живо сбѣжала она съ лѣстницы и уже подъ аркой воротъ вручила старику деньги. Черезъ ми-

нуту она бѣгала по комнатѣ, топала, хлопала въ ладоши — грѣлась....

— Ай, какъ холодно! Какъ холодно! приговаривала она.

Такъ мгновенная наша размолвка кончилась примиреньемъ.

— А все-таки скупой! Скупой? Да? повторяла Мари, топая ножкой, какъ капризное, балованное дитя.

Кто же баловалъ тебя, сердечная?

Жизнь, кажется, не гладила и не гладитъ тебя по головкѣ, а на твои милыя улыбки отвѣчаетъ кислою гримасой....

А Мари не плачетъ, смѣется....

VI.

Черезъ недѣлю или болѣе — хорошо не помню — сидѣли мы вечеромъ съ Мари на диванѣ и, по обыкновенію, сумерничали. Я любилъ тогда сумерничать, то есть сидѣть или лежать на мягкихъ подушкахъ дивана въ потьмахъ, курить и думать.

Дневной свѣтъ гасъ въ окнахъ. Фонарщикъ, стоя наверху своей лѣстницы, зажигалъ подъ моимъ окномъ фонарь. Красноватый свѣтъ, не озаряя комнату, полоской пробивался на подоконникъ.... А я тогда былъ могучъ;

тогда я былъ царь, былъ богъ. Передо мной проходили смутными, длинными рядами событія временъ минувшихъ. Передо мной возставало темное настоящее, какъ чудовищная фантасмагорія, какъ страшный сонъ. Блестяще и ярко рисовались мнѣ блаженныя картины — свѣтлая даль грядущихъ дней.... Въ тѣ минуты, по справедливости, я могъ о себѣ сказать: «je regne».

Въ вечеръ, описываемый теперь, я говорилъ Мари о тяжелыхъ временахъ, о жертвахъ, о необходимости ихъ. Я говорилъ Мари о той божественной искоркѣ, что̀ на зло всѣмъ демонамъ тлѣетъ и горитъ надъ міромъ, не зловѣщимъ свѣтомъ погребальнаго факела, а голубымъ сіяньемъ вифлеемской звѣзды. Я говорилъ, что напрасно хлопочутъ легіоны темныхъ силъ потушить эту прометееву искру: свѣжій, благодатный вѣтерокъ раздуваетъ ее — и искра горитъ.... Но кончилъ я свою свѣтлую рѣчь унылою ноткой....

— Такъ ты говоришь, что теперь у насъ ночь? спросила Мари. Она все время внимательно слушала, наклонившись къ моему плечу. — А знаешь.... Я тебѣ спою пѣсню и печаль твоя пройдетъ....

И Мари спѣла:

«Не все на небѣ будетъ ночь!
Авось, и солнышко проглянетъ....»

Каждое слово, каждый звукъ дышалъ глубокимъ чувствомъ. Живымъ упованьемъ вѣяло отъ мертвыхъ словъ старинной пѣсни.

— Хорошая пѣсня! замѣтилъ я.

По моей просьбѣ она спѣла: «въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла» — особенно хорошо исполняла она этотъ Лермонтовскій романсъ.

«И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладостно голосъ звучалъ;
Казалось, восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ....»

— Тебѣ, кажется, скучно? Да? кончивъ пѣть, спрашивала меня Мари. — Вѣдь я съ тобой не прощаюсь.... Чего же ты? Мы съ тобой не будемъ прощаться.... — Она наклонилась ко мнѣ и нѣжно, ласково поцѣловала. Я погладилъ ее по головкѣ, провелъ рукой по ея шелковистымъ волосамъ, отвелъ съ лица упавшія, темныя пряди и по-братски поцѣловалъ въ лобъ.

Въ тотъ же вечеръ, попозже, я разсказывалъ ей вкратцѣ сюжетъ моей повѣсти — въ ту пору я работалъ надъ повѣстью, но ей не суждено было явиться на свѣтъ по обстоятельствамъ, ни отъ кого не зависящимъ. На столѣ, передъ диваномъ, горѣла лампа. Мари, молча, полулежала на диванѣ и какъ будто дремала.

— Вотъ теперь я и остановился на свадьбѣ.... закончилъ я свой разсказъ. — Теперь будетъ свадьба, затѣмъ жизнь въ деревнѣ....

При послѣднихъ словахъ Мари быстро поднялась, отшатнулась отъ подушки дивана и глубоко задумалась, словно темное облако пролетѣло надъ ея склоненною головой. Она сидѣла, пристально глядя на узоръ передиваннаго ковра, руки ея упали на колѣна.... Я посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ: такая быстрая перемѣна поразила меня.

— О чемъ такъ задумалась? спросилъ я, чтобы сказать что нибудь, чтобы вывести ее изъ тяжелаго раздумья. Я взялъ ее за руку. Мари тяжело вздохнула, отняла у меня руку, лѣниво провела ею по глазамъ и посмотрѣла на меня изподлобья, но такъ странно, безучастно, холодно—словно бы въ то время мыслію витала она гдѣ-то далеко-далеко, за тридевять земель, а передо мной, какъ будто, оставалась только ея бездушная тѣнь. Губы ея сжались, лицо поблѣднѣло. Но вдругъ она меланхолически улыбнулась и пришла въ себя....

— А мнѣ нужно сбираться, заговорила она наконецъ не безъ усилія. — Опоздаю, пожалуй... Седьмой часъ!... Ой, пора, пора!....

Мари вскочила и засуетилась. Заботой, тревогой дышала каждая черта ея оживленнаго, выразительнаго ли-

чика. Щеки, за минуту блѣдныя, загорѣлись, глаза блеснули изъ-за рѣсницъ.

— Куда же это? спросилъ я, слѣдя за нею и ровно ничего не разумѣя, ни о чемъ не догадываясь.

— Сегодня одна моя подруга замужъ выходитъ, меня звали... Ее надо наряжать къ вѣнцу... У нихъ будетъ балъ... музыка... Меня приглашали... торопливо сообщала мнѣ Мари и торопливо куталась въ свой бѣлый шарфъ. — Будетъ гостей очень много... станутъ танцовать... весело! Я ужь думаю: не ворочусь сегодня... Ты меня не жди! Спи!

— Да какъ же ты ничего объ этомъ... заговорилъ я.

— Ну, прощай! Мнѣ теперь некогда... перебила она, цѣлуя меня на лету.

— А денегъ-то на извощика! крикнулъ я ей вслѣдъ. — Да вѣдь тебѣ одѣться надо... Не въ тряпкахъ же поѣдешь... Да и поздно ужь теперь, кажется... Какая странная!

Она вернулась ко мнѣ съ конца корридора, не глядя опустила деньги въ карманъ бурнуса и побѣжала.

— Я заѣду къ парикмахеру! крикнула она уже изъ дверей. — Потомъ въ магазинъ, тамъ... Дверь хлопнула. Мари изчезла. Я остался въ комнатѣ одинъ и былъ-таки порядочно ошеломленъ.

«Какъ такъ! Ее звали на свадьбу и она не вспом-

нила объ этомъ до сихъ поръ! Не сказала ничего мнѣ... размышлялъ я. Странно! Не сбиралась, не сбиралась, а вдругъ свернулась и полетѣла... Такъ скоропостижно! Гм! Неужели она могла забыть?...»

Память у Мари, дѣйствительно, была плоха. Бывало, попросить чего нибудь — и черезъ пять минутъ уже забыла... Какъ дитя! Но свадьба! Свадьба подруги для нея должна быть фактомъ крупнымъ. Приглашеніе на свадьбу, на балъ въ бѣдной, жалкой жизни Мари — явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, повседневныхъ дѣлъ... Весь вечеръ я писалъ, писалъ и ночь...

Пробило три часа.

Я уже спать хотѣлъ ложиться, какъ вдругъ раздался торопливый звонокъ...

VII.

Мари!...

Лицо ея посинѣло отъ холода; она дрожала. Несмотря на ворчанье хозяйки, я досталъ у нея изъ шкафа вино и заставилъ иззябшую Мари выпить нѣсколько глотковъ и обтереть себѣ виномъ ноги и руки... Потомъ я уложилъ ее на диванъ и закуталъ всѣмъ, что только у меня имѣлось теплаго.

— Теперь хорошо, хорошо.... ладно! говорила она,

согрѣваясь. Густой румянецъ пятнами выступилъ у нея на лицѣ. Дѣтски-довольная улыбочка пробѣгала по ея губамъ, когда я заботливо укрывалъ ее то тѣмъ, то другимъ. Она была въ томъ же поношенномъ, черномъ шерстяномъ платьѣ, что и всегда, въ той же грязной обуви, въ рваныхъ ботинкахъ — и только, какъ бы въ контрастъ къ ея жалкому, бѣдному костюму, на головѣ у нея красовался вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Цвѣты были сдѣланы не очень-то искусно, и все-таки прелестно шли къ ея смуглому лицу, къ ея цвѣтущимъ щечкамъ, къ темнымъ, небрежно взбитымъ волосамъ.

Я освѣдомился о свадьбѣ.

— Не пустили! отвѣтила она.

Темная тѣнь скользнула по ея лицу. «Неудивительно!» подумалъ я съ ироніей, припоминая ея нищенское рубище.

— Я долго стояла на улицѣ, просилась — нѣтъ! И свадьбы, говорятъ, у насъ нѣтъ никакой! Съ чего вы взяли? Гм! А сами приглашали.... Долго я стояла, подходила къ окнамъ — и отъ оконъ гонятъ.... Съѣла бы я ихъ окна-то, что ли! Странные.... Говорятъ что-то, кричатъ.... Точно сумасшедшіе.... Долго еще болтала Мари, спрашивала: хорошо ли убрана ея голова, красивы ли цвѣты, къ лицу ли они ей, но я ужь слушалъ ее плохо, отвѣчалъ не впопадъ.

Молча стоялъ я у нея въ ногахъ. Я упалъ вдругъ съ облаковъ. Страшная тяжесть стѣснила мнѣ грудь и сердце билось неровно. Очевидно, никакой свадьбы не было, никакая подруга не выходила замужъ и не приглашала Мари одѣвать ее къ вѣнцу. Итакъ — правда! Мари — «несчастненькая!» То, чѣмъ я восхищался, не дѣйствительность, а призракъ? Но какой прекрасный призракъ! Какъ бы я страстно желалъ обратить его въ дѣйствительность! Но нѣтъ къ тому возможности — и руки опускаются и гнетущее, обидное сожалѣніе закрадывается въ голову.... Трупъ я принялъ за человѣка.... Мечты мои, какъ спугнутыя птички, разлетѣлись въ даль, скрылись изъ вида вонъ. Отъ недавнихъ мечтаній осталась только горечь и единственный слѣдъ — пустота.... Гдѣ волшебные замки, гдѣ рощи зеленыя, тихо журчащіе ручьи, гдѣ земля обѣтованная? Кругомъ одна безлюдная, безплодная пустыня....

И что же это за безчувственная мать, что̀ отпускаетъ свое больное, слабое дѣтище шляться по улицамъ и закоулкамъ обширной столицы, шляться — быть можетъ, по грязнымъ вертепамъ, одинъ ужъ воздухъ которыхъ заразительнѣе всякихъ ядовъ! Что это за жестокосердыя сестры, что̀ бросаютъ родную свою на произволъ судебъ! Хоть бы помѣстили ее въ домъ умалишенныхъ, если стѣсняются держать ее подъ своимъ надзоромъ дома! Я

возмущался. Бросить ребенка, какъ какую нибудь негодную тварь! Вѣдь и собаченку не всякій вышвырнетъ на мостовую!... И что за жалкое существо эта Мари! Какая смѣсь ума и безумія! Смѣсь безобразія и красоты! Только наша жизнь неурядная и можетъ производить такіе поражающіе контрасты, такія скорбныя явленія....

Теперь ужь совсѣмъ другими глазами, чѣмъ прежде, я смотрѣлъ на Мари. Умная, добрая Мари моего воображенія умерла, а въ дѣйствительности жила Мари безумная, жалкая, несчастненькая....

Мучительная прошла ночь.

VIII.

При свѣтѣ дня Мари опять была умна, весела, интересна, по обыкновенію. Она шутила, острила безобидно, напѣвала сквозь зубы «милыя горы» — словомъ, была мила, какъ вчера, какъ и всегда.

— Хозяйка твоя не разсердится, что я такъ часто бываю у тебя? спрашивала меня Мари. — Она, можетъ быть, не любитъ, что я все пою? Да!

Я успокоилъ ее совершенно.

Вчерашнія тѣни, казалось, изчезли безслѣдно. Она ничего не говорила о свадьбѣ, какъ точно вовсе забыла о происшествіяхъ прошедшей ночи; я, разумѣется, не

напоминалъ ей и сталъ утѣшать себя тѣмъ, что Мари изрѣдка подвержена припадкамъ, что ее впродолженіе припадка выпускать изъ дома не слѣдуетъ, что, посовѣтовавшись съ какимъ нибудь психіатромъ, можно бы было предпринять мѣры порадикальнѣе къ ея излеченію. Человѣкъ склоненъ утѣшать другихъ, а самого себя въ особенности. Дневной свѣтъ разогналъ ночные призраки и показывалъ положеніе дѣлъ въ лучшемъ видѣ.

Оказалось, что Мари надо купить кое-что изъ бѣлья и шляпку: свой знаменитый бѣлый шарфъ она вчера потеряла. Я снабдилъ ее деньжонками, далъ ей свою мѣховую шапку. Уходя, она нахлобучила на глаза шапку и, заглянувъ въ зеркало, громко, неудержимо расхохоталась.

— Какая я смѣшная! щебетала она, повернувшись въ профиль передъ зеркаломъ. — Ну, до свиданья! крикнула и убѣжала.

Возвратилась Мари уже поздно вечеромъ — безъ денегъ, безъ бѣлья, безъ шляпки, даже своей мѣховой шапки не видалъ уже я болѣе.

— Что же ты? встрѣтилъ я ее. — Ты потеряла деньги, что ли? Мари, не смущаясь ни мало ни моимъ вопросомъ, ни взглядомъ строгимъ, вопросъ сопровождавшимъ, вытащила изъ кармана своего бурнуса щегольскіе

сапожки и тутъ же вдѣла въ уши какія-то дрянныя сережки съ стеклянными подвѣсками.

— Посмотри! Хорошо? Неправда ли? съ сіяющимъ отъ радости лицомъ показывала она мнѣ сапожки и бренчала серьгами.

Ее очень занимали и радовали эти обновки. Она улыбалась, но я уже не отвѣчалъ улыбкой на ея улыбку, какъ прежде. Ея словамъ, ея взглядамъ, ея смѣху я придавалъ уже теперь иной смыслъ, какой придалъ бы имъ на моемъ мѣстѣ и всякій благоразумный человѣкъ. Мари, какъ уже сказано, была для меня не прежнею дѣвушкой — умненькой и красавицей, а безумнымъ созданьемъ. Я не улыбался. Хмуро сидѣлъ я на диванѣ, съ раздраженіемъ перелистывая книгу.... Не такъ ли же и все на свѣтѣ прахомъ идетъ, когда подойдешь ближе! Неужели только издали все прекрасно, величаво, вблизи же уродливо, мелочно и грязно!... Не такъ же ли всѣ надежды—и истина, и счастье и благородныя стремленья??.... Конечно, Мари не догадывалась о томъ, что̀ происходило во мнѣ.... Она обувала сапожки, бренчала своими мѣдными серьгами — и была счастлива....

— А денегъ не осталось отъ покупокъ? спросилъ я ее.

— Осталось сколько-то.... гривенъ семь, кажется! разсѣянно отвѣчала Мари, вся углубившись въ созерцаніе прелестей своихъ сапожекъ и серегъ.

— Гдѣ же онѣ?

— Гдѣ?! Да я ихъ извощику отдала.... Онъ попросилъ, онъ бѣдный такой.... И кляча-то у него голодная, еле ноги волочитъ....

— Да къ чему же ты всѣ-то деньги ему отдала? добивался я.

— Да онѣ, видно, ему нужны.... объясняла Мари.

— Да, вѣдь, у тебя ничего не осталось.

— Мнѣ онѣ не нужны теперь.... Ахъ, да отстань, пожалуйста! Наскучилъ....

Но кто же изъ насъ болѣе сумасшедшій? вотъ вопросъ. Она ли, отдавшая извощику семь гривенъ, или я, не отдавшій бы ему ихъ?... Да. Это еще вопросъ.

. . . .

На другой день по утру я читалъ вслухъ одна главу своей повѣсти, гдѣ описывался медовый мѣсяцъ, его радости и сладости. Мари сначала слушала внимательно, дѣлала по временамъ мѣткія замѣчанія, подсмѣивалась — по своему — то есть безобидно. Потомъ она сдѣлалась безпокойна, разсѣянна, наконецъ, не дослушавъ, перебила меня.

— Напиши мнѣ, пожалуйста, просьбу!

— Кому?

— Мировому судьѣ! Давно, давно бы еще надо.... да все какъ-то такъ! Напиши мнѣ, пожалуйста.... по-

скорѣе! Мнѣ, вѣдь, некогда.... Право! — Она торопливо выдернула изъ-подъ прессъ-папье листъ бумаги, придвинула ко мнѣ чернильницу, перо.... Ну, пиши же! Пиши, голубчикъ! Ангельчикъ, милочка.... Она гладила меня по плечу, въ глаза заглядывала....

— О чемъ же писать? спросилъ я.

— Я скажу, скажу! Пиши скорѣе.... И Мари сказала мнѣ, какъ и съ чего надо начать; вѣроятно, уже не въ первый разъ диктовала она эту самую просьбу. Изъ ея разсказа я узналъ грустный эпизодъ изъ ея жизни и впослѣдствіи изъ иныхъ источниковъ имѣлъ случай убѣдиться, что суть ея сказанья — истина и что только детали придуманы ею самою.

Въ прошломъ году на святкахъ она гостила у своей матери. Наканунѣ новаго года ѣздила она въ маскѣ съ нѣсколькими подругами. Пріѣхали онѣ, между прочимъ, къ своимъ знакомымъ въ домъ Валинецкаго. (Въ томъ домѣ я жилъ въ ту пору, когда встрѣтился съ Мари). Дѣвушки много танцовали, веселились. Изъ кавалеровъ къ Мари особенно приставалъ одинъ, толстенькій, богатый человѣчекъ, у котораго — какъ видно — животные инстинкты стояли впереди всего. Онъ танцовалъ съ Мари, любезничалъ, мелкимъ бѣсомъ разсыпался. Шутя, уговаривалъ онъ Мари ѣхать съ нимъ кататься, обѣщалъ потомъ ее къ матери завезти, домой — на Неприглядную

улицу. Мари отказывалась. Баринъ приставалъ, соблазнялъ лихой тройкой и соблазнилъ. Поѣхали, катались долго, заѣхали въ гостинницу куда-то....

— Я страшно устала, говорила Мари. — Спать мнѣ до смерти хотѣлось. Я, впрочемъ, не хотѣла идти въ гостинницу.... Онъ меня на рукахъ снесъ, онъ такой сильный былъ! Сильнѣе тебя.... Я испугалась, заплакала, стала проситься домой.... Онъ мнѣ шоколаду предложилъ.... Я шоколадъ ужасно люблю!... Ты любишь? Да? обратилась ко мнѣ Мари.

Я качнулъ головой въ знакъ согласія.

— Ну, да! О чемъ же я говорила?... Да! Вотъ я и напилась шоколаду, да что ужь тутъ со мной сдѣлалось— право не знаю.... Я заснула крѣпко-крѣпко.... Такъ скоро заснула я, что не успѣла, кажется, и чашки своей допить.... Онъ мнѣ, говорятъ, сонныхъ порошковъ въ шоколадъ намѣшалъ.... Ты смотри же, такъ и напиши.... Ну, а пока я спала, онъ.... Ты мнѣ не вѣришь?

Мари настойчиво поглядѣла мнѣ въ глаза.

— Вѣрю! отвѣчалъ я.

— Потомъ что разсказывать.... Изъ училища, гдѣ я училась, меня исключили, мама меня отъ себя гнала, сестры тоже были противъ меня: онѣ такія благочестивыя.... Я, говорятъ, уродилась не въ нихъ.... А онъ обѣщалъ жениться на мнѣ, хотѣлъ весной пріѣхать, не

пріѣхалъ — обманулъ.... Теперь онъ, говорятъ, здѣсь.... Вотъ я все и хожу, ищу его — не могу найти... Мнѣ совѣтовали прошеніе подать мировому судьѣ: мировой его можетъ принудить жениться.... Вѣдь, можетъ? Да? Я думаю, что можетъ.... Ну, тебѣ я все разсказала теперь.... Пиши же, прошу тебя! Да поскорѣе.... ахъ ты какой, право.... Ты пойми: вѣдь онъ опять уѣхать можетъ, а я-то что-же! Я такъ и останусь....

И такъ она меня упрашивала, такими нѣжными именами называла меня, такъ умильно, ласково смотрѣла, что отказать я былъ не въ силахъ ей. И сознавая, что я слушаюсь сумасшедшаго, дѣлаю глупость, я писалъ подъ диктовку, исписалъ цѣлый листъ, но не отдалъ ей, положилъ подъ сукно, сказавъ, что надо еще будетъ кое-что поисправить. Мари, между тѣмъ, высказавъ мнѣ свое горе, казалось, поуспокоилась, притихла.... Немного погодя, она уже съ одушевленіемъ пѣла:

«Ты причаль, моя рыбачка,
Легкій къ берегу челнокъ!
Подойди и дай мнѣ ручку,
Сядь со мною на песокъ!...

Но не находилъ уже я прежней прелести въ ея пѣніи: въ иной цвѣтъ все окрасилось для меня.

На утро Мари позабыла и о женихѣ, и о своемъ прошеніи и о всѣхъ мировыхъ на свѣтѣ — была попреж-

нему мила и весела. Но сомнѣнія уже болѣе не оставалось на счетъ ея умственнаго состоянія. Лишь только скажи при ней что нибудь о свадьбѣ, упомяни слово «женихъ, невѣста» или что нибудь въ томъ же родѣ — она тотчасъ или начнетъ сбираться къ подругѣ, «которая сегодня выходитъ замужъ», или начнетъ сочинять мировому судьѣ самую трогательную просьбу и, сочиняя, будетъ то напѣвать сквозь зубы какую нибудь арію, то горько-горько плакать....

Такъ оставалась она у меня еще нѣсколько дней.

IX.

Не разъ просила Мари мою карточку, но я отказалъ.... А время шло, припадки безумія не повторялись. Днемъ я работалъ, въ сумерки засыпалъ подъ ея пѣсни; вечеромъ мы съ ней читали, разсуждали о прочтенномъ, спорили. Возвращаясь домой, я находилъ ее или за работой у окна, или съ книгой. Если я возвращался рано— она, какъ хозяйка, похваливала меня; если запаздывалъ— давала мнѣ выговоръ....

Однажды, возвратившись домой часу въ седьмомъ вечера, я — противъ обыкновенія — не нашелъ у себя Мари, а на другой день, перебирая альбомъ, я не досчитался двухъ карточекъ: карточки своей и кузины. Послѣ этого

происшествія я просилъ хозяйку не пускать безъ меня Мари въ комнату, ибо она могла похитить и что нибудь поважнѣе моей карточки или карточки кузины. Но при этомъ я хозяйку просилъ принимать ее ласково, и если она попроситъ ѣсть — накормить ее обѣдомъ, напоить чайкомъ, дать ей на извощика.... Тутъ я вспомнилъ, что Мари при самомъ началѣ нашего знакомства какъ бы предупреждала меня, говоря:

— Я иногда ворую! Только денегъ не беру никогда: онѣ такія тяжелыя....

Два раза приходила Мари — и все безъ меня. Въ послѣдній разъ, уходя, она сказала:

— Видно, Василію Гавриловичу что нибудь наговорили обо мнѣ. Онъ сердится.... Напрасно!... Скажите ему, чтобы онъ не вѣрилъ.... Да скажите ему, что я весной уѣзжаю въ теплую сторону.... Проститься приду....

Послѣ того Мари не приходила уже болѣе.

Ее, какъ я слышалъ, напугали студенты, погрозивъ ей Желтымъ домомъ. Желтаго дома она всего болѣе на свѣтѣ боялась. Надо было видѣть, какъ страшно вдругъ измѣнялось и блѣднѣло ея личико, когда ей начинали говорить о Желтомъ домѣ. При этомъ я узналъ, что картина отношеній студентовъ къ Мари, нарисованная моимъ воображеніемъ, въ дѣйствительности была вовсе не такъ чиста и человѣчна....

Тяжелыя думы, навѣваемыя воспоминаніемъ о Мари, еще долго смущали меня. Я задавалъ себѣ вопросы: Гдѣ-то Мари теперь? Нашла ли она себѣ новаго друга? По-человѣчески ли поступитъ съ нею ея новый другъ? Или она шляется безъ пристанища, гонимая изъ родного дома, гонимая чужими изъ дома въ домъ? Не воспользуются ли ею добрые люди, не позавтракаетъ ли ею какой нибудь больной, разслабленный кутила? Не замерзнетъ ли она на тридцатиградусномъ морозѣ гдѣ нибудь подъ заборомъ въ своемъ легкомъ бурнусѣ?... И не разъ въ сумерки, или вечеромъ, или сѣрымъ утромъ, сидя въ теплой комнатѣ, прислушиваясь къ треску пламени въ печи, прислушиваясь къ уличному шуму, я вспоминалъ Мари, ея живые, искристые глазки, ея разсказы, ея пѣсни, ея задушевныя улыбки, ея дѣтскую веселость, беззаботное довольство сегодняшнимъ днемъ и совершенное забвеніе дня прошедшаго и завтрашняго.

X.

Зима приближалась къ концу. Подули февральскіе вѣтры.

Сѣрый день стоялъ надъ городомъ. Сильный вихрь взметалъ снѣгъ и несъ его по улицамъ, засыпая прохожихъ и проѣзжихъ, занося подъѣзды и панели. Стучали

двери, стучали вывѣски лавокъ. Не видно было свѣта божьяго. Я шагалъ по сугробамъ съ рѣшимостью отчаянія и завертывался въ пальто. Вѣтеръ неистово ревѣлъ, визжалъ вокругъ меня, огибая улицы и несясь по широкимъ площадямъ, мимо лачужекъ и дворцовъ. Снѣгъ слѣпилъ мнѣ глаза. Я спѣшилъ домой: въ тотъ день я выѣзжалъ по дѣлу въ Петербургъ. Вдругъ передо мной изъ-за снѣжнаго вихря, словно изъ земли, выросла Мари.

— Здравствуй! прошептала она, едва переводя духъ отъ усталости.

— Куда это ты бѣжишь такъ? спросилъ я, держа ее за руку.

— Охъ, тороплюсь! Пусти, пожалуйста.... Вѣдь сегодня свадьба....

— Гдѣ ты живешь? Твой адресъ?...

Мари закутывала голову какимъ-то дырявымъ платкомъ. Снѣгъ набился ей въ волоса, мокрые волосы выбивались изъ-подъ сѣраго, заячьяго воротника ея шубейки. Вѣтеръ сердито взвѣвалъ ихъ темныя пряди.

— Да все тамъ же.... на Могилкахъ живу.... Прощай. — Она сжала мнѣ руку крѣпко, улыбнулась.... Зачѣмъ? Кому улыбалась она? Эхъ, если бы эта ангельская улыбка была умная улыбка!...

— Ахъ, я нынче узнала новый романсъ, прехорошенькій — я ужо тебѣ спою его когда нибудь.... гово-

рила она, воротившись ко мнѣ. —Ты знаешь.... Чей онъ? не помню....

«Не скажу никому,
Отчего я весной
По полямъ и лугамъ
Не сбираю цвѣтовъ!
Та весна далеко,
Тѣ завяли цвѣты,
Изъ которыхъ я съ нимъ
Завивала вѣнки....»

продекламировала она скороговоркой. Свистъ и завыванья вѣтра заглушали ея слова.

Я нанялъ ей извощика, далъ на дорогу денегъ.

— Я къ тебѣ зайду! крикнула Мари. — Я.... ея послѣднія слова вѣтеръ умчалъ.

Скоро она скрылась у меня изъ глазъ въ снѣжныхъ облакахъ. Вьюга пуще ревѣла.... «На Могилкахъ живетъ! раздумывалъ я. Ужь лучше бы тебѣ мертвой въ могилѣ лежать!»

Потомъ, будучи проѣздомъ въ городѣ калачей и грязи, я розыскивалъ Мари — но напрасно: въ адресной конторѣ ея мѣстожительство не было извѣстно.

Такъ, я не видалъ Мари. «Что-то будетъ съ ней? Что-то ждетъ ее?» На этотъ вопросъ мнѣ жизнь дала отвѣтъ. Его я не скажу: ты, читатель, его знаешь самъ....

. . . .

Теперь, то есть пробѣжавъ до конца мой разсказъ — ты, читатель, конечно, вполнѣ убѣдился, что Мари — безумная. Да, она безумная.

Горько жилось этой дѣвушкѣ, холодно и голодно жилось, ее подтачивала страшная болѣзнь, она терпѣла, повидимому, на каждомъ шагу обиды, разныя крупныя и мелкія лишенія, невзгоды — и не смотря на то, веселость ее не покидала; она смѣялась — не зло, не съ ироніей, а чисто и свѣтло, какъ свѣтло и чисто поетъ въ весеннемъ воздухѣ жаворонокъ надъ оживающею землей. На зло судьбѣ, на зло людямъ, Мари не унывала.... Главнымъ доказательствомъ безумія послужила тебѣ, читатель, разумѣется, именно эта беззаботность, эта дѣтская веселость, это невозмутимое спокойствіе посреди бѣдствій и горя. У сумасшедшихъ, видно, есть своя философія — да такая крѣпкая, какой еще не снилось нашимъ Гегелямъ. Но веселость Мари понятна намъ.... Она не видѣла того, что̀ видѣли мы. Что̀ насъ мучитъ и терзаетъ до боли страшной, до отчаянія — то, для нее проходило незамѣтно. Она не вникала въ тѣ мерзости и гадости, которыя мы наблюдаемъ съ такою любовью. Она не понимала тѣхъ золъ, что̀ мутнымъ потокомъ бушевали неистово кругомъ нея и въ которомъ мы купаемся. Отчего бы ей было не смотрѣть весело на міръ? Вѣроятно, онъ ей представлялся такимъ, какимъ рисуется намъ, умнымъ людямъ,

въ рѣдкія минуты восторженныхъ мечтаній.... Вторымъ вѣскимъ доказательствомъ положительнаго безумія Мари служило то, что она не походила на насъ, на людей въ полномъ умѣ, т. е. считающихъ себя таковыми. Она, напримѣръ, отдавала послѣднія деньги тому, кто ихъ просилъ у нея, и готова была снять съ себя для друга-ближняго послѣднюю нитку — не по принципу. Принциповъ Мари не знала.

Веселость была обычнымъ, нормальнымъ состояніемъ духа Мари; тогда она была совершенно здорова, и здоровая она вовсе не походила на насъ — людей благоразумныхъ и несчастныхъ. Но Мари иногда заболѣвала. Подъ болѣзнью я разумѣю тѣ припадки, въ продолженіе которыхъ на нее находило непріятное, серьезное расположеніе духа, когда на нее нападала тревога, безпокойство: въ эти минуты безумная дѣлалась похожею на насъ — умныхъ. Тогда ея міросозерцаніе вдругъ помрачалось, жизнь подергивалась мрачными тѣнями. Тогда у Мари вдругъ являлись заботы, замыслы, коварство, желаніе рядиться, желаніе кого-то на себѣ женить, свить себѣ гнѣздышко. Она дѣлалась кляузницей-юристкой, писала просьбы мировому судьѣ, хмурила брови, жаловалась, плакала, даже бранилась.... Къ счастію ея, такія минуты скоро проходили и забывались, какъ забываются нами тѣ рѣдкія минуты, когда мы бываемъ людьми de

facto. De jure, какъ извѣстно, мы всегда люди и по преимуществу — хорошіе....

И такъ, Мари была счастлива.... А мы, умники? Счастливы ли мы?... Ты, быть можетъ, думаешь, читатель, что я посовѣтовалъ бы лучше всѣмъ сойти съума, чтобы быть счастливѣе и человѣчнѣе, чѣмъ мы есть на самомъ дѣлѣ?... Да?... Ты угадалъ. Я посовѣтовалъ бы это и совѣтовалъ бы до тѣхъ поръ, пока не изчезли бы причины, заставляющія умныхъ завидовать безумнымъ — тому жалкому счастью, что̀ можно назвать безсознательнымъ бытіемъ разумнаго существа, созданнаго чувствовать и сознавать....

Часто вспоминается мнѣ Мари, ея пѣсни и улыбки. Тогда въ моемъ воображеніи занимается сѣрый денекъ, тусклый, холодный и снѣжный. Тогда опять надо мной, вокругъ меня вьюга шумитъ, реветъ и стонетъ.

Но страшнѣе вьюги и мятели шумитъ и стонетъ тотъ омутъ, что̀ зовется жизнью. Въ этомъ омутѣ щепки и тина плаваютъ по верху, а золотой слитокъ и алмазъ идутъ ко дну. Въ этомъ омутѣ высокое, благородное, чистое часто осмѣивается, зовется безуміемъ. Низкое, грязное и подлое величается достоинствомъ, умомъ. Когда, отрѣшившись отъ всего ходячаго и предвзятаго, посмотрѣть совершенно объективно въ глубь этого омута — морозъ по кожѣ подеретъ, дыбомъ волосъ встанетъ.... И

невидимая сила влечетъ, увлекаетъ въ тотъ омутъ все живущее — и люди, «какъ будто листья въ ноябрѣ», какъ несчастные въ пляскѣ святого Витта, кривляясь, извиваясь, строя адскія гримасы, плача и смѣясь, стремятся въ темный омутъ, топятъ другъ друга, захлебываются.... Не знаешь, кому помочь? Кого жалѣть? Кому посылать проклятье?

Оглянешься, подумаешь....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
Grantville, PA
July-August 1988

